LE PRINCIPE ANTHROPOLOGIQUE EN PHILOSOPHIE par N. TCHERNYSCHEWSKY

РУССКАЯ

СОЦІАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ

ВЪ ФИЛОСОФІИ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

GENÈVE — BALE — LYON
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1875

ЦѢНА 2 ФРАНКА. — PRIX : 2 FRANCS.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE SOCIALE ET DÉMOCRATIQUE

RUSSISCHE SOCIAL-DEMOKRATISCHE BIBLIOTHEK

РУССКАЯ

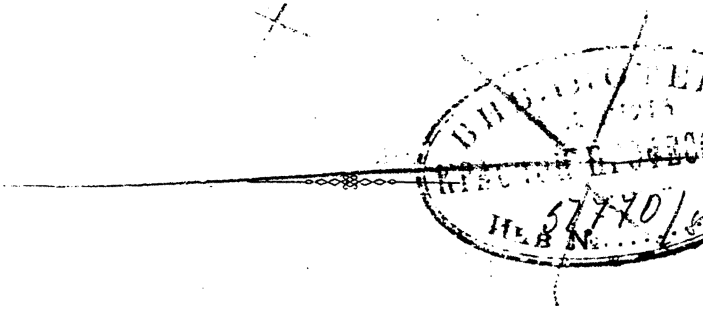
СОЦІАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ

ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО



GENÈVE — BALE — LYON
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1875

ЖЕНЕВА. — ТИПОГРАФІЯ А. ТРУСОВА.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР
III
49

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ

Русской соціально-демократической Библіотекой *издатели думаютъ положить основаніе изданію, въ которомъ чувствуется крайній недостатокъ въ русской литературѣ и которое при нашихъ цензурныхъ распорядкахъ въ самой Россіи совершенно немыслимо, именно: изданію сочиненій по соціально-экономическимъ, политическимъ и философскимъ вопросамъ.*

На счетъ матеріальныхъ средствъ, для выполненія такого обширнаго предпріятія, издатели себя не обманываютъ: средства ихъ болѣе чѣмъ скудны. Потому они и обращаются съ просьбою ко всѣмъ тѣмъ, кто, подобно имъ, сознаетъ всю громадную пользу подобнаго изданія для русской публики, поддержать его своими посильными денежными вкладами.

Вкладчики могутъ назначать свои пожертвованія спеціально на тѣ сочиненія, которыя они желали бы видѣть изданными, что и будетъ выполнено по мѣрѣ накопленія для этого достаточной суммы.

Отчетность въ поступившихъ на поддержаніе Библіотеки *деньгахъ будетъ печататься при каждомъ ея выпускѣ. Имена вкладчиковъ, по выраженному ими желанію, будутъ означаться или начальными буквами, или псевдонимами.*

Нечего и говорить, что корреспонденція и личныя сношенія съ вкладчиками, а равно и секретъ рукописей, гарантируются полнѣйшей тайной.

***

Цѣль **Соціально-демократической Библіотеки** *ясна. Россія единственная страна въ Европѣ, гдѣ всякое обсужденіе соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ, не вошедшихъ въ списокъ оффиціальной науки, устанавливаемой попомъ въ вицъ-мундирѣ, Толстымъ, и охраняемой жандармомъ Шуваловымъ, абсолютно запрещается.*

Между тѣмъ какъ въ Европѣ дѣлаются громадныя попытки примѣнить нѣкоторыя изъ соціально-экономическихъ началъ, выработавшихся не въ умахъ кабинетныхъ мыслителей, оторванныхъ отъ окружающей жизни и витающихъ въ трансцендентальныхъ, недосягаемыхъ сферахъ науки для науки, а въ мозгахъ коллективности прямымъ и единственнымъ выраженіемъ которой служатъ теперь международные съѣзды выборныхъ отъ рабочихъ — у насъ объ этихъ началахъ и упоминать считается преступленіемъ. Исключеніе бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда, съ цѣлію ихъ дискредитированія, эти начала искажаются продажными писаками, заграничными и доморощенными.

Библіотека *должна будетъ совмѣстить въ себѣ все главное, что было публиковано по соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, и въ особенности съ эпохи появленія на свѣтъ Международнаго Товарищества Рабочихъ. Говоримъ: въ особенности, потому что съ этой эпохи вопросы эти стали получать большую опредѣленность, такъ сказать воплощенность и жизненность, которыя до того были неизвѣстны и о которыхъ, къ сожалѣнію, едва ли не большинство русской интеллигенціи имѣетъ не совсѣмъ отчетливое представленіе, все еще блуждая между авторитарными теоріями коммунизма и якобинизма, теоріями много утратившими своего значенія съ возникновеніемъ Международнаго Товарищества Рабочихъ, и которымъ Парижская Коммуна, можно надѣяться, нанесла послѣдній* coup de grâce.

Стало быть, издать рядъ сочиненій, въ которыхъ устанавливались бы болѣе правильные взгляды на соціально-экономическія отношенія всего живущаго своимъ трудомъ человѣчества и разоблачались бы ложность и своекорыстная софистика ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ *и такъ называемыхъ* ПОЛИТИЧЕСКИХЪ *и* ФИЛОСОФСКИХЪ НАУКЪ, — *будетъ не главною, а единственною заботой издателей и единственной цѣлью* **Русской соціально-демократической Библіотеки.**

С. ЖЕМАНОВЪ.

NB. — Желающимъ пріобрѣсти для провоза въ Россію заразъ нѣсколько экземпляровъ **Русской Соціально-демократической Библіотеки,** а именно не менѣе 10, дѣлается слѣдующая скидка съ означенной на изданіи цѣны: отъ 10 до 40 экземпляровъ — 25 %, а свыше 40 — 40 %. — Съ требованіями обращаться въ типографію Трусова.

Для слѣдующихъ выпусковъ въ редакціи Библіотеки имѣются:

1. *Etude sur le mouvement communaliste* Лефрансе *(переводится).*
2. *Etude sur les doctrines sociales du christianisme* Гюйо *и* Лакруа *(переводится).*
3. *Конгрессы Международнаго Товарищества Рабочихъ.*
4. *Уничтоженіе государства* Энглендера.

Н. Г. Чернышевскаго:

5. *Борьба партій во Франціи* при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X.
6. *Іюльская монархія.*
7. *О землѣ, какъ элементѣ богатства.* (Библіографія.)
8. *О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала.* (Критика.)

NB. Всѣ его статьи, не вошедшія въ заграничныя изданія, предложены въ наше распоряженіе.

—

Адресоваться за свѣдѣніями въ Типографію А. Трусова:
Chemin de la Tour, 2, (à la Cluse), à Mr Troussoff.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ

ВЪ ФИЛОСОФІИ

(Очерки вопросовъ практической философіи. Сочиненіе П. Л. Лаврова. I. Личность. Спб. 1860.*)*

I.

Если бы брошюра г. Лаврова могла служить только предметомъ критическаго разбора, и если бы мы стали читать ее съ мыслью написать потомъ разборъ понятій, излагаемыхъ въ ней, мы съ первыхъ страницъ отказались бы отъ ея чтенія, потому что, — скажемъ откровенно,— мы не читали большей части тѣхъ многочисленныхъ книгъ, которыя приняты въ соображеніе авторомъ, и даже думаемъ, что никогда не прочтемъ ихъ; а безъ знакомства съ ними нельзя съ точностью оцѣнить спеціальнаго достоинства брошюры г. Лаврова. Но она не только прочтена нами, она даже послужила причиною того, что мы написали довольно длинную статью, имѣющую самыя тѣсныя отношенія къ ней.

Изслѣдованія г. Лаврова прямо начинаются ссылкою на писателя, изъ книгъ котораго ни одна не прочтена нами, — цитатою изъ Жюля Симона, очень извѣстнаго французскаго теоретика. Если бы мы не знали, къ какому направленію принадлежитъ этотъ писатель, довольно было бы намъ увидѣть двѣ строки, приводимыя

изъ него въ самомъ началѣ брошюры, чтобы лишиться охоты знакомиться съ нимъ: „сочиненіе, относящееся къ политической теоріи и чуждое текущей политики, есть теперь почти новость," говоритъ Жюль Симонъ, по свидѣтельству г. Лаврова, въ началѣ своей книги „Свобода". Этого десятка словъ, приведенныхъ изъ него, достаточно, чтобы замѣтить въ ихъ авторѣ совершенное непониманіе того порядка, по которому происходятъ всѣ дѣла на свѣтѣ и между прочимъ пишутся теоретическія сочиненія. Нынѣ политическія теоріи создаются подъ вліяніемъ текущихъ событій и ученые трактаты служатъ отголосками исторической борьбы, имѣютъ цѣлью задержать или ускорить ходъ событій. По мнѣнію Жюля Симона, прежде было не такъ,— иначе онъ не употребилъ бы слова „теперь". Этого мало: Жюлю Симону кажется также, что всѣ люди нашей эпохи, а въ томъ числѣ и ученые, поступаютъ не совсѣмъ хорошо, являясь не простыми представителями или послѣдователями абстрактныхъ ученій, не имѣющими никакого родства съ страстями своей страны въ свое время, а истолкователями и защитниками стремленій каждый своей партіи: еслибъ онъ не порицалъ ихъ за это, онъ не называлъ бы свою книгу сочиненіемъ, „чуждымъ текущей политики". Наконецъ, онъ воображаетъ, что можетъ обмануть читателей, или чистосердечно полагаетъ самъ, что говоритъ правду, титулуя свою книгу сочиненіемъ, „чуждымъ текущей политики". Подъ вліяніемъ трехъ этихъ воззрѣній написаны слова, приведенныя изъ Жюля Симона г. Лавровымъ, и всѣ эти три воззрѣнія ошибочны до такой очевидности, что свидѣтельствуютъ или о необыкновенной наивности и недальновидности Жюля Симона, или о совершенномъ недостаткѣ правдивости въ его языкѣ. Мы склоняемся къ первому предположенію, потому что человѣкъ хитрый умѣетъ хитрить, а Жюль Симонъ говоритъ несообразности слишкомъ явныя, которыя могутъ внушаться только крайнею наивностью.

Политическія теоріи, да и всякія вообще философскія ученія, создавались всегда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому принадле-

жали, и каждый философъ бывалъ представителемъ какой нибудь изъ политическихъ партій, боровшихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ философъ. Мы не будемъ говорить о мыслителяхъ, занимавшихся спеціально политическою стороною жизни. Ихъ принадлежность къ политическимъ партіямъ слишкомъ замѣтна для каждаго: Гоббзъ былъ абсолютистъ, Локкъ былъ вигъ, Мильтонъ — республиканецъ, Монтескьё — либералъ въ англійскомъ вкусѣ, Руссо — революціонный демократъ, Бентамъ просто демократъ, революціонный или нереволюціонный, смотря по надобности; о такихъ писателяхъ нечего и говорить. Обратимся къ тѣмъ мыслителямъ, которые занимались построеніемъ теорій болѣе общихъ, къ строителямъ метафизическихъ системъ, къ собственно такъ называемымъ философамъ. Кантъ принадлежалъ къ той партіи, которая хотѣла водворить въ Германіи свободу революціоннымъ путемъ, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошелъ нѣсколькими шагами дальше: онъ не боится и террористическихъ средствъ. Шеллингъ представитель партіи, запуганной революціею, искавшей спокойствія въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ, желавшей возстановить феодальное государство, разрушенное въ Германіи Наполеономъ I и прусскими патріотами, ораторомъ которыхъ былъ Фихте. Гегель умѣренный либералъ, чрезвычайно консервативный въ своихъ выводахъ, но принимающій для борьбы противъ крайней реакціи революціонные принципы, въ надеждѣ не допустить до развитія революціонный духъ, служащій ему орудіемъ къ ниспроверженію слишкомъ ветхой старины. Мы говоримъ не то одно, чтобы эти люди держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди, — это было бы еще не очень важно, но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ. Говорить, будто бы не было и прежде всегда того же, что теперь, говорить, будто бы только теперь философы стали писать свои системы подъ вліяніемъ политическихъ убѣжденій —это чрезвычайная наивность, а еще наивнѣе выражать такую мысль о тѣхъ мыслителяхъ, которые занимались

въ особенности политическимъ отдѣломъ философской науки.

Но, пусть себѣ будутъ похожи или непохожи на прежнихъ мыслителей нынѣшніе мыслители тѣмъ, что служатъ представителями политическихъ партій; какъ бы тамъ ни было въ старину, а теперь мы видимъ, что каждый человѣкъ съ развитою головою очень сильно интересуется политическими событіями: газету читаютъ даже тѣ люди, которые не въ состояніи читать книгъ сколько нибудь серьезныхъ; чѣмъ же виноваты мыслители нашей эпохи, когда не отстаютъ въ умственномъ развитіи отъ офицеровъ и чиновниковъ, помѣщиковъ и фабрикантовъ, лавочныхъ сидѣльцевъ и мастеровыхъ? Развѣ мыслителю необходимо быть тупоумнѣе и слѣпѣе каждаго грамотнаго человѣка. Всякій, достигшій какой нибудь умственной самостоятельности, имѣетъ политическія убѣжденія, судитъ обо всемъ по соображенію съ ними, — чѣмъ же виноватъ философъ или политическій теоретикъ, когда его образъ мыслей не лишенъ смысла, какой есть въ образѣ мыслей каждаго изъ людей, просвѣщать которыхъ онъ берется? Неужели учитель долженъ быть невѣжественнѣе ученика? Неужели человѣкъ, пишущій о предметѣ, долженъ интересоваться имъ меньше, чѣмъ интересуются люди, не принимающіе на себя претензіи печатать теорію этого предмета? Нужна баранья наивность, чтобы порицать ученаго за то, что онъ не глупѣе и не тупѣе неученыхъ людей.

Но забавнѣе всего простодушіе, съ какимъ Жюль Симонъ хочетъ убѣдить публику или успѣлъ убѣдить даже самого себя, будто бы его книга чужда текущей политики. Мы слыхивали о характерѣ теоретическихъ книгъ, писанныхъ Жюлемъ Симономъ въ разные годы. При іюльской монархіи его доктрина отличалась умѣреннымъ духомъ свободы и снисходительными полуодобреніями, полупорицаніями людямъ дѣйствительно прогрессивнымъ. Во время республики элементъ свободы припрятался у него подъ ожесточенною реакціею противъ рѣшительныхъ прогрессистовъ, которые тогда едва не захватили власть въ свои руки. Когда упрочилась имперія, и рѣшительные прогрессисты стали казаться

безсильными, а реакція совершенно восторжествовала, Жюль Симонъ сталъ писать въ духѣ очень яростнаго свободолюбія. Изъ этого мы видимъ, что его теоріи отражали на себѣ не просто только убѣжденія его партіи, а подчинялись даже каждому кратковременному состоянію чувства этой партіи. Еслибъ мы и не читали объ этомъ фактѣ, мы навѣрное могли бы знать, что дѣло происходило такимъ образомъ; для насъ довольно было бы знать, что Жюль Симонъ пользуется во Франціи нѣкоторою репутаціею и слѣдовательно не совершенно лишенъ ума: умный человѣкъ не можетъ не замѣчать событій, происходящихъ около него, не принимать ихъ въ соображеніе, стало быть и его система не можетъ не отражать на себѣ хода событій. Это понимаетъ всякій, кромѣ немногихъ, слишкомъ наивныхъ людей. Г. Лавровъ прямо замѣчаетъ, что цитируемый имъ авторъ не сдержалъ своего несбыточнаго обѣщанія. А если такъ, къ чему было Жюлю Симону взводить на себя неправдоподобную небылицу—увѣреніемъ въ изолированности своей системы отъ вліянія текущей политики?

Человѣкъ, который говоритъ такія наивныя несообразности, можетъ быть добродѣтельнымъ семьяниномъ, хорошимъ гражданиномъ, пріятнымъ болтуномъ; но мыслителемъ онъ быть не можетъ, потому что у него въ головѣ нѣтъ логики. Если онъ сдѣлается писателемъ, его произведенія могутъ имѣть достоинства беллетристическія, археологическія и всякія другія, но не могутъ имѣть ровно никакого философскаго значенія. Поэтому мы лишаемъ себя всякой надежды прочесть философскія сочиненія Жюля Симона. Если бы мы захотѣли фельетонныхъ достоинствъ, мы прямо стали бы читать фельетоны г-жи Эмиль Жирарденъ, Луи Дюнойе, Теофиля Готье; если бы захотѣли наслаждаться поэзіею, мы стали бы читать романы Жоржа Занда, пѣсни Беранже; если бы, наконецъ, мы захотѣли просто читать пустую болтовню, мы взялись бы за романы Александра Дюма-старшаго, или, пожалуй, младшаго, или даже маркиза Фудраса; но какая охота была бы намъ читать философскія книги Жюля Симона, въ которыхъ можетъ быть много пріятной болтовни, фельетонной соли или даже

поэзіи, но которыя все таки, по самому своему предмету, далеко отстаютъ этими достоинствами отъ порядочныхъ фельетоновъ, хорошихъ и даже плохихъ романовъ, а не имѣютъ того достоинства, изъ за котораго становится интереснымъ философское сочиненіе,— не имѣютъ логики?

Точно также мы не думаемъ, чтобы намъ удалось прочесть сочиненія нынѣшняго Фихте, о которомъ извѣстно намъ то, что о немъ всегда выражаются „сынъ знаменитаго Фихте". Такая рекомендація напоминаетъ намъ анекдотъ, случившійся въ Петербургѣ лѣтъ пять или шесть тому назадъ. Встрѣтились гдѣ-то на вечерѣ два незнакомые господина и, потолковавъ между собою, почувствовали желаніе познакомиться. „Съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?" — „Я мужъ г-жи Тедеско," отвѣчалъ его собесѣдникъ. Мы никогда не имѣли охоты слушать пѣніе мужа г-жи Тедеско.

По тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя отнимаютъ у насъ возможность познакомиться съ сочиненіями Жюля Симона и Фихте-сына, мы не читали и не прочтемъ философскихъ произведеній Шопенгауэра и Фраунштета. Они, по всей вѣроятности, прекрасные люди, но въ философіи они тоже самое, что въ поэзіи г-жа К. Павлова, одно изъ произведеній которой, „Разговоръ въ Кремлѣ," также цитуется г. Лавровымъ.

По недостатку знакоства съ многими изъ источниковъ, которыми пользовался г. Лавровъ, мы, конечно, не можемъ въ точности оцѣнить достоинство его произведенія. Мы можемъ предполагать только одно: если бы онъ не имѣлъ бо̀льшаго философскаго дарованія, чѣмъ Жюль Симонъ, Фихте-сынъ, то въ его брошюрѣ былъ бы тотъ же самый вовсе не философскій духъ, какой находится въ ихъ произведеніяхъ, и его „Теорія личности" была бы также плоха, какъ ихъ теоріи. Но его брошюра должна быть положительно признана хорошею. Изъ этого надобно заключать, что г. Лавровъ замѣтилъ многія ошибки тѣхъ посредственныхъ философовъ, которыхъ изучалъ, что онъ умѣлъ понять многія вещи гораздо лучше, нежели они, словомъ сказать, что недостатки его брошюры произошли изъ другихъ книгъ, каковы книги Жюля Симона и Фихте-сына, а достоинствами своими брошюра

обязана въ очень значительной степени самому автору. Мы думаемъ, что это предположеніе вѣрно, и потому желаемъ, чтобы г. Лавровъ продолжалъ писать статьи о философіи.

Точно также въ большую заслугу ему надобно вмѣнить и то, что онъ изучаетъ философію не по однимъ мыслителямъ такого разряда, какъ Шопенгауэръ и Жюль Симонъ. Въ нашемъ обществѣ, которое такъ мало знакомо съ истинно великими нынѣшними мыслителями западной Европы, которое считаетъ лучшими руководствами къ изученію философіи, или произведенія людей нынѣшняго поколѣнія, далеко отставшихъ отъ современнаго развитія мысли, или творенія мыслителей, великихъ, но уже слишкомъ давнихъ и переставшихъ быть удовлетворительными при нынѣшнемъ развитіи наукъ и общественныхъ отношеній, — въ нашемъ обществѣ за великую заслугу надобно считать то, когда человѣкъ, кромѣ плохихъ или обветшалыхъ руководствъ, рекомендуемыхъ ему всѣми встрѣчными и особенно всѣми спеціалистами, самъ доискивается до лучшихъ руководствъ, умѣетъ найти ихъ, умѣетъ понять ихъ. Г. Лавровъ большую часть пути ведетъ своихъ читателей по прямой и хорошей дорогѣ впередъ: это дѣлаетъ ему большую честь, потому что никто въ нашемъ обществѣ не показывалъ ему этой дороги, а вѣроятно всѣ, когда нибудь служившіе ему совѣтниками, толкали его на разныя кривыя тропинки, ведущія по болоту и большею частью назадъ, а не впередъ.

Мы высоко цѣнимъ обѣ эти заслуги: и ту, что г. Лавровъ имѣлъ силу додуматься до результатовъ, гораздо лучшихъ того, что давали ему какіе нибудь Фихте-сыновья и Жюли Симоны; и ту заслугу, что онъ умѣлъ найти для своихъ философскихъ изслѣдованій руководства, гораздо лучшія посредственныхъ и отсталыхъ книгъ. Но соединеніе прекрасныхъ мыслей, заимствованныхъ изъ дѣйствительно великихъ и современныхъ мыслителей или внушенныхъ собственнымъ умомъ, съ понятіями, или не совсѣмъ современными, или принадлежащими не тому образу мыслей, какого въ сущности держится г. Лавровъ, или, наконецъ, принадлежащихъ особенному по-

ложенію мыслителя среди публики, непохожей на нашу, и потому получающихъ невѣрный колоритъ при повтореніи у насъ, — это соединеніе собственныхъ достоинствъ съ чужими недостатками придаетъ, если мы не ошибаемся, системѣ г. Лаврова характеръ эклектизма, который производитъ неудовлетворительное впечатлѣніе на читателя, знакомаго съ требованіями философскаго мышленія. Въ брошюрѣ г. Лаврова встрѣчаются мысли, которыя едва-ли совмѣстны между собою. Мы приведемъ одинъ примѣръ тому.

Г. Лавровъ мыслитель прогрессивный,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. По всему видно, что онъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ содѣйствовать своему обществу въ пріобрѣтеніи нравственныхъ и общественныхъ благъ. Между тѣмъ на первой же страницѣ книжки мы встрѣчаемъ фразу „общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ,“ и къ этой фразѣ прибавлена для подтвержденія цитата изъ книги Милля On liberty. „Утверждаютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, чувствованія большинства, которому непріятно обнаруженіе болѣе замѣтнаго или болѣе богатаго образа жизни, чѣмъ образъ жизни, доступный этому большинству, дѣйствуютъ, какъ довольно дѣйствительный законъ противъ роскоши, и во многихъ мѣстахъ Союза, для лица, имѣющаго значительный доходъ, дѣйствительно трудно найти средства его тратить, не навлекая на себя народнаго неудовольствія.“ Миллю хорошо говорить это: англійская публика знаетъ, какъ понимать его слова, а наша публика подумаетъ богъ-знаетъ что, услышавъ ихъ безъ объясненій. Г. Лавровъ приводитъ отрывокъ изъ Милля не для какой нибудь важной цѣли, а просто для того, чтобы увеличить четырьмя словами „общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ“ длинный списокъ разныхъ политическихъ или общественныхъ формъ, пережитыхъ или переживаемыхъ западнымъ человѣчествомъ. Для такой неважной надобности, какъ представленіе 27 указаній, вмѣсто 26, не стоило затрогивать факта, требующаго слишкомъ длинныхъ разсужденій. Напрасно Г. Лавровъ привелъ его; но еще хуже, по нашему мнѣнію, вышло оттого, что онъ, указавъ на фактъ, не сказалъ нашей

публикѣ о его смыслѣ. Мы должны дополнить этотъ недостатокъ. Во-первыхъ, фактъ, называемый у г. Лаврова общественнымъ деспотизмомъ, существуетъ не во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, а почти исключительно въ одной части ихъ, въ такъ называемыхъ Штатахъ Новой Англіи и главнымъ образомъ въ городѣ Бостонѣ. Во-вторыхъ, этотъ фактъ, вовсе, какъ видимъ, не повсемѣстный, составляетъ не послѣдствіе сѣверо-американскихъ учрежденій, какъ думаютъ поверхностные наблюдатели, а просто остатокъ пуританства, ослабѣвающій съ каждымъ годомъ: извѣстно, что штаты Новой Англіи были основаны пуританами, которые считали роскошь грѣхомъ. Въ-третьихъ, даже и между потомками пуританъ стѣсненіе существуетъ вовсе не въ такой значительной степени, какъ полагаютъ довѣрчивые люди, принимающіе за чистую монету слова богатыхъ скрягъ: скряги вездѣ ищутъ предлога для извиненія своей чрезмѣрной скупости; обыкновенно они жалуются на свое безденежье, на тяжелыя времена, а въ штатахъ Новой Англіи пріискали еще новый предлогъ — мнимую стѣснительность какого-то повѣрья, почти уже переставшаго существовать.

Если уже говорить объ общественномъ деспотизмѣ въ Сѣверной Америкѣ, то слѣдовало бы указать не на эту ничтожную черту отживающей старины, а на другое явленіе, которымъ производятся теперь такія сильныя смуты въ Соединенныхъ Штатахъ: въ той части ихъ, которая сохранила невольничество, общественное мнѣніе, находясь подъ владычествомъ плантаторовъ, не допускаетъ ни одного слова, похожаго на аболиціонизмъ; люди, говорящіе противъ невольничества, подвергаются грабежу, изгнанію и уголовнымъ наказаніямъ. Но довольно сказать, что въ этой половинѣ Союза, въ южныхъ, или невольническихъ штатахъ, господствуетъ аристократія: вся власть фактически принадлежитъ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ богатыхъ плантаторовъ, которые держатъ въ невѣжествѣ и нищетѣ не только своихъ негровъ, но и массу бѣлаго населенія этихъ штатовъ. Извѣстно, что вся земля въ Виргиніи и другихъ старинныхъ невольничьихъ штатахъ принадлежитъ потомкамъ

старинныхъ вельможъ, получившихъ ее по пожалованью при Стюартахъ. Они постепенно расширяли свои владѣнія и на тѣ страны, въ которыхъ основаны новые невольничьи штаты; они держатъ шайки бандитовъ, подобныхъ знаменитому Уокеру. Вообще разница между Неаполемъ и Швейцаріею не такъ велика, какъ разница между южною и сѣверною половинами Соединенныхъ Штатовъ. Сѣверные (свободные) штаты только въ послѣднее время стали сознавать, что до сихъ поръ сохраняли надъ Союзомъ преобладаніе аристократы южныхъ (невольничьихъ) штатовъ, и коренной смыслъ нынѣшней борьбы между аболиціонистами и плантаторами заключается въ томъ, что демократія, господствующая въ сѣверныхъ штатахъ, хочетъ вырвать политическую власть надъ Союзомъ изъ рукъ аристократовъ-плантаторовъ (*).

Западная Европа очень богата политическими опытами, политическими теоріями, говоритъ г. Лавровъ, но къ чему же она пришла, такъ дорого заплативъ за опыты, употребивъ такъ много умственныхъ силъ на оцѣнку ихъ? Она пришла только къ чувству неудовлетворенности своимъ настоящимъ, къ страху за свое будущее: „Вездѣ критика и критика; надежды, недавно кипѣвшія съ такою силою, ослабѣли; будущее страшно для всѣхъ.“ Этотъ выводъ г. Лавровъ подтверждаетъ выписками изъ Кюля Симона, Милля и изъ автора книги „de la Justice“.

(*) Въ Сѣверной Америкѣ многія слова, относящіяся къ политической жизни, употребляются не въ такомъ смыслѣ, какъ въ Европѣ: отъ этого происходятъ чрезвычайно частыя ошибки въ европейскихъ сужденіяхъ о сѣверо-американскихъ дѣлахъ. Аболиціонисты, которыхъ по европейскимъ понятіямъ слѣдуетъ называть демократами, называются теперь въ Сѣверной Америкѣ просто республиканцами; ихъ противники, аристократы, присвоили себѣ имя демократовъ. Какъ произошло такое превращеніе именъ, разсказывать здѣсь было бы неумѣстно, и мы замѣчаемъ о немъ только для того, чтобы читатель видѣлъ, что мы, приписывая аристократическій характеръ защитникамъ невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ, не забыли о названіи демократовъ, которое они фальшиво себѣ присвоили. Такія превращенія въ смыслѣ политическихъ словъ встрѣчаются очень часто и въ европейской исторіи. Напримѣръ, во Франціи патріотами въ концѣ прошлаго вѣка назывались республиканцы, а въ Германіи въ началѣ нынѣшняго вѣка тѣмъ же именемъ звали себя защитники феодальныхъ учрежденій.

О мнѣніяхъ Жюля Симона мы не станемъ говорить, но обратимъ вниманіе на взгляды двухъ другихъ писателей, цитуемыхъ г. Лавровымъ, потому что они люди дѣйствительно очень умные и совершенно честные.

Милля мы очень уважаемъ; онъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ мыслителей нынѣшней эпохи и сильнѣйшій мыслитель между экономистами, которые остались вѣрны ученію Смита. Впрочемъ, послѣдняя рекомендація сама по себѣ еще не могла бы служить мѣркою ума, потому что другихъ, сколько нибудь сильныхъ въ логикѣ людей, это экономическое направленіе рѣшительно не имѣетъ. Но, говоря не по сравненію съ другими экономистами смитовской школы, съ которыми неприлично сравнивать людей большаго ума, а по сравненію вообще съ ученымъ людьми по всѣмъ наукамъ, Милля можно назвать принадлежащимъ къ разряду тѣхъ второстепенныхъ, но все таки очень замѣчательныхъ мыслителей, силу мысли которыхъ мы яснѣе всего опредѣлимъ, если скажемъ, что она такъ же велика, какъ, напримѣръ, сила поэтическаго таланта у лучшихъ изъ нынѣшнихъ нашихъ бедлетристовъ. Г. Писемскій, напримѣръ, вовсе не Гоголь, но все таки его талантъ далеко не дюжинный. Точно такъ и Миллю далеко до такихъ людей, какъ Адамъ Смитъ, или Гегель, или Лавуазье, — до людей, вводившихъ въ науку новыя основныя идеи; но довольно самостоятельно развивать идеи, уже получившія господство, пройти нѣсколько шаговъ впередъ по направленію, уже указанному другими,— это дѣло такихъ людей, какъ Милль. Они заслуживаютъ большаго уваженія. Посмотримъ же, что говоритъ Милль, и почему онъ такъ говоритъ?

Его можно характеризовать однимъ недавнимъ дѣломъ. Читателю извѣстно, что въ Англіи стоитъ теперь на очереди вопросъ о пониженіи избирательнаго ценза. Самые отсталые консерваторы согласны, что это дѣло неизбѣжное. Они всячески стараются затянуть его, стараются уменьшить размѣръ его, говорятъ о рискованности большихъ перемѣнъ, объ опасностяхъ, угрожающихъ конституціи; но сознаются, что какую нибудь уступку надобно сдѣлать. Въ началѣ прошлаго года,

когда умы, еще мало развлеченные внѣшними дѣлами, были сильно заняты пониженіемъ ценза, Милль издалъ брошюру, и напечаталъ письмо, въ которыхъ объяснялъ, что прежде, нежели давать права людямъ какого нибудь сословія, надобно сдѣлать точныя ученыя изслѣдованія объ умственныхъ, нравственныхъ и политическихъ качествахъ людей этого сословія. Мы не знаемъ, говорилъ онъ каковы политическія убѣжденія разныхъ разрядовъ работниковъ, мелкихъ лавочниковъ и другихъ людей, не пользующихся теперь политическими правами: кого они будутъ выбирать своими представителями, на какой путь повлекутъ ихъ представители палату общинъ? Но главнымъ предметомъ его замѣчаній былъ вопросъ о замѣнѣ открытой подачи голосовъ на выборахъ тайною баллотировкою. Консерваторы говорятъ, что открытая подача голосовъ развиваетъ въ человѣкѣ гражданскую доблесть, прямодушіе и всевозможныя другія добродѣтели, а тайная баллотировка нужна только трусамъ, которые лучше пусть и не участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ, пока не пріучатся быть доблестными гражданами, или людямъ двоедушнымъ, которые на словахъ будутъ обѣщать свой голосъ одному кандидату, а подадутъ голосъ за другаго. Всѣ прогрессисты, напротивъ, требуютъ тайной баллотировки, говоря, что только ею ограждается независимость избирателя. Милль, хотя самъ большой прогрессистъ въ теоріи, не побоялся высказать, что не раздѣляетъ въ этомъ случаѣ мнѣнія своихъ политическихъ друзей. Это дѣлаетъ ему, какъ человѣку, тѣмъ больше чести, что прежде онъ думалъ иначе и теперь съ откровеннымъ благородствомъ прямо говоритъ, что принужденъ отказаться отъ своего прежняго мнѣнія, какъ неосновательнаго. Значила ли эта брошюра, восхитившая собою всѣхъ консерваторовъ, что Милль пересталъ быть прогрессистомъ? Нѣтъ, въ теоріи онъ по прежнему защищаетъ предоставленіе избирательнаго голоса всѣмъ взрослымъ людямъ; онъ идетъ тутъ гораздо далѣе самихъ чартистовъ, доказывая, что голосъ на выборахъ долженъ быть данъ и женщинамъ, тогда какъ даже чартисты говорятъ только о мужчинахъ. Но дѣло въ томъ, что къ живому вопросу Милль приступаетъ съ

идеальнымъ желаніемъ повести его путемъ дѣйствительно наилучшимъ, по научному взгляду: прежде чѣмъ сдѣлать перемѣну, конечно, надобно собрать самыя лучшія и полныя данныя о качествахъ предмета, къ которому относится перемѣна, чтобы съ математическою точностью можно было предсказать ея результаты. Такъ и дѣлаютъ, напримѣръ, въ таможенныхъ реформахъ: высчитаютъ до послѣдней копѣйки, на сколько уменьшится въ первый годъ таможенный сборъ отъ пониженія пошлины, съ какою быстротою начнетъ онъ потомъ возрастать, во сколько лѣтъ и до какой цифры возвысится. Милль хотѣлъ бы, чтобы и парламентская реформа была произведена такимъ же разумнымъ и осмотрительнымъ порядкомъ. Не собрано статистическихъ данныхъ о томъ, какое число людей честныхъ и вовсе не трусливыхъ поставлены своими житейскими обстоятельствами въ такую зависимость, что при открытой подачѣ голосовъ принуждены или вовсе не являться на выборы, или подавать голосъ не за того кандидата, котораго предпочитаютъ въ душѣ. Свѣдѣній этихъ не собрано, потому и Милль послѣ многолѣтняго обдумыванья рѣшилъ наконецъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній предпочесть тайную баллотировку открытой подачѣ голосовъ. А если бы собрать доказательства, достаточныя для возведенія наклонности прогрессистовъ къ тайной баллотировкѣ въ научную истину, Милль былъ бы очень радъ раздѣлять желанія своихъ политическихъ друзей. Словомъ сказать, онъ въ своей брошюрѣ явился человѣкомъ очень честнымъ и такимъ же прогрессистомъ, какъ прежде, только выставилъ непрактичныя требованія. Отчего же эта непрактичность? Просто отъ слишкомъ сильнаго желанія, чтобы развитіе общественной жизни шло путемъ совершенно разсудительнымъ. На дѣлѣ этого не бываетъ въ важныхъ вещахъ ни въ жизни отдѣльнаго человѣка, ни въ народной жизни. Совершенно хладнокровно, спокойно, обдуманно, разсудительно дѣлаются только вещи не слишкомъ важныя. Посмотрите на человѣка, съ какой обдуманностью, какъ умно выбираетъ онъ, какую дѣвицу ангажировать на кадриль или мазурку: какъ зорко оцѣниваетъ онъ и красоту, и наряд-

ность, и пріятность въ разговорѣ, и ловкость въ танцахъ избираемой имъ дамы, прежде чѣмъ подойдетъ къ ней съ предложеніемъ. Но вѣдь это потому, что дѣло тутъ не важное для него. Такъ ли онъ поступитъ при выборѣ невѣсты? Дѣло извѣстное, что почти всѣ порядочные люди становятся женихами, сами не зная какъ это случилось: кровь разгорячена, сорвалось съ языка слово,— и кончено. Правда, и при выборѣ невѣсты поступаютъ обдуманно, благоразумно, очень многіе; но вѣдь это бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда женитьба представляется рѣшающемуся на нее дѣломъ простаго комфорта, т. е. развѣ не многимъ по важнѣе, чѣмъ пріискиваніе удобной квартиры или хорошаго повара. Даже изъ людей, женящихся просто съ корыстными цѣлями, слишкомъ часто дѣлаютъ неразсудительный выборъ тѣ, у которыхъ желаніе обогатиться доходитъ до страсти. Гдѣ замѣшана страсть, тамъ обдуманность и хладнокровіе невозможны — это истина извѣстная по прописямъ. Каждый важный общественный вопросъ возбуждаетъ страсти, это дѣло также извѣстное. Если реформа касается только небольшой части общества или, затрогивая интересы всѣхъ, представляетъ для каждаго рискъ лишь незначительнаго убытка или выигриша, словомъ сказать, если реформа не очень важна, она можетъ производиться хладнокровнымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, пониженіе пошлины на чай или сахаръ произведено было въ Англіи очень спокойно и раціонально: кому охота была волноваться изъ за того, что уменьшится нѣсколькими пенсами цѣна фунта чая, или нѣсколькими шиллингами цѣна центнера сахара? Каждому было пріятно получить черезъ это возможность сберечь десятка полтора или два шиллинговъ въ годъ; но кому надобность горячиться изъ за такой мелочи? Убытка не приносила реформа никому. Но большой убытокъ приносила англійскимъ судохозяевамъ другая реформа, также очень полезная: отмѣна навигаціоннаго акта, по которому англійскія суда пользовались въ англійскихъ гаваняхъ таможенными преимуществами передъ иностранными. Сословіе судохозяевъ доходило до ярости въ то время, и до сихъ поръ кипитъ злостью, съ неистовствомъ требу-

етъ, чтобы возстановили навигаціонный актъ. За то это сословіе составляетъ лишь ничтожную часть въ торговомъ классѣ, который, за исключеніемъ судохозяевъ, весь выигрывалъ черезъ реформу. Люди раздраженные были безсильны, и потому дѣло велось обществомъ очень холодно. Но такъ ли были отмѣнены хлѣбные законы, когда теряли привилегію люди сильные въ англійскомъ обществѣ? Читатель знаетъ, что людямъ, хотѣвшимъ этого полезнаго дѣла, только тогда удалось побороть могущественную оппозицію, когда разыгрались страсти въ большинствѣ общества, много выигрывавшаго отъ важной реформы; а когда общество взволновалось страстью, холодное веденіе дѣла невозможно. Развѣ у Роберта Пилля достало времени на многолѣтнія статистическія изысканія, когда подошла неизбѣжность перемѣны? Нѣтъ, какія свѣдѣнія были, тѣми и воспользовались, медлить было нельзя. А вѣдь это не совсѣмъ раціонально: почему знать, если бы глубже вникнуть въ дѣло, быть можетъ нѣкоторыя подробности закона обработались бы лучше? Быть можетъ, представилась бы возможность вполнѣ достичь цѣли, не повредивъ выгодамъ многихъ противниковъ реформы, дѣйствительно подвергшихся черезъ нее убытку? Конечно такъ, но очень важныя для общества дѣла никогда такъ не дѣлались. Посмотрите, какимъ путемъ уничтожался феодализмъ, или обращалась въ ничтожество инквизиція, или получались права среднимъ сословіемъ, вообще уничтожалось какое нибудь важное зло или вводилось какое нибудь важное благо. Милль очень хорошо понимаетъ это, какъ научную истину, какъ общій принципъ историческаго развитія; но когда пришлось видѣть на опытѣ приложеніе этого принципа, онъ смутился и сталъ говорить богъ знаетъ что. Отчего же смущеніе передъ фактомъ у человѣка, ясно понимающаго и отважно допускающаго принципъ, изъ котораго родился этотъ фактъ? Просто отъ разницы впечатлѣнія, производимаго отвлеченною мыслью и фактомъ, дѣйствующимъ на чувства. Осязаемый предметъ дѣйствуетъ гораздо сильнѣе отвлеченнаго понятія о немъ. Человѣкъ, хладнокровно разсуждающій о томъ, что онъ сдѣлаетъ въ данномъ случаѣ, рѣдко имѣетъ

силу сохранить все спокойное присутствіе духа при дѣйствительномъ появленіи этого случая, если онъ сколько нибудь дѣйствительно важенъ. Когда онъ пріятенъ, при первыхъ признакахъ его появленія нами овладѣваетъ радостное волненіе, когда онъ непріятенъ — тяжелый трепетъ,— и ощущенія эти возбуждаются такъ легко, что очень часто производятся даже простымъ обманомъ чувствъ: дѣйствительныхъ признаковъ еще нѣтъ, но мы уже радуемся или тоскуемъ, по наклонности отыскивать во всемъ слѣды занимающаго насъ предмета, принимая за признаки приближающагося факта такія явленія, которыя на самомъ дѣлѣ ни мало не относятся къ нему. Оттого-то каждая политическая партія постоянно видитъ приближеніе своего идеала, истолковывая, каждая по своему, одни и тѣ же явленія, какъ признаки совершенно противоположныхъ одна другой перемѣнъ. Какъ бы то ни было, основательно или неосновательно бываетъ ожиданіе великихъ перемѣнъ, съ радостью или тоскою ждутъ ихъ заинтересованные люди, но дѣло въ томъ, что ихъ сужденіе, справедливое или несправедливое, никакъ не можетъ быть хладнокровно. Мы видѣли, съ какими чувствами принялъ Милль фактическіе признаки приближенія парламентской реформы, необходимость которой онъ самъ признаетъ въ теоріи. Отвлеченнымъ образомъ онъ желаетъ ея, но фактъ навелъ на него нѣкоторую робость. Это значитъ, что въ сущности лично для него перемѣна непріятна, что у него достало нравственнаго мужества побороть эту непріятность въ теоріи, но не достало силы побѣдить болѣе сильное впечатлѣніе, производимое фактомъ.

Теперь мы можемъ обратиться къ тому общему сужденію о положеніи дѣлъ въ западной Европѣ, которое беретъ изъ Милля г. Лавровъ. Вотъ слова Милля: „Современное направленіе общественнаго мнѣнія представляетъ то же самое въ неорганизованномъ видѣ, что мы видимъ организованнымъ въ китайской политической и педагогической системѣ; и если личности не будутъ способны успѣшно возстать противъ этого ярма, то въ Европѣ, не смотря на ея благородное прошедшее и на исповѣдуемое ею христіанство, разовьется второй Ки-

тай.“ У насъ многіе съ большимъ удовольствіемъ схватились за эти слова, принимая ихъ за чистую монету; другіе сильно огорчились отъ нихъ. Западная Европа идетъ къ состоянію китаизма, она уже не въ силахъ выработать новыхъ формъ жизни, она будетъ только заканчивать систематическую постройку прежнихъ формъ, уже оказывающихся неудовлетворительными; потребности настоящаго, несовмѣстныя съ ними, будутъ подавлены преданіемъ, и на всемъ Западѣ водворяется однообразная методичность насильственной рутины, какую мы видимъ въ Китаѣ. Такъ говорятъ нѣкоторые даже изъ самыхъ лучшихъ нашихъ людей, и указываютъ на грустный приговоръ Милля, какъ на подтвержденіе очень сильное. Но легко сообразить, какого довѣрія заслуживаютъ въ подобныхъ вещахъ впечатлѣнія человѣка, смутившагося даже такою частною перемѣною, какъ парламентская реформа, и притомъ перемѣною, являющеюся въ такомъ умѣренномъ объемѣ, какой принадлежитъ требованіямъ даже радикальной партіи парламента въ лицѣ ея представителя Брайта, который притомъ лишенъ надежды достичь осуществленія даже своихъ предложеній въ самомъ смягченномъ и ослабленномъ ихъ видѣ. Если Милль смутился отъ парламентской реформы, то можно ли ожидать, чтобы онъ хладнокровно разсудилъ о признакахъ перемѣны, которая стремится обнять всю общественную и частную жизнь западной Европы, измѣнить всѣ учрежденія и нравы, начиная съ государственныхъ формъ и кончая семейными отношеніями и экономическими постановленіями? Что мудренаго, если отъ признаковъ такой громадной перемѣны затмится холодная ясность сужденія у человѣка, который можетъ безъ особеннаго трепета анализировать отвлеченныя понятія, но которому лично непріятны факты, соотвѣтствующіе этимъ понятіямъ? Въ приведенныхъ г. Лавровымъ словахъ Милля мы видимъ не анализъ сущности дѣла, а только впечатлѣніе, производимое этимъ дѣломъ на человѣка, имѣющаго благородный образъ мыслей, но по своимъ личнымъ обстоятельствамъ принадлежащаго къ сословіямъ, ожидающимъ себѣ потерь отъ перемѣны, выгодной для всего общества. Когда онъ говоритъ: за-

падная Европа находится въ кризисѣ, исходъ котораго сомнителенъ; отвратить этотъ кризисъ, остановить развитіе вещей, вернуться къ прошлому — невозможно; но неизвѣстно, чѣмъ кончится кризисъ: приведетъ ли онъ западную Европу къ развитію болѣе высокихъ формъ жизни или къ китаизму, къ деспотизму подъ формою свободы, къ застою подъ формою прогресса, къ варварству подъ формою цивилизаціи, — когда онъ говоритъ это, намъ припоминаются чувства и слова честной части англійскихъ лендлордовъ во время отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Тѣ лендлорды, которые имѣли благородный образъ мыслей, также говорили тогда: да, мы видимъ, что отмѣнить хлѣбные законы необходимо; всякое сопротивленіе останется напрасно и можетъ только увеличить размѣръ окончательной побѣды Кобдена съ его товарищами; но къ чему приведетъ эта неизбѣжная перемѣна? Не убьетъ ли она англійское земледѣліе? Не разоритъ ли она наше сословіе? — это бы еще ничего: свою бѣду мы перенесли бы безропотно,— но не разоритъ ли она и фермеровъ, не пуститъ ли по міру голодными и милліоны деревенскихъ рабочихъ, пашущихъ поля для нашихъ фермеровъ? Эти люди говорили добросовѣстно; однако же, фактъ показалъ неосновательность ихъ мрачныхъ сомнѣній, и постороннему зрителю съ самаго начала было видно, что подобныя опасенія за будущность внушались этимъ людямъ только невыгодностью перемѣны для сословія, къ которому они принадлежали. Точно таково же происхожденіе боязни Милля за будущность западной Европы: его сомнѣніе о предстоящей судьбѣ цивилизованныхъ странъ не больше, какъ возведенное личнымъ чувствомъ въ общую формулу предчувствіе того, что дальнѣйшее развитіе цивилизаціи будетъ уменьшать привилегіи, присвоенныя сословіемъ, къ которому самъ онъ принадлежитъ. Постороннему человѣку очень замѣтна неосновательность силлогизма, обращающаго въ опасность для всего общества потерю привилегій.

Въ Миллѣ мы видимъ представителя чувствъ, съ которыми благородные люди богатыхъ сословій западной Европы встрѣчаютъ предстоящую перемѣну обществен-

ныхъ отношеній. Не менѣе любопытенъ характеръ воззрѣній другаго мыслителя, служащаго представителемъ умственнаго положенія простолюдиновъ западной Европы. Авторъ книги de la Justice былъ сынъ деревенскаго бочара,— не какого нибудь хозяина большой мастерской, — нѣтъ, простаго деревенскаго мужика, который самъ и одинъ, безъ всякихъ наемныхъ работниковъ, набивалъ обручи на мужицкія бочки и жилъ такъ же бѣдно, какъ всѣ мужики той деревни. Въ дѣтствѣ своемъ, мыслитель отчасти служилъ пастухомъ, отчасти помогалъ отцу набивать обручи. Нѣкоторые добрые люди зажиточнаго сословія, замѣтивъ умъ мальчика, помогли отцу отдать его въ безансонскую гимназію. Но книгъ покупать ученику было не на что, и онъ училъ уроки уже въ классной комнатѣ, въ немногія минуты передъ начатіемъ класса, по книгамъ своихъ товарищей. Бѣдность семейства скоро заставила его бросить гимназію, чтобы снова стать работникомъ; на 19-мъ году удалось ему поступить въ одну изъ безансонскихъ типографій наборщикомъ; черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался онъ корректоромъ, а потомъ достигъ должности фактора. Такъ прошло цѣлыхъ 15 лѣтъ; молодой наборщикъ читалъ книги, думалъ, пробовалъ самъ писать кое-что, и за одно изъ своихъ сочиненій получилъ трехлѣтнюю стипендію въ 1,500 франковъ отъ безансонской академіи (общества любителей словесности). Это помогло ему въ занятіяхъ. Онъ продолжалъ писать, оставаясь типографскимъ работникомъ; но безансонская академія уже отвергала его новые труды, замѣтивъ, какой неблагонамѣренный характеръ обнаруживается въ образѣ мыслей ея стипендіанта, который сначала представился ей человѣкомъ самыхъ консервативныхъ понятій. Между тѣмъ авторъ, оказавшійся очень дѣльнымъ человѣкомъ по управленію коммерческими дѣлами, пріискалъ себѣ мѣсто коммиссіонера (управляющаго) въ конторѣ водяной и сухопутной транспортировки братьевъ Готье въ Ліонѣ. Въ этой конторѣ служилъ онъ до самаго 1848 года, который доставилъ ему возможность жить уже одними литературными трудами. Управляя конторою Готье, онъ былъ дѣльцомъ очень распорядительнымъ и практичнымъ,

такъ что привелъ въ цвѣтущее положеніе фирму, въ которой служилъ. Эта внѣшняя сторона жизни автора книги de la Justice служитъ вѣрнымъ отраженіемъ общихъ отношеній западнаго простонародья въ его трудовой жизни. Простонародье должно выбиваться изъ самаго жалкаго положенія; благосостоятельнымъ классамъ сначала бываетъ жалко видѣть людей умныхъ, честныхъ, трудолюбивыхъ, находящимися въ безвыходной бѣдности и въ униженіи; сильные міра помогаютъ по чистому человѣческому чувству своимъ менѣе счастливымъ братьямъ: благодаря сострадательной заботливости зажиточныхъ людей, сынъ бѣднаго мастероваго, пастухъ и ученикъ бочара поступаетъ въ школу, выводится на дорогу, по которой и прійдетъ къ почету и выйдетъ изъ бѣдности. Но помощь эта, при всей своей похвальности, недостаточна, заботливость эта, при всей своей гуманности, не довольно внимательна: мальчикъ, прежде чѣмъ обратился въ юношу, уже остается безъ хлѣба, долженъ бросить путь къ хорошему положенію въ обществѣ, чтобы кормить себя и свою семью черной работой. Много гибнетъ тутъ силъ и времени въ неблагодарномъ трудѣ поденщика, живущаго со дня на день, работающаго 14 часовъ въ сутки, чтобы имѣть невѣрную и скудную пищу. Но природныя дарованія велики у него; онъ еще ничему не выучился, за то узналъ по крайней мѣрѣ, что спасенье можетъ быть дано ему только наукой: онъ уже не отстанетъ отъ умственнаго труда, какъ бы ни стѣсняли его обстоятельства. Притомъ же, онъ хочетъ знать правду. Кромѣ матеріальной потребности знанія, въ немъ уже развита любознательность. И вотъ, урывая время отъ сна, отказывая себѣ во всякомъ развлеченіи, даже въ отдыхѣ, онъ посвящаетъ часъ или полчаса поздняго вечера чтенію, какъ бы ни чрезмѣрна была черная работа, занимавшая его цѣлый день. Такимъ образомъ, учится онъ много; а мыслитъ онъ еще больше: голова его думаетъ надъ общечеловѣческими вопросами и надъ вопросами о положеніи цѣлаго его сословія, пока руки его исполняютъ черную работу. Тяжелъ и длиненъ этотъ путь: пятнадцать лѣтъ нужно ему на то, чтобы пріобрѣсти свѣдѣнія,

которыя при лучшихъ условіяхъ пріобрѣлъ бы онъ въ два-три года. За то было у него время глубоко обдумывать все, что узнаетъ онъ, и мысль его получила великую проницательность. Вотъ онъ знаетъ уже все, что знаютъ ученые люди, а судитъ онъ яснѣе ихъ; онъ можетъ сообщить имъ нѣчто достойное ихъ вниманія: въ его мысляхъ есть нѣчто новое, потому что порождены онѣ жизнью, какой не испытываютъ классы, имѣющіе ученыхъ людей. На первый разъ это новое такъ же нравится ученымъ порядочнаго общества, какъ нравилась прежде даровитость деревенскаго мальчика: они одобряютъ труженника; онъ продолжаетъ свой умственный трудъ, развиваетъ свои мысли, — но тутъ догадываются, наконецъ, его покровители, что есть какая-то вредная сторона въ его мысляхъ, показавшихся сначала такими невинными. Прежнее, довольно гордое участіе къ нему замѣняется въ нихъ подозрительностью, она усиливается, подтверждается, переходитъ въ положительную нелюбовь, потомъ въ ненависть къ нему за его вредный образъ мыслей, за его гибельныя стремленія; онъ отвергнутъ всѣми, кто имѣетъ хорошее положеніе въ обществѣ, подвергается гоненіямъ; но уже поздно: онъ уже не нуждается въ покровительствѣ, онъ уже сильнѣе преслѣдователей, онъ знаменитъ, и всѣ его трепещутъ, потому что онъ сокрушаетъ каждаго, на кого принужденъ поднять руку. Эта біографія отдѣльнаго человѣка — исторія сословія, къ которому онъ принадлежитъ.

Этотъ человѣкъ интересенъ, какъ полный представитель умственнаго положенія, до котораго возвышается на западѣ простолюдинъ. Переходя къ его теоріямъ, мы также найдемъ, что исторія его развитія отразилась въ нихъ всѣми своими сторонами и въ томъ числѣ своими недостатками. Онъ самоучка; по какимъ книгамъ онъ учился? Зналъ ли онъ, какія книги выбирать, зналъ ли онъ, на какія ученія обращать вниманіе, какъ на ученія дѣйствительно современныя? Нѣтъ, онъ учился по книгамъ, какія попадались ему въ руки, а чаще всего попадаются книги, написанныя въ духѣ теорій, уже получившихъ господство въ обществѣ, то есть теорій уже

довольно старыхъ и значительно устарѣвшихъ. Такова судьба всякаго самоучки. Если кто нибудь изъ насъ, не учившихся, напримѣръ, химіи, вздумаетъ заняться этою наукою и не будетъ во время имѣть хорошихъ руководителей, онъ навѣрное возьмется или за школьныя руководства, служащія вмѣстилищемъ всякаго хлама, или за книги химическихъ знаменитостей, слава которыхъ уже распространилась въ обществѣ: за Либиха, можетъ быть даже за старика Берцеліуса; а люди, знакомые съ химіею въ нынѣшнемъ ея видѣ, говорятъ, что понятія не только Берцеліуса, но и Либиха уже устарѣли, уже не годятся въ руководство человѣку, который хотѣлъ бы узнать химію въ нынѣшнемъ ея видѣ; что науку эту надобно теперь изучать по другимъ писателямъ, а книги Либиха могутъ служить съ пользою только уже для справокъ, только уже человѣку, усвоившему себѣ другой взглядъ на дѣло.

Г. Лавровъ занятъ философскою стороною системы автора книги de la Justice, и мы обратимъ вниманіе здѣсь также на эту сторону, хотя для экономической науки его сочиненія гораздо важнѣе, чѣмъ для философіи. Авторъ книги de la Justice далеко превосходитъ всѣхъ своихъ французскихъ соперниковъ тѣмъ, что знакомъ съ нѣмецкою философіею. Ни о какомъ другомъ французскомъ философѣ нельзя сказать, чтобы онъ владѣлъ этимъ знаніемъ. Говорятъ, будто бы Кузенъ изучалъ Шеллинга и Гегеля; но они оба находили, что онъ рѣшительно не понимаетъ духа ихъ ученій, подъ именемъ ихъ системъ воображаетъ себѣ какую-то нелѣпицу, составившуюся въ его головѣ изъ смѣси непонятыхъ нѣмецкихъ выраженій съ принципами, противорѣчащими не только нѣмецкой философіи, но и духу всякаго научнаго изслѣдованія. Слѣдовавшіе за Кузеномъ французскія знаменитости по части философіи, точно такъ же какъ онъ, оставались чужды духу великихъ нѣмецкихъ мыслителей или даже и вовсе не знакомы съ ними. Объ авторѣ книги de la Justice надобно сказать не то: онъ глубоко проникнутъ принципами нѣмецкой философіи. Мы читали, будто бы онъ не знаетъ по нѣмецки; если это правда, то все еще ничего не значитъ. Бѣлин-

скій также не зналъ по нѣмецки, а между тѣмъ зналъ нѣмецкую философію такъ, что не наберется въ самой Германіи десяти человѣкъ, понимающихъ ее столь же глубоко и ясно. Мы слышали, что главный источникъ знакомства съ этою наукою у автора книги de la Justice и у Бѣлинскаго былъ одинаковъ: разговоры съ людьми занимавшимися нѣмецкою философіею: говорятъ, что даже эти люди были одни и тѣ же. Можно полагать, что такія извѣстія справедливы. Но какъ бы то ни было, Прудонъ проникся духомъ нѣмецкой философіи. Это составляетъ одну изъ сильнѣйшихъ его сторонъ. Надобно прибавить, что одна изъ причинъ неудовлетворительности или по крайней мѣрѣ неясности его понятій также заключается въ этомъ знакомствѣ, именно въ томъ обстоятельствѣ, что онъ узналъ нѣмецкую философію подъ формою системы Гегеля и остановился на этой формѣ, какъ на окончательномъ выводѣ, между тѣмъ какъ въ Германіи наука развивалась дальше. Система Гегеля, проникнутая духомъ, господствовавшимъ надъ общественнымъ мнѣніемъ во время реставраціи и получившимъ свое начало во время первой имперіи, сама по себѣ уже не соотвѣтствуетъ нынѣшнему состоянію знаній. Надобно еще прибавить, что Гегель по своей натурѣ, или, быть можетъ по разсчету, облекалъ свои принципы въ одежду очень консервативную, когда говорилъ о политическихъ и теологическихъ предметахъ. Смѣлый французскій простолюдинъ, усвоивъ себѣ его методъ, не остался доволенъ его выводами и сталъ пріискивать для принциповъ Гегеля развитіе, болѣе сообразное съ ихъ собственнымъ духомъ и съ своимъ личнымъ образомъ мыслей, чѣмъ какое получили они у самаго Гегеля. Если бы онъ заблаговременно былъ познакомленъ съ послѣдующимъ развитіемъ науки въ Германіи, онъ нашелъ бы въ немъ то, чего искалъ. Но не имѣя этого пособія, онъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ; а исторія его умственнаго развитія помѣшала этимъ силамъ сохранить или пріобрѣсти качества, нужныя для построенія связной и однородной философской системы. Онъ слишкомъ много начитался новыхъ французскихъ философовъ, прежде чѣмъ

сталъ ученикомъ Гегеля. Когда онъ передѣлывалъ его систему, онъ слишкомъ часто упадалъ подъ вліяніе мыслей, какія прежде были привычны ему по французскимъ книгамъ. Такимъ образомъ, его собственная система составлялась изъ соединенія гегелевской философіи съ понятіями французскихъ философовъ, часто не имѣющими научнаго духа. Повсюду видна у него чрезвычайная сила ума, но слишкомъ часто замѣтно, что умъ этотъ связывался воззрѣніями, не имѣющими никакого научнаго основанія. Результатомъ столь неблагопріятныхъ условій была темнота ; онъ самъ замѣтилъ ее и хотѣлъ выйти изъ нея, или страстными порывами ненависти къ преданію, противъ его воли опутывавшему его, или усиліями придать ему разумный смыслъ. Во всемъ этомъ мы опять видимъ общія черты того умственнаго положенія, въ которомъ находится теперь западно-европейскій простолюдинъ. Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ въ сущности понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ научныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, наклонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній.. При незнакомствѣ съ этими понятіями онъ принужденъ учиться по книгамъ или положительно дурнымъ, или устарѣлымъ, оставаться подъ вліяніемъ ошибочныхъ мнѣній, господствующихъ въ такъ называемой образованной публикѣ, въ которой достигаетъ господства только то, что уже отжило свое время въ наукѣ, принужденъ истощать свои силы на борьбу съ предразсудками уже разоблаченными истинно современной наукой, еще не дошедшей до него, или подчиняться этимъ предразсудкамъ, переходить отъ гнѣва на нихъ къ покорности имъ, вмѣсто того, чтобы холодно отстранить ихъ, какъ разоблаченную ложь, которая стала бы для него неопасна, какъ скоро онъ понялъ бы, что она чистѣйшій вздоръ.

Вотъ почему мы думаемъ, что ни авторъ книги de la Justice, ни Милль не могутъ быть авторитетами въ философіи. Оба они чрезвычайно важны для человѣка, же-

лающаго узнать расположеніе мыслей въ извѣстныхъ сословіяхъ западно-европейскаго общества: изъ Милля онъ узнаетъ, какъ благородная часть западно-европейскихъ привилегированныхъ классовъ смущается духомъ при видѣ осуществленія тѣхъ идей, теоретическую справедливость которыхъ сама она защищаетъ, признавая ихъ логически неотразимыми и ведущими къ общему благу, но которыя невыгодны для этихъ сословій. Авторъ книги de la Justice показываетъ, какъ простолюдины, жаждущіе перемѣнъ, затрудняются въ ихъ осуществленіи тѣмъ, что воспитались въ понятіяхъ старины, не познакомились еще съ воззрѣніями, соотвѣтствующими ихъ потребностямъ. Но представителями этихъ воззрѣній, развитыхъ современною наукою, ни Милль, ни Прудонъ не могутъ считаться.(*) Истинныхъ представителей ея надобно и теперь, какъ прежде, искать въ Германіи. Быть можетъ, мы ошибаемся, но намъ кажется, что г. Лавровъ принужденъ былъ собственными силами доискиваться тѣхъ рѣшеній, которыя уже найдены нынѣшнею нѣмецкою философіею. Намъ кажется, что изученіе отжившихъ формъ нѣмецкой философіи и книгъ, написанныхъ мыслителями англійскими и французскими, предшествовало у него знакомству съ новѣйшими нѣмецкими мыслителями, и что, будь иначе, прочти онъ нѣсколькими годами позже тѣ книги, которыя прочтены имъ раньше, прочти онъ нѣсколькимъ годами раньше тѣ книги, которыя прочтены имъ уже только по окончаніи внутренней его работы надъ построеніемъ своего образа мыслей, онъ писалъ бы нѣсколько иначе. Мы не говоримъ, что

(*) Конечно, когда мы говоримъ, что Милль не представитель современной философіи, мы разумѣемъ собственно ту часть науки, которую принято у насъ называть философіею, — теорію рѣшенія самыхъ общихъ вопросовъ науки, обыкновенно называемыхъ метафизическими, напримѣръ, вопросовъ объ отношеніяхъ духа къ матеріи, о свободѣ человѣческой воли, о безсмертіи души и т. д. Этою частью науки Милль даже вовсе не занимался прямымъ образомъ; онъ преднамѣренно отклоняется отъ высказыванія всякаго мнѣнія о подобныхъ предметахъ, какъ будто считая ихъ недоступными точному изслѣдованію. Онъ собственно не философъ въ томъ смыслѣ слова, по которому философами называются у насъ Кантъ или Гегель, но не называются Кювье или Либихъ (по англійски Кювье и Либихъ также называются философами).

онъ пришелъ бы къ другимъ воззрѣніямъ, — намъ кажется, что сущность его воззрѣній справедлива, — но они представлялись бы ему въ видѣ болѣе простомъ; быть можетъ мы выразились не такъ, и точнѣе было бы сказать: онъ рѣшительнѣе находилъ бы, что отвергаемая имъ ложь совершенно пустая ложь, могущая вызывать только улыбку состраданія, а не серьезное раздумье о томъ, можно ли безусловно отвергнуть ее. Очень можетъ быть, что убѣжденіе въ простотѣ истины и въ основательности совершеннаго разрыва современныхъ воззрѣній съ пустою софистикою, въ которую одѣта древняя грубая ложь, отразилось бы и на его изложеніи бо́льшею доступностью для большинства публики; быть можетъ его статьи, которыя теперь всѣми уважаются, болѣе читались бы тою частью публики, которая слишкомъ наклонна оставлять непрочтенными книги и статьи, внушающія ей слишкомъ большое уваженіе. Не входя въ критику воззрѣній г. Лаврова, мы попробуемъ изложить наши понятія о тѣхъ же предметахъ; намъ кажется, что они въ сущности сходны съ образомъ мыслей г. Лаврова; разница будетъ почти только въ изложеніи и въ пріемахъ постановки вопро́са.

Основаніемъ для той части философіи, которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно такъ же служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ. Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видятъ медицина, физіологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры

въ немъ нѣтъ. Убѣдительность этого доказательства равняется убѣдительности тѣхъ основаній, по которымъ, напримѣръ, вы, читатель, увѣрены, что, напримѣръ, въ эту минуту, когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣтъ льва. Вы такъ думаете, во первыхъ потому, что не видите его глазами, не слышите его рыканія; но это ли одно ручается вамъ за то, что льва нѣтъ въ вашей комнатѣ? Нѣтъ, есть у васъ второе ручательство за то: ручательствомъ служитъ тотъ самый фактъ, что вы живы; если бы въ вашей комнатѣ находился левъ, онъ бросился бы на васъ и растерзалъ бы васъ. Нѣтъ послѣдствій, которыми неизбѣжно сопровождалось бы присутствіе льва, потому вы знаете, что нѣтъ тутъ и льва. Скажите также, почему вы убѣждены, что собака не умѣетъ говорить? Вы не слышали, чтобы она когда нибудь говорила; само по себѣ это было бы еще не достаточно: вы видѣли многихъ людей, которые молчали въ то время, какъ вы ихъ видѣли; они просто не хотѣли, а не то чтобы не умѣли говорить: быть можетъ и собака только не хочетъ говорить, а не то что не умѣетъ говорить? Такъ и думаютъ люди съ неразвитымъ умомъ, вѣрящіе сказкамъ, въ которыхъ разговариваютъ животныя, и объясняющіе свое предположеніе такимъ способомъ: собака очень умна и хитра, она знаетъ, что слова часто доводятъ до бѣды, оттого и молчитъ, разсчитавъ, что молчать гораздо безопаснѣе, чѣмъ говорить. Вы смѣетесь надъ такими замысловатыми объясненіями и понимаете дѣло проще: вы видѣли случаи, въ которыхъ собака не могла бы не говорить, если бы имѣла эту способность; напримѣръ, убиваютъ собаку; она визжитъ изо всѣхъ силъ, ей очевидно невозможно удержаться отъ выраженія своей мысли о томъ, что ей больно, о томъ, что съ нею поступаютъ жестоко. Она ищетъ всякихъ средствъ выразить это и находитъ одно средство — визгъ, а словъ не находитъ; значитъ, въ ней нѣтъ дара слова; еслибъ онъ былъ въ ней, она дѣйствовала бы иначе. Дано обстоятельство, въ которомъ существованіе извѣстнаго элемента въ извѣстномъ предметѣ непремѣнно имѣло бы извѣстный результатъ; этого результата нѣтъ, потому нѣтъ и этого элемента.

Возьмемъ еще случай. Почему вы знаете, что, напримѣръ, г. Юмъ, надѣлавшій у насъ въ Петербургѣ такого шума года два тому назадъ своими фокусами, дѣйствительно только фокусникъ, а не можетъ въ самомъ дѣлѣ знать будущаго, знать тайнъ, которыхъ ему не сказывали, читать книгъ и бумагъ, которыя не находятся у него передъ глазами? Вы знаете это вотъ почему: еслибъ онъ могъ знать будущее, онъ былъ бы сдѣланъ дипломатическимъ совѣтникомъ при какомъ нибудь дворѣ и разсказывалъ бы министерству этого двора все, что произойдетъ въ данныхъ случаяхъ: напримѣръ, онъ сказалъ бы Рехбергу въ прошломъ мартѣ, что если австрійцы начнутъ войну, то они будутъ побиты при Палестро, Маджентѣ и Сольферино и потеряютъ Ломбардію. Тогда австрійцы не начали бы войны, и не было бы ничего изъ того, что произошло въ прошломъ году въ Италіи, Франціи, Австріи, а происходило бы что нибудь совершенно иное. Если бы онъ могъ читать книги, не находящіяся у него подъ глазами, тогда правительства и ученыя общества не стали бы посылать ученыхъ на востокъ отыскивать древнія рукописи, а обратились бы съ просьбою къ нему, и онъ изъ Парижа прочелъ бы и продиктовалъ бы имъ какого нибудь неизвѣстнаго намъ теперь древняго греческаго писателя, списокъ котораго [illegible]уцѣлѣлъ въ какомъ нибудь сирійскомъ захолустьи. Этого нѣтъ, г. Юмъ и его собратія по искусству не открыли ровно ничего ни дипломатамъ, ни ученымъ; а непремѣнно открывали бы имъ важныя вещи, если бы могли, потому что это было бы для нихъ и несравненно выгоднѣе и несравненно почетнѣе фокусничества; потому они и не имѣютъ той способности, которую приписываютъ имъ легковѣрные люди. О всѣхъ такихъ случаяхъ не довольно сказать; мы не знаемъ, существуетъ ли извѣстный элементъ; нѣтъ, разсудокъ обязываетъ насъ прямо сказать: мы знаемъ, что этого элемента нѣтъ; еслибъ онъ былъ, то происходило бы не то, что происходитъ.

Но при единствѣ натуры мы замѣчаемъ въ человѣкѣ два различные ряда явленій: явленія такъ называемаго матеріальнаго порядка (человѣкъ ѣстъ, ходитъ) и явленія такъ называемаго нравственнаго порядка (человѣкъ

думаетъ, чувствуетъ, желаетъ). Въ какомъ же отношеніи между собою находятся эти два порядка явленій? Не противорѣчитъ ли ихъ различіе единству натуры человѣка, показываемому естественными науками. Естественныя науки опять отвѣчаютъ, что дѣлать такую гипотезу мы не имѣемъ основанія, потому что нѣтъ предмета, который имѣлъ бы только одно качество, напротивъ, каждый предметъ обнаруживаетъ безчисленное множество разныхъ явленій, которыя мы для удобства сужденія о немъ, подводимъ подъ разные разряды, давая каждому разряду имя качества, такъ что въ каждомъ предметѣ очень много разныхъ качествъ. Напримѣръ, дерево ростетъ, горитъ; мы говоримъ, что оно имѣетъ два качества: растительную силу и удобосгараемость. Въ чемъ сходство между этими качествами? Они совершенно различны; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба эти качества, кромѣ общаго понятія — качество; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба ряда явленій, соотвѣтствующихъ этимъ качествамъ, кромѣ понятія — явленіе. Или, напримѣръ, ледъ твердъ и блестящъ; что общаго между твердостью и блескомъ? Логическое разстояніе отъ одного изъ этихъ качествъ до другаго безмѣрно велико, или, лучше сказать, нѣтъ между ними никакого, близкаго или далекаго, логическаго разстоянія, потому что нѣтъ между ними никакого логическаго отношенія. Изъ этого мы видимъ, что соединеніе совершенно разнородныхъ качествъ въ одномъ предметѣ есть общій законъ вещей. Но въ этомъ разнообразіи естественныя науки открываютъ и связь, — не по формамъ обнаруженія, не по явленіямъ, которыя рѣшительно несходны, а по способу происхожденія разнородныхъ явленій изъ одного и того же элемента при напряженіи или ослабленіи энергичности въ его дѣйствованіи. Напримѣръ, въ водѣ есть свойство имѣть температуру,— свойство общее всѣмъ тѣламъ. Въ чемъ бы ни состояло свойство предметовъ, называемое нами теплотою, но оно при разныхъ обстоятельствахъ обнаруживается съ очень различными величинами. Иногда одинъ и тотъ же предметъ очень холоденъ, то есть обнаруживаетъ очень мало

тепла, иногда онъ очень горячъ, то есть обнаруживаетъ его очень много. Когда вода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, обнаруживаетъ очень мало теплоты, она бываетъ твердымъ тѣломъ — льдомъ; обнаруживая нѣсколько больше теплоты, она бываетъ жидкостью; а когда въ ней теплоты очень много, она становится паромъ. Въ этихъ трехъ состояніяхъ одно и то же качество обнаруживается тремя порядками совершенно различныхъ явленій, такъ что одно качество принимаетъ форму трехъ разныхъ качествъ, развѣтвляется на три качества просто по различію количества, въ какомъ обнаруживается: количественное различіе переходитъ въ качественное различіе.

Но разные предметы различаются между собою своею способностью обнаруживать извѣстныя общія имъ качества въ очень различныхъ количествахъ. Напримѣръ, желѣзо, серебро, золото обнаруживаютъ очень значительное количество того качества, которое называется тяжестью, и мѣриломъ котораго у насъ на землѣ служитъ вѣсъ. Воздухъ обнаруживаетъ это качество въ такомъ маломъ количествѣ, что только особенными учеными изслѣдованіями оно открыто въ немъ, а каждый человѣкъ, незнакомый съ наукою, по необходимости предполагаетъ, будто бы въ воздухѣ вовсе нѣтъ тяжести. Точно также думали о всѣхъ газообразныхъ тѣлахъ. Возьмемъ другое качество, способность сжиматься отъ давленія. Безъ особенныхъ средствъ анализа, даваемыхъ только наукою, никто не замѣтитъ, чтобы жидкости сжимались отъ какого бы то ни было давленія: кажется, будто бы вода сохраняетъ совершенно прежній объемъ подъ самымъ сильнымъ давленіемъ. Но наука отыскала факты, показывающіе, что и вода въ нѣкоторой степени сжимается отъ давленія. Изъ этого надобно заключать, что когда намъ представляется какое нибудь тѣло, не имѣющее по видимому извѣстнаго качества, то надобно употребить научный анализъ для повѣрки этого впечатлѣнія, и если онъ скажетъ, что качество это находится въ тѣлѣ, то надобно не твердить упорно: наши невооруженныя научными средствами чувства говорятъ противное, а надобно просто сказать: результатъ, получен-

ный при помощи изслѣдованія предмета съ нужными научными средствами, показываетъ неудовлетворительность впечатлѣнія, получаемаго чувствами, лишенными нужныхъ въ этомъ дѣлѣ пособій.

Съ другой стороны, когда кажется, будто бы извѣстный предметъ имѣетъ какое нибудь особенное качество, котораго будто бы совершенно нѣтъ въ другихъ предметахъ, то надобно опять изслѣдовать дѣло научнымъ образомъ. Напримѣръ, намъ кажется, что дерево имѣетъ способность совершенно особенную, какой нѣтъ въ бо̀льшей части другихъ тѣлъ: оно горитъ, а камень, глина, желѣзо не горятъ. Но когда мы изслѣдуемъ при помощи научныхъ пособій процессъ, называемый горѣніемъ, то мы найдемъ, что онъ состоитъ въ соединеніи нѣкоторыхъ элементовъ извѣстнаго тѣла съ кислородомъ; вмѣстѣ съ этимъ наука показываетъ, что въ бо̀льшей части такъ называемыхъ негорючихъ тѣлъ постоянно происходитъ точно тотъ же процессъ соединенія всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ составныхъ ихъ частей съ кислородомъ. Напримѣръ, желѣзо постоянно окисляется,— на разговорномъ языкѣ этотъ видъ процесса называется особеннымъ словомъ „ржавѣть“; но наука открываетъ, что ржавѣнье и горѣніе совершенно одинъ и тотъ же процессъ, и что эти два случая его представляются различными для нашего впечатлѣнія только оттого, что въ одномъ случаѣ процессъ происходитъ гораздо быстрѣе, гораздо интенсивнѣе, нежели въ другомъ.

Отчего же теперь разные предметы имѣютъ различную величину интенсивности въ обнаруженіи извѣстнаго качества при одинаковыхъ условіяхъ? — отчего камень въ обыкновенныхъ житейскихъ условіяхъ обнаруживаетъ очень сильную степень качества называемаго тяжестью, а воздухъ не обнаруживаетъ его иначе, какъ при пособіи особенныхъ научныхъ средствъ, увеличивающихъ проницательность нашихъ чувствъ? Отчего окисленіе желѣза происходитъ въ обыкновенной атмосферѣ гораздо медленнѣе, чѣмъ окисленіе дерева, когда оба предмета положены въ одну и ту же горящую печь? Наука говоритъ, что она еще не успѣла изслѣдовать законовъ, отъ которыхъ зависитъ эта разница въ не-

многихъ тѣлахъ, остающихся въ химіи пока подъ именемъ простыхъ, но что во всѣхъ остальныхъ тѣлахъ, которыя успѣла она разложить, эта разница происходитъ отъ различія въ составѣ или отъ различія состояній, въ которыхъ находятся составныя части сложнаго тѣла. Напримѣръ, разницѣ между водою и масломъ или водянымъ паромъ и камнемъ соотвѣтствуетъ разница въ составѣ этихъ тѣлъ. Разницѣ между углемъ и алмазомъ соотвѣтствуетъ то различіе, что составныя части угля находятся въ некристаллизованномъ, а составныя части алмаза въ кристаллизованномъ состояніи. Естественныя науки замѣчаютъ также, что простыя или составленныя изъ нихъ сложныя тѣла, входя между собою въ химическія соединенія, вообще даютъ въ продуктѣ тѣло, обнаруживающее такія качества, какихъ не обнаруживали составныя его части, когда находились порознь. Такъ, напримѣръ, изъ соединенія въ извѣстной пропорціи водорода и кислорода образуется вода, имѣющая множество такихъ качествъ, которыхъ не было замѣтно ни въ кислородѣ, ни въ водородѣ. Объ этихъ комбинаціяхъ химія замѣчаетъ, что многосложныя изъ нихъ вообще отличаются бо̀льшею перемѣнчивостью, такъ сказать подвижностью. Такъ, напримѣръ, желѣзная ржавщина, состоящая только изъ соединенія желѣза съ кислородомъ въ очень простой пропорціи, очень постоянна, такъ что нужно дѣйствовать на нее чрезвычайно высокою температурою или чрезвычайно сильными реагентами, чтобы произвести перемѣну въ этомъ тѣлѣ. Но кровяной шарикъ, въ которомъ желѣзная окись служитъ только однимъ изъ элементовъ многосложной химической комбинаціи съ примѣсями разныхъ другихъ тѣлъ, напримѣръ, воды, никакъ не можетъ долго сохранять своего состава: онъ, можно сказать, не существуетъ въ постоянномъ видѣ, какъ существуютъ частички ржавщины, а безпрестанно измѣняется, пріобрѣтая новыя частицы и теряя прежнія. То же надобно сказать о всѣхъ многосложныхъ химическихъ комбинаціяхъ: онѣ имѣютъ очень сильную наклонность существовать постояннымъ возникновеніемъ, возрастаніемъ, обновленіемъ и, наконецъ, уничтожаться среди обыкновенныхъ обстоятельствъ, такъ

что существованіе предмета, состоящаго изъ такихъ комбинацій, состоитъ въ безпрестанномъ возобновленіи частей и представляется непрерывнымъ химическимъ процессомъ.

Многосложныя химическія комбинаціи, имѣющія этотъ характеръ, одинаково обнаруживаютъ его, находятся ли въ такъ называемыхъ органическихъ тѣлахъ, или возникаютъ и существуютъ внѣ ихъ, въ такъ называемой неорганической природѣ. Еще не очень давно казалось, что такъ называемыя органическія вещества (напримѣръ, уксусная кислота) существуютъ только въ органическихъ тѣлахъ; но теперь извѣстно, что при извѣстныхъ условіяхъ они возникаютъ и внѣ органическихъ тѣлъ, такъ что разница между органическою и неорганическою комбинаціею элементовъ не существенна, и такъ называемыя органическія комбинаціи возникаютъ и существуютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, и всѣ они одинаково возникаютъ изъ неорганическихъ веществъ. Напримѣръ, дерево отличается отъ какой нибудь неорганической кислоты собственно тѣмъ, что кислота эта — комбинація не многосложная, а дерево — соединеніе многихъ многосложныхъ комбинацій. Это какъ будто разница между 2 и 200, — разница количественная, не больше.

Итакъ, естественныя науки видятъ въ существованіи органическаго тѣла, каково, напримѣръ, растеніе или насѣкомое, химическій процессъ. Объ этомъ явленіи вообще замѣчаютъ естественныя науки, что во время химическаго процесса тѣла обнаруживаютъ такія качества, какихъ совершенно незамѣтно въ нихъ при состояніи неподвижнаго соединенія. Напримѣръ, дерево само по себѣ не жжетъ; трутъ, кремень и огниво также не жгутъ; но если частичка стали, раскаленная треніемъ (ударомъ) о кремень и оторванная отъ огнива, попадаетъ въ трутъ и, чрезвычайно возвысивши температуру нѣкоторой частички этого трута, даетъ условіе, нужное для начала въ этой частичкѣ трута химическаго процесса, называемаго горѣніемъ, то постепенно весь кусокъ трута, вовлекаясь въ этотъ химическій процессъ, начинаетъ жечь, чего не дѣлалъ, когда въ немъ не было химическаго процесса; будучи пододвинутъ къ дереву

во время этого процесса, онъ также вовлекаетъ его въ свой химическій процессъ горѣнія, и дерево во время этого процесса также жжетъ, свѣтитъ и обнаруживаетъ другія качества, какихъ не замѣчалось въ немъ до начала процесса. Возьмемъ какой угодно другой химическій процессъ, мы увидимъ тоже самое: тѣло, находящееся въ немъ, обнаруживаетъ качества, какихъ не обнаруживало до начала процесса. Возьмемъ, напримѣръ, процессъ броженія. Пивное сусло стоитъ спокойно въ своемъ чану; дрожжи также неподвижны въ своей кружкѣ. Положите дрожжи въ сусло, начинается химическій процессъ, называемый броженіемъ: сусло бурлитъ, пѣнится, бьется въ своемъ сосудѣ. Разумѣется, когда мы говоримъ о различіи состоянія тѣлъ во время химическаго процесса и въ такое время, когда не находятся они въ процессѣ, мы говоримъ только о количественной разницѣ между сильнымъ, быстрымъ ходомъ процесса и очень медленнымъ, слабымъ ходомъ его. Собственно говоря, каждое тѣло постоянно находится въ состояніи химическаго процесса; напримѣръ, бревно, если и не будетъ зажжено, не сгоритъ въ печи, а будетъ спокойно, какъ будто безъ всякихъ перемѣнъ, лежать въ стѣнѣ дома, все таки когда нибудь прійдетъ къ тому же концу, къ какому приводитъ его горѣніе: оно постепенно истлѣетъ, и отъ него останется тоже только пепелъ (пыль гнилушки, которая наконецъ оставитъ отъ себя на прежнемъ мѣстѣ только минеральныя частицы пепла). Но если этотъ процессъ, какъ, напримѣръ, при обыкновенномъ тлѣніи бревна въ стѣнѣ дома, происходитъ чрезвычайно медленно и слабо, то и качества, свойственныя тѣлу, находящемуся въ процессѣ, обнаруживаются съ микроскопическою слабостью, которая въ житейскомъ быту совершенно неуловима. Напримѣръ, при медленномъ истлѣваніи дерева, лежащаго въ стѣнѣ дома, также развивается теплота; но то количество ея, которое при горѣніи сосредоточилось бы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, тутъ разжигается (если можно такъ выразиться) на нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ что не достигаетъ никакого результата, удобоуловимаго на практикѣ: существованіе этой теплоты ничтожно для

практическихъ сужденій. Это то же самое, какъ винный вкусъ въ цѣломъ прудѣ воды, въ который брошена одна капля вина: съ научной точки зрѣнія этотъ прудъ содержитъ въ себѣ смѣсь воды съ виномъ; но въ практикѣ надобно принимать, что вина въ немъ какъ будто вовсе нѣтъ.

Читатель, вѣроятно, скажетъ, что всѣ наши разсужденія такъ же справедливы, какъ справедливы были бы разсужденія объ обращеніи земли около солнца, о холодѣ на полюсахъ, о жарѣ подъ тропиками, и столь же мало идутъ къ дѣлу. Читатель, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ правъ, сказавъ, что мы занимаемся теперь пустословіемъ. Но гораздо легче замѣтить въ себѣ недостатокъ или согласиться съ словами людей, указывающихъ его, нежели исправиться отъ него. Вообще люди наклонны щегольнуть знакомствомъ съ такими вещами, съ которыми въ сущности мало знакомы, любятъ выказывать это свое мнимое знакомство кстати и некстати; почему же намъ слѣдовало бы не имѣть этого недостатка? А если мы уже имѣемъ его, то почему же и не выказываться ему? Пусть же себѣ выказывается, и будемъ заниматься нендущими къ дѣлу разсужденіями о естественныхъ наукахъ, мало намъ знакомыхъ, пока надоѣстъ намъ это щегольство, — тогда мы займемся чѣмъ нибудь другимъ, чего, быть можетъ, также вовсе не знаемъ, напримѣръ, хоть нравственною философіею. Читатель подумаетъ: однако же труденъ будетъ переходъ отъ химіи къ общественнымъ учрежденіямъ. Ну вотъ, будто бы уже и трудно найти фразу, которой бы связывались совершенно несвязныя части разсужденія? Когда прійдетъ намъ охота говорить о философіи вмѣсто химіи, мы просто напишемъ: „итакъ, до сихъ поръ мы разсуждали вотъ о чемъ, а теперь будемъ разсуждать вотъ о чемъ“ и дѣло будетъ кончено — удовлетворительный переходъ сдѣланъ. Развѣ не дѣлаютъ безпрестанно точно такихъ же переходовъ очень знаменитые авторитеты: напишутъ двѣ фразы, рѣшительно не клеящіяся между собою, поставятъ между ними „итакъ„ или „слѣдовательно“,— и силлогизмъ готовъ, и все доказано.

Но мы чувствуемъ, что еще на нѣсколько страницъ

хватитъ у насъ желанія толковать, вмѣсто философіи, о естественныхъ наукахъ, совершенно неидущихъ къ дѣлу, по справедливому замѣчанію читателя. Смутило было насъ одно обстоятельство: мы уже истощили весь скудный запасъ нашихъ свѣдѣній о химическихъ комбинаціяхъ и процессахъ; мы не имѣемъ, что̀ тутъ больше сказать, а говорить намъ охота страшная. Вотъ она-то и выручаетъ насъ изъ бѣды: „сказалъ все, что знаешь объ одномъ, шепчетъ намъ она,—кидайся на другое, что подвернется подъ языкъ.“ Мы послушались добраго совѣта. Давайте же говорить хоть о царствахъ природы: кое что каждый о нихъ знаетъ, хоть иной и маловато; кое что знаемъ и мы, и уже сами чувствуемъ, что маловато,— а все таки на нѣсколько страницъ достанетъ. Но тутъ въ другое ухо желаніе, какъ можно дольше уклоняться отъ настоящаго предмета рѣчи, чтобы наговорить, какъ можно больше неидущаго къ дѣлу, подшепнуло намъ другой совѣтъ: „изъ трехъ царствъ природы, минеральнаго, растительнаго и животнаго, вы пока ничего не говорите о томъ, которое одно могло бы представлять примѣры хотя нѣкоторой аналогіи съ человѣческою жизнью, въ жизни муравьевъ, пчелъ, бобровъ,— не говорите ничего о царствѣ животныхъ.“ Мы слушаемся и этого совѣта, хоть онъ очевидно нелѣпъ: нелѣпостей въ жизни дѣлаешь такъ много, что одною больше или одною меньше — не составитъ ровно никакой разницы, какъ не составляетъ ровно никакой разницы въ температурѣ присутствіе какой нибудь сгнивающей щепы. Будемъ же говорить о неорганической природѣ и о растительномъ царствѣ.

Намъ нравится эта новая тема собственно потому, что и, независимо отъ недостаточности нашихъ знаній о ней, нельзя было бы сказать о ней ничего дѣльнаго, потому что она сама по себѣ чужда всякой реальности, вводя въ природу подраздѣленіе, котораго въ природѣ вовсе нѣтъ. Оно только кажется незнающему человѣку, что камень самъ по себѣ, а растеніе вещь совершенно другаго рода; на самомъ же дѣлѣ открывается, что оба эти предмета, столь несходные, состоятъ изъ одинаковыхъ частей, соединившихся по однимъ и тѣмъ же за-

конамъ, только соединившихся въ разной пропорціи. Разлагаемъ камень и находимъ, что онъ составился изъ газовъ и металловъ; разлагаемъ растеніе и въ немъ тоже находимъ газы и металлы. Въ камняхъ металлы находятся не въ чистомъ своемъ видѣ, а въ разныхъ соединеніяхъ съ кислородомъ; въ растеніяхъ тоже. Въ камняхъ газы находятся не каждый особо, не самъ по себѣ, а въ разныхъ соединеніяхъ съ другими газами и металлами; въ растеніяхъ тоже. Больше всего въ растеніи такихъ частей, которыя прямо состоятъ изъ голаго камня: въ живомъ растеніи этотъ камень составляетъ двѣ трети или три четверти всей массы растенія, или даже больше; этотъ камень — вода. Отъ вещей, которыя называются камнями въ обыкновенномъ языкѣ, этотъ камень отличается лишь тѣмъ, что плавится при температурѣ очень низкой, между тѣмъ какъ обыкновенные камни плавятся только при чрезвычайно высокой температурѣ. Но если расплавленный кварцъ не перестаетъ быть кварцемъ, камнемъ, то и минералъ, бывающій въ расплавленномъ видѣ водою (ледъ), не перестаетъ, расплавившись, быть минераломъ. Итакъ, отъ обыкновенныхъ рудъ, камней и другихъ неорганическихъ тѣлъ растеніе отличается собственно тѣмъ, что представляетъ комбинацію элементовъ гораздо болѣе сложную и потому гораздо быстрѣе проходящую химическій процессъ въ обыкновенной атмосферѣ, чѣмъ неорганическія тѣла, и притомъ по самой своей многосложности проходящую процессъ гораздо болѣе сложный. Въ неорганическомъ тѣлѣ происходитъ, напримѣръ, окисленіе только одного рода, а въ растеніи одновременно совершается окисленіе въ нѣсколькихъ степеняхъ, и притомъ въ неорганическомъ тѣлѣ окисленію подвергаются одинъ или два элемента его однообразной комбинаціи, а въ растеніи вдругъ нѣсколько химическихъ соединеній, изъ которыхъ каждое довольно многосложно. Само собою разумѣется, что, находясь въ такомъ быстромъ и многосложномъ химическомъ процессѣ, тѣла обнаруживаютъ такія качества, которыхъ не проявляютъ при процессахъ менѣе быстрыхъ и сложныхъ. Словомъ сказать, разница между царствомъ неорганической природы и растительнымъ

царствомъ подобна различію между маленькою травкою и огромнымъ деревомъ: это разница по количеству, по интенсивности, по многосложности, а не по основнымъ свойствамъ явленія: былинка состоитъ изъ тѣхъ же частицъ и живетъ по тѣмъ же законамъ, какъ дубъ; только дубъ гораздо многосложнѣе былинки: на немъ десятки тысячъ листьевъ, а на былинкѣ всего два или три. Опять само собою разумѣется, что одинаковость тутъ существуетъ для теоретическаго знанія о предметѣ, а не для житейскаго обращенія съ нимъ: изъ былинокъ нельзя строить домовъ, а изъ дубовъ можно. Въ житейскомъ быту мы совершенно правы, когда считаемъ руду и растенія предметами, принадлежащими къ совершенно разнымъ разрядамъ вещей; но точно также мы правы въ житейскомъ быту, считая лѣсъ вещью совершенно иного разряда, чѣмъ трава. Теоретическій анализъ приходитъ къ другому результату: онъ находитъ, что эти вещи, столь различныя по своему житейскому отношенію къ намъ, должны считаться только разными состояніями однихъ и тѣхъ же элементовъ, входящихъ въ разныя химическія комбинаціи по однимъ и тѣмъ же законамъ. Для открытія этого тождества между травою и дубомъ былъ достаточенъ анализъ ума, не обогащеннаго большимъ запасомъ наблюденій и тонкими средствами изслѣдованія; для открытія одинаковости между неорганическимъ веществомъ и растеніемъ нуженъ былъ гораздо большій умственный трудъ при помощи гораздо сильнѣйшихъ средствъ изслѣдованія. Химія составляетъ едва ли не лучшую славу нашего вѣка.

Впрочемъ, громадный запасъ наблюденій и особенно тонкія средства анализа нужны не столько за тѣмъ, чтобы геніальный умъ могъ увидѣть истину, открытіе которой требуетъ глубокихъ соображеній,— чаще всего бываетъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ философскихъ вопросахъ, что истина замѣтна съ перваго взгляда человѣку пытливаго и логичнаго ума,— обширныя изслѣдованія и громадныя научныя средства въ этихъ случаяхъ приносятъ собственно ту пользу, что безъ нихъ истина, открытая геніальнымъ человѣкомъ, остается его

личнымъ соображеніемъ, котораго онъ не въ силахъ доказать точнымъ ученымъ образомъ, и потому или остается непринята другими людьми, продолжающими страдать отъ своихъ ошибочныхъ мнѣній, или, что едва ли не хуже, еще принимается другими людьми не на разумномъ основаніи, а по слѣпому довѣрію къ словамъ авторитета. Принципы, разъясненные и доказанные теперь естественными науками, были найдены и приняты за истину еще греческими философами, а еще гораздо раньше индійскими мыслителями, и вѣроятно были открываемы людьми сильнаго логическаго ума во всѣ времена, во всѣхъ племенахъ. Но развить и доказать истину логическимъ путемъ прежніе геніальные люди не могли. Она извѣстна была всегда повсюду, но стала наукою только въ послѣднія десятилѣтія. Природу сравниваютъ съ книгою, заключающею въ себѣ всю истину, но написанною языкомъ, которому нужно учиться, чтобы понять книгу. Пользуясь этимъ уподобленіемъ, мы скажемъ, что очень легко можно выучиться каждому языку на столько, чтобы понимать общій смыслъ написанныхъ имъ книгъ; но очень много и долго нужно учиться ему, чтобы умѣть отстранить всѣ сомнѣнія въ отновательности смысла, какой мы находимъ въ словахъ книги, умѣть объяснить каждое отдѣльное выраженіе въ ней, и написать хорошую грамматику этого языка.

Единство законовъ природы было понято очень давно геніальными людьми; но только въ послѣднія десятилѣтія наше знаніе достигло такихъ размѣровъ, что доказываетъ научнымъ образомъ основательность этого истолкованія явленій природы.

Говорятъ: естественныя науки еще не достигли такого развитія, чтобы удовлетворительно объяснить всѣ важныя явленія природы. Это совершенная правда; но противники научнаго направленія въ философіи дѣлаютъ изъ этой правды выводъ вовсе не логическій, когда говорятъ, что пробѣлы, остающіеся въ научномъ объясненіи натуральныхъ явленій, допускаютъ сохраненіе какихъ нибудь остатковъ фантастическаго міросозерцанія. Дѣло въ томъ, что характеръ результатовъ, доставленныхъ анализомъ объясненныхъ наукою частей и явленій,

уже достаточно свидѣтельствуетъ о характерѣ элементовъ, силъ и законовъ, дѣйствующихъ въ остальныхъ частяхъ и явленіяхъ, которыя еще не вполнѣ объяснены: если бы въ этихъ необъясненныхъ частяхъ и явленіяхъ было что нибудь иное, кромѣ того, что найдено въ объясненныхъ частяхъ, тогда и объясненныя части имѣли бы не такой характеръ, какой имѣютъ. Возьмемъ какую угодно отрасль естественныхъ наукъ,— положимъ, хотя географію или геологію, — и посмотримъ, какой характеръ могутъ имѣть, какого характера не могутъ имѣть свѣдѣнія, которыхъ мы еще не пріобрѣли по разнымъ частямъ предмета, изслѣдуемаго этими науками. При нынѣшнемъ развитіи географіи, мы еще не имѣемъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о странахъ около полюсовъ, о внутренности Африки, о внутренности Австраліи. Безъ сомнѣнія, эти пробѣлы въ географическомъ знаніи очень прискорбны для науки, и по всей вѣроятности даже для практической жизни было бы нужно пополнить ихъ, потому что очень можетъ быть, что въ этихъ странахъ найдется что нибудь новое и пригодное для жизни: очень можетъ быть, что во внутренности Австраліи найдутся новыя золотыя розсыпи или рудники еще обильнѣе тѣхъ, какіе найдены на ея прибрежьи; очень можетъ быть, что во внутренности Африки найдутся какія нибудь новыя горныя породы, новыя растенія, новыя метеорологическія явленія; все это очень можетъ быть, и пока не будетъ произведено точное изслѣдованіе этихъ странъ, никакъ нельзя съ точностью сказать, какія именно вещи и явленія найдутся въ нихъ; но можно уже и теперь съ достовѣрностью сказать, какихъ вещей и какихъ явленій никакъ не будетъ въ нихъ найдено. Подъ полюсами, напримѣръ, не найдется жаркаго климата и роскошной растительности. Этотъ отрицательный выводъ несомнѣненъ, потому что, если бы подъ полюсами средняя температура была высока или хотя умѣренна, не таково было бы состояніе сѣверной Сибири, сѣверной части англійскихъ владѣній въ Америкѣ, морей, сосѣднихъ съ полюсами. Въ центральной Африкѣ также не найдется полярнаго холода, потому что, если бы центральная часть африканскаго материка

имѣла климатъ холодный, не таково было бы климатическое состояніе южной полосы Алжиріи, верхняго Египта и другихъ земель, окружающихъ центръ Африки. Какія именно рѣки найдутся въ центральной Африкѣ или Австраліи, мы этого не знаемъ, но навѣрное можно сказать, что если найдутся тамъ рѣки, то теченіе въ нихъ будетъ сверху внизъ, а не снизу вверхъ. Точно тоже надобно сказать и о тѣхъ частяхъ земнаго шара, которыхъ еще не успѣла изслѣдовать геологія. Мы изслѣдовали только одинъ, очень тонкій слой земной коры, не составляющій и одной тысячной части всего шара ; въ безмѣрной массѣ вещества, скрывающагося подъ этою корою, конечно находится много тѣлъ и явленій, не встрѣчающихся въ доступной намъ ничтожной части его. Но по этой одной части мы уже достовѣрно знаемъ, какой характеръ имѣютъ и какого характера не имѣютъ предметы и феномены, заключенные въ недоступныхъ намъ нѣдрахъ шара. Мы знаемъ, что тамъ температура страшно высокая, — еслибъ она не была такъ высока, не то было бы на поверхности земли, что находится и происходитъ теперь ; мы знаемъ, что въ такой высокой температурѣ не могутъ удерживаться тѣ химическія соединенія, которыя составляютъ такъ называемое органическое царство ; потому мы знаемъ, что въ нѣдрахъ земли нѣтъ растительной и животной жизни, какая существуетъ на поверхности земли. Тамъ нѣтъ никакихъ организмовъ, сколько нибудь подобныхъ нашимъ растеніямъ или животнымъ. Если мы захотимъ сказать, что на полюсахъ, или въ центральной Африкѣ, или въ нѣдрахъ земли находятся тѣла именно вотъ такого разряда, что тамъ происходятъ феномены именно вотъ такого вида, это будетъ только гипотезою, можетъ быть и ошибочною ; мы не можемъ отгадать, вода или земля находится подъ полюсами ; покрыто льдами или иногда бываетъ чисто отъ нихъ море подъ полюсами, если тамъ море; покрыта вѣчнымъ льдомъ или имѣетъ по временамъ какую нибудь растительность земля подъ полюсами, если тамъ земля,— эти положительныя заключенія были бы только догадками, не имѣющими научной достовѣрности ; но отрицательные выводы, каковы, на-

примѣръ, то, что подъ полюсами не можетъ расти виноградъ или дубъ, что не могутъ тамъ жить обезьяны или попуган, — эти отрицательные выводы имѣютъ совершенную научную достовѣрность; это уже не гипотезы, не догадки, это достовѣрное знаніе, основанное на отношеніи явленій, происходящихъ въ извѣстныхъ намъ странахъ земной поверхности, къ неизслѣдованнымъ нами феноменамъ неизвѣстныхъ частей ея. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ усомниться въ томъ, что подъ полюсами не живутъ попуган? Для попугаевъ нужна средняя годичная температура въ 15 или 18 градусовъ выше точки замерзанія, а если бы на сѣверномъ полюсѣ была такая температура, то Гренландія имѣла бы климатъ по крайней мѣрѣ столь же теплый, какъ Италія. Или, возможно ли сомнѣваться въ томъ, что въ слояхъ земнаго шара, близкихъ къ центру его, нѣтъ растительныхъ организмовъ? Чтобы они могли тамъ существовать, нужна была бы тамъ температура не выше точки кипѣнія воды, потому что безъ воды нѣтъ никакихъ растеній; а если бы тамъ была температура ниже точки кипѣнія воды, тогда не находили бы мы, что чѣмъ дальше въ глубь, тѣмъ выше температура слоевъ изслѣдованной нами оболочки земнаго шара.

Къ чему мы такъ долго останавливаемся на явленіяхъ и заключеніяхъ, каждому извѣстныхъ? Просто отъ того, что, по непривычкѣ къ систематическому мышленію, слишкомъ многіе люди слишкомъ наклонны не замѣчать смыслъ общихъ законовъ, который одинаковъ со смысломъ отдѣльныхъ феноменовъ, ими понимаемыхъ. Мы хотѣли какъ можно сильнѣе выставить силу одного изъ такихъ общихъ законовъ: если при нынѣшнемъ состояніи научнаго наведенія (индуктивной логики) мы въ бо́льшей части случаевъ еще не можемъ съ достовѣрностью опредѣлить по изслѣдованной нами части предмета, какой именно характеръ имѣетъ неизслѣдованная часть его, то уже всегда можемъ съ достовѣрностью опредѣлить, какого характера не можетъ имѣть она. Наши положительныя заключенія отъ характера извѣстнаго къ характеру неизвѣстнаго при нынѣшнемъ состояніи наукъ находятся еще на степени догадокъ, подле-

жащихъ спору, доступныхъ ошибкамъ; но отрицательныя заключенія уже имѣютъ полную достовѣрность. Мы не можемъ сказать, чѣмъ именно окажется неизвѣстное намъ; но мы уже знаемъ, чѣмъ оно не оказывается.

Фантастическія гипотезы, разрушаемыя этими отрицательными выводами, въ химіи, въ географіи, въ геологіи, уже не заслуживаютъ никакой борьбы, потому что всѣми и каждымъ, сколько нибудь образованнымъ человѣкомъ, признаются за бредни. Географъ не имѣетъ нужды доказывать, что подъ полюсами не найдется обезьянъ, въ центральной Африкѣ не найдется безголовыхъ людей, въ центральной Австраліи рѣкъ, текущихъ снизу вверхъ, въ нѣдрахъ земли сказочныхъ садовъ и циклоповъ, кующихъ оружіе Ахиллесу подъ надзоромъ Вулкана. Но человѣкъ съ логическимъ умомъ точно также смотритъ на фантастическія гипотезы и въ другихъ наукахъ: онъ также видитъ, что все это бредни, несовмѣстныя съ нынѣшнимъ состояніемъ знаній. Говорятъ, что открытія, сдѣланныя Коперникомъ въ астрономіи, произвели перемѣну въ образѣ человѣческихъ мыслей о предметахъ, по видимому, очень далекихъ отъ астрономіи. Точно такую же перемѣну и точно въ томъ же направленіи, только въ гораздо обширнѣйшемъ размѣрѣ, производятъ нынѣ химическія и физіологическія открытія: отъ нихъ измѣняется образъ мыслей о предметахъ, по видимому, очень далекихъ отъ химіи. Теперь, чтобы сколько нибудь свести конецъ этой статьи съ ея началомъ, мы опять обратимся мыслью къ будущимъ судьбамъ западной Европы, о которыхъ были принуждены говорить по поводу приводимыхъ г. Лавровымъ изъ Милля и Прудона цитатъ о прискорбной будто бы перспективѣ, грозящей западному человѣчеству. Химія, геологія и потомъ, вдругъ, разсужденія о политическихъ партіяхъ въ Англіи или Франціи, о западно-европейскихъ нравахъ, о надеждахъ и опасеніяхъ разныхъ сословій и разныхъ публицистовъ — какой произвольный переходъ, какое отсутствіе логики! Чтожъ дѣлать, читатель: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; ничего другаго вы и не должны были ждать отъ нашей статьи. Попробуемте приложить къ ея характеру методъ отрицательныхъ заключеній о

характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго и посмотримъ, чего никакъ не должны были бы вы ожидать отъ этой статьи, если бы потрудились употребить въ дѣло этотъ методъ передъ тѣмъ, какъ начали читать ее. Статья написана по русски, для русской публики: это вамъ было извѣстно по самой оберткѣ журнала. Статья эта хочетъ говорить о философскихъ вопросахъ, — это также было видно по ея заглавію на оберткѣ книжки. Теперь, разсудите сами: есть ли какая нибудь логика въ этихъ двухъ извѣстныхъ вамъ фактахъ? Какой-то господинъ написалъ статью для русской публики; нужны ли для русской публики журнальныя статьи? Судя по всему, рѣшительно не нужны; потому что еслибъ были нужны, онѣ были бы не таковы, какія бываютъ теперь. Итакъ этотъ неизвѣстный вамъ господинъ, авторъ этой статьи, поступилъ вовсе не логично, сдѣлалъ то, чего не нужно публикѣ — написалъ статью. Но вы, по своему великодушію, допустили эту нелѣпость безъ порицанія: вздумалъ онъ дѣлать то, чего никому не нужно, — ну, такъ и быть: написалъ статью, такъ пусть написалъ. Теперь другой вопросъ: о чемъ же онъ написалъ ее? о философіи. О философіи! Господи, твоя воля! да кто же въ русскомъ обществѣ думаетъ о философскихъ вопросахъ? Развѣ г. Лавровъ, — да и то сомнительно: быть можетъ и самому г. Лаврову гораздо интереснѣе всевозможныхъ философскихъ вопросовъ наши житейскія и общественныя дѣла. Выборъ предмета для такого нелогическаго поступка, какъ написаніе журнальной статьи, еще не логичнѣе самаго этого поступка. Чего же вы могли ожидать отъ статьи, къ самому началу которой приложены двѣ такія крупныя печати съ надписью: отсутствіе логики? При нынѣшнемъ состояніи наукъ въ Россіи нельзя достовѣрно сказать, какія вещи можно было ожидать найти въ этой статьѣ вамъ, судившимъ о ней по ея заглавію; но можно достовѣрно сказать, что никакъ нельзя было ожидать найти въ ней логику. А гдѣ нѣтъ логики, тамъ безсвязность. Вотъ вамъ небольшой опытъ приложенія теоріи отрицательныхъ выводовъ отъ характера извѣстнаго къ характеру неизвѣстнаго. Неправда ли, принципъ достовѣрности

этого метода блистательно подтвердился прочтенною вами статьею? Мы говоримъ не по увлеченію авторскимъ самолюбіемъ, мы говоримъ по искреннему и вѣрному убѣжденію, что эта статья своею безсвязностью, безтолковостью возвышается надъ всѣми другими, читанными вами статьями, по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько интенсивность химическаго процесса въ растительной жизни возвышается надъ его интенсивностью въ неорганической природѣ. Скажите же теперь, не должны ли мы, чтобы выдержать характеръ статьи, перебросится къ разсужденіямъ о будущности западной Европы отъ химическихъ разсужденій?

Мы видѣли, какой характеръ принадлежитъ образу мыслей въ благородной части тѣхъ сословій западной Европы, которыя ждутъ себѣ потерь отъ перемѣнъ, признаваемыхъ ими самими за неизбѣжныя и справедливыя. Скорбь о своей предстоящей судьбѣ производитъ смущеніе въ ихъ умѣ. У нихъ нѣтъ силъ примѣнить къ близкому для нихъ факту принципъ, принимаемый ими въ его общемъ отвлеченномъ видѣ. Мы видѣли, на какой ступени развитія находится образъ мыслей простолюдина западной Европы. До него еще не дошла общая идея нынѣшней науки, выводы которой согласны съ его потребностями. Онъ еще держится устарѣлыхъ принциповъ, но видитъ совершенную несостоятельность выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ его учителями, людьми старыхъ системъ, и безпрестанно переходитъ отъ жолчнаго отрицанія ихъ къ подчиненности имъ. Въ этомъ смиреніи онъ не можетъ удержаться на долго и опять изливается въ ѣдкихъ тирадахъ, чтобы опять смириться передъ рутиною. Эта жолчная перемѣнчивость, это колебаніе вовсе не принадлежитъ духу новыхъ идей: напротивъ, шаткость воззрѣній, выражающаяся смѣсью скептицизма съ излишнею довѣрчивостью, происходитъ именно отъ недостаточнаго знакомства съ идеями, выработанными нынѣшнею наукой. Читатель видитъ, какой характеръ имѣютъ ея принципы и выводы. Основаніями своихъ теорій она беретъ истины, открытыя естественными науками посредствомъ самаго точнаго анализа фактовъ, истины столь же достовѣрныя, какъ

обращеніе земли вокругъ солнца, законъ тяготѣнія, дѣйствіе химическаго сродства. Изъ этихъ принциповъ, не подлежащихъ никакому спору или сомнѣнію, современная наука дѣлаетъ свои выводы путемъ столь же осмотрительнымъ, какъ и тотъ, которымъ дошла до нихъ. Она не принимаетъ ничего безъ строжайшей, всесторонней повѣрки и не выводитъ изъ принятаго никакихъ заключеній, кромѣ тѣхъ, которыя сами собою неотразимо слѣдуютъ изъ фактовъ и законовъ, отвергать которыхъ нѣтъ никакой логической возможности. При такомъ характерѣ новыхъ идей, человѣку, разъ принявшему ихъ, не остается уже никакой дороги къ отступленію назадъ или къ какимъ нибудь сдѣлкамъ съ фантастическими заблужденіями.

Такимъ образомъ существенный характеръ нынѣшнихъ философскихъ воззрѣній состоитъ въ непоколебимой достовѣрности, исключающей всякую шаткость убѣжденій. Изъ этого легко заключить, какая судьба ждетъ человѣчество западной Европы. Свойство каждаго новаго ученія состоитъ въ томъ, что нужно ему довольно много времени на распространеніе въ массахъ, на то, чтобы стать господствующимъ убѣжденіемъ. Новое и въ идеяхъ, какъ въ жизни, распространяется довольно медленно; но за то и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно распространяется, постепенно проникая все глубже и глубже въ разные слои населенія, начиная, конечно, съ болѣе развитыхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и простолюдины западной Европы ознакомятся съ философскими воззрѣніями, соотвѣтствующими ихъ потребностямъ. Тогда найдутся у нихъ представители не совсѣмъ такіе, какъ Прудонъ: найдутся писатели, мысль которыхъ не будетъ, какъ мысль Прудона, спутываться преданіями или задерживаться устарѣлыми формами науки въ анализѣ общественнаго положенія и полезныхъ для общества реформъ. Когда придетъ такая пора, когда представители элементовъ, стремящихся теперь къ пересозданію западно-европейской жизни, будутъ являться уже непоколебимыми въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ, это будетъ признакомъ скораго торжества новыхъ началъ и въ общественной жизни западной Европы.

Теперь мы замѣчаемъ,—жаль, что замѣтили слишкомъ поздно,— что эта статья, при всей своей безсвязности, можетъ служить предисловіемъ къ изложенію понятій нынѣшней науки о человѣкѣ, какъ отдѣльной личности. Еслибъ это замѣчено было нами раньше, мы постарались бы сократить окольныя наши отступленія изъ философіи въ естественныя науки; тогда предисловіе не имѣло бы такой излишней длинноты и осталось бы намъ довольно страницъ для очерка теоріи личности, какъ понимаетъ ее нынѣшняя наука. Но теперь уже поздно поправлять дѣло, и намъ остается только надежда, что нынѣшняя статья, могущая, какъ мы видимъ, служить предисловіемъ къ очерку философскихъ понятій о человѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ послужитъ предисловіемъ къ нему.

II.

Словомъ „наука“ (science) у англичанъ называются далеко не всѣ тѣ отрасли знанія, которыя у насъ и у другихъ континентальныхъ народовъ обнимаются этимъ выраженіемъ. Англичане называютъ науками математику, астрономію, физику, химію, ботанику, зоологію, географію,— тѣ отрасли знанія, которыя называются у насъ „точными“ науками и тѣ, которыя очень близко подходятъ къ нимъ по своему характеру; но они не разумѣютъ подъ выраженіемъ „наука“ ни исторіи, ни психологіи, ни нравственной философіи, ни метафизики. Надобно сказать, что дѣйствительно существуетъ громадная разница между этими двумя половинами знаній по качеству понятій, господствующихъ въ той и другой. Изъ одной половины каждый сколько нибудь просвѣщенный человѣкъ уже удалилъ всякія неосновательныя предубѣжденія, и всѣ разсудительные люди уже держатся въ этихъ предметахъ одинаковыхъ коренныхъ понятій. Знанія наши и по этимъ отраслямъ бытія очень не полны; но по крайней мѣрѣ каждый тутъ знаетъ, что намъ извѣстно основательнымъ образомъ, что еще неизвѣстно

и что, наконецъ, несомнѣннымъ образомъ опровергнуто точными изслѣдованіями. Попробуйте, напримѣръ, сказать, что человѣческому организму нужна пища или нуженъ воздухъ, — съ вами никто не будетъ спорить; попробуйте сказать, что еще неизвѣстно, тѣ ли одни вещества могутъ служить пищею человѣку, какими теперь онъ питается, и что можетъ быть найдутся новыя вещества, пригодныя для этой цѣли, — съ вами также никто изъ просвѣщенныхъ людей не станетъ спорить, и каждый прибавитъ только, что если новыя вещества для пищи и будутъ найдены, если и очень вѣроятно, что они будутъ найдены, то до сихъ поръ они еще не найдены, и человѣкъ пока можетъ питаться только извѣстными веществами, въ родѣ хлѣбныхъ растеній, мяса, молока или рыбы; вы въ свою очередь совершенно согласитесь съ этимъ замѣчаніемъ, и спора тутъ у васъ быть не можетъ. Спорить вы можете только о томъ, какъ велика или мала вѣроятность скораго открытія новыхъ питательныхъ веществъ, и къ какому роду вещей скорѣе всего могутъ принадлежать эти новыя еще не открытыя вещества; но въ этомъ спорѣ вы и вашъ противникъ одинаково будете знать и признаваться, что выражаете только догадки, не имѣющія полной достовѣрности, могущія оказаться болѣе или менѣе полезными для науки впослѣдствіи времени (потому что догадки, гипотезы даютъ направленіе ученымъ изслѣдованіямъ и ведутъ къ открытію истины, подтверждающей или опровергающей ихъ), но еще вовсе не входящія въ число научныхъ истинъ. Попробуйте сказать, наконецъ, что безъ пищи человѣкъ существовать не можетъ,— и тутъ каждый съ вами согласится, и каждый понимаетъ, что это отрицательное сужденіе находится въ неразрывной логической связи съ положительнымъ сужденіемъ „человѣческому организму нужна пища“; каждый понимаетъ, что если принять одно изъ этихъ двухъ сужденій, то непремѣнно надобно принять и другое. Совсѣмъ не то, напримѣръ, въ нравственной философіи. Попробуйте сказать, что хотите — всегда найдутся люди умные и образованные, которые станутъ говорить противное. Скажите, напримѣръ, что бѣдность вредно дѣйствуетъ на

умъ и сердце человѣка, — множество умныхъ людей возразятъ вамъ: „нѣтъ, бѣдность изощряетъ умъ, принуждая его пріискивать средства къ ея отвращенію; она облагораживаетъ сердце, направляя наши мысли отъ суетныхъ наслажденій къ доблестямъ терпѣнія, самоотверженія, сочувствія чужимъ нуждамъ и бѣдамъ". Хорошо; попробуйте сказать наоборотъ, что бѣдность выгодно дѣйствуетъ на человѣка,—опять такое же множество, или еще большее множество умныхъ людей возразятъ: нѣтъ, бѣдность лишаетъ средствъ къ умственному развитію, мѣшаетъ развитію самостоятельнаго характера, влечетъ къ неразборчивости въ употребленіи средствъ для ея отвращенія или для простаго поддержанія жизни; она главный источникъ невѣжества, пороковъ и преступленій". Словомъ сказать, какой бы выводъ ни вздумали вы сдѣлать въ нравственныхъ наукахъ, вы всегда найдете, что и онъ, и другой противоположный ему выводъ и кромѣ того множество другихъ выводовъ, не клеящихся ни съ вашимъ, ни съ противоположнымъ ему выводомъ, ни другъ съ другомъ, имѣютъ искреннихъ защитниковъ между умными и просвѣщенными людьми. Тоже самое въ метафизикѣ, тоже самое въ исторіи, безъ которой ни нравственныя науки, ни метафизика не могутъ обойтись.

Такое положеніе дѣлъ въ исторіи, нравственныхъ наукахъ и метафизикѣ заставляетъ многихъ думать, что эти отрасли знанія не даютъ или даже и вовсе не могутъ никогда дать намъ ничего столь достовѣрнаго, какъ математика, астрономія и химія. Хорошо, что намъ случилось употребить слово „бѣдность": оно наводитъ насъ на память о житейскомъ фактѣ, совершающемся ежедневно. Какъ только какой нибудь господинъ или какая нибудь госпожа изъ многочисленнаго семейства достигнетъ хорошаго положенія въ обществѣ, онъ или она тотчасъ же начинаетъ вытягивать изъ бѣдности, изъ ничтожества своихъ родственниковъ и родственницъ: около важнаго или богатаго лица появляются братья и сестры, племянники и племянницы, всѣ прымыкаютъ къ нему и, держась за него, вылѣзаютъ въ люди. Припоминаютъ родство свое съ важнымъ или богатымъ лицомъ

даже такіе господа и госпожи, которыя не хотѣли и знаться съ нимъ, пока оно было не важно и не богато. Иныхъ оно въ глубинѣ души и не долюбливаетъ, а все таки помогаетъ,— нельзя, вѣдь все же родственники и родственницы,— и съ любовью къ роднымъ или съ досадой на нихъ, оно все таки измѣняетъ ихъ положеніе къ лучшему. Точно такое же дѣло происходитъ въ области знаній теперь, когда нѣкоторыя науки успѣли изъ жалкаго положенія выбиться до великаго совершенства, до ученаго богатства, до умственной знатности. Эти богачки, помогающія своимъ жалкимъ родственницамъ,— математика и естественныя науки. Математика была въ хорошемъ положеніи давно, но чрезвычайно много времени было у ней занято заботою объ одной ближайшей ея родственницѣ, астрономіи. Тысячи четыре лѣтъ, если не больше, прошло въ этой вознѣ. Наконецъ, во время Коперника, астрономія была поставлена на ноги математикою, а съ Ньютона она получила блистательное положеніе въ умственномъ мірѣ. Едва переставъ сокрушаться день и ночь о бѣдственномъ состояніи своей сестры астрономіи, едва получивъ по нѣкоторомъ устройствѣ ея судьбы нѣсколько свободы подумать о другихъ родственницахъ, математика принялась помогать разнымъ членамъ семейства, до сихъ поръ остающагося въ нераздѣльномъ владѣніи родовымъ имуществомъ подъ именемъ физики: акустика, оптика и нѣкоторыя другія изъ сестеръ, носящихъ родовое имя физики, особенно воспользовались милостями математики; очень не дурно стало положеніе и многихъ другихъ членовъ той же многолюдной семьи. Дѣло тутъ шло уже гораздо быстрѣе, чѣмъ съ выведеніемъ астрономіи изъ жалкаго положенія: помогать другимъ математика уже выучилась, возившись съ своею ближайшею родственницею, и кромѣ того хлопотала теперь уже не одна, а имѣла въ ней хорошую адъютантку. Когда онѣ вдвоемъ придали человѣческій видъ многочисленнымъ особамъ семейства физики, пресмыкавшимся прежде въ жалчайшей нищетѣ и погрязавшимъ въ гнуснѣйшихъ научныхъ порокахъ, математика уже имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлое племя, стала президентшею довольно большаго и благоденствующаго

государства. Въ концѣ прошлаго вѣка это умственное государство было въ такомъ же состояніи, какъ Соединенные Штаты въ политическомъ мірѣ около того же времени. Оба общества растутъ съ той поры одинаково быстро. Чуть не каждый годъ прибавляется какая нибудь новая область къ молодому Сѣверо-Американскому государству, становится изъ дикой пустыни цвѣтущимъ штатомъ, и все дальше и дальше оттѣсняются просвѣщеннымъ и дѣятельнымъ народомъ жалкія племена, не хотящія принимать цивилизаціи, и все больше и больше захватываетъ онъ въ свой союзъ другія племена, ищущія цивилизаціи, но не умѣвшія найти ея безъ его помощи: луизіанскіе французы и испанцы Сѣверной Мехики уже присоединились и въ немногіе годы уже прониклись духомъ новаго общества, такъ что не отличить ихъ отъ потомковъ Вашингтона и Джефферсона. Милліоны пьяныхъ ирландцевъ и не менѣе жалкихъ нѣмцевъ стали въ Союзѣ людьми порядочными и зажиточными. Такъ и союзъ точныхъ наукъ подъ управленіемъ математики, то есть счета, мѣры и вѣса, съ каждымъ годомъ расширяется на новыя области знанія, увеличивается новыми пришельцами. Послѣ химіи къ нему постепенно присоединились всѣ науки о растительныхъ и животныхъ организмахъ: физіологія, сравнительная анатомія, разныя отрасли ботаники и зоологіи; теперь входятъ въ него нравственныя науки. Съ ними дѣлается нынѣ то самое, что̀ мы видимъ надъ людьми тщеславными, погрязавшими въ нищетѣ и невѣжествѣ, когда какой нибудь дальній родственникъ, не гордящійся, какъ они, высокимъ происхожденіемъ и неслыханными добродѣтелями, а просто человѣкъ простой и честный, пріобрѣтаетъ богатство: кичливые гидальго долго усиливаются смотрѣть на него свысока, но бѣдность заставляетъ ихъ пользоваться его подачками; долго они живутъ этой милостыней, считая низкимъ для себя обратиться при его помощи къ честному труду, которымъ онъ вышелъ въ люди; но съ улучшеніемъ ихъ пищи и одежды пробуждаются въ нихъ мало по малу разсудительныя мысли, слабѣетъ прежнее пустое хвастовство, они понемногу становятся людьми порядочными, понимаютъ,

наконецъ, что стыдъ не въ трудѣ, а въ хвастовствѣ, и напослѣдокъ принимаютъ нравы, которыми вышелъ въ люди ихъ родственникъ; тогда, опираясь на его помощь, они быстро пріобрѣтаютъ хорошее положеніе и начинаютъ пользоваться уваженіемъ разсудительныхъ людей не за фантастическія достоинства, которыми прежде хвастались, не имѣя ихъ, а за свои новыя дѣйствительныя качества, полезныя для общества — за свою трудовую дѣятельность.

Еще не такъ далеко отъ насъ время, когда нравственныя науки въ самомъ дѣлѣ не могли имѣть содержанія, которымъ бы оправдывался титулъ науки, имъ принадлежавшій, и англичане были тогда совершенно правы, отнявъ у нихъ это имя, котораго онѣ не были достойны. Теперь положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Естественныя науки уже развились на столько, что даютъ много матеріаловъ для точнаго рѣшенія нравственныхъ вопросовъ. Изъ мыслителей, занимающихся нравственными науками, всѣ передовые люди стали разработывать ихъ при помощи точныхъ пріемовъ, подобныхъ тѣмъ, по какимъ разработываются естественныя науки. Когда мы говорили о противорѣчіяхъ между разными людьми по каждому нравственному вопросу, мы говорили только о давнишнихъ, наиболѣе распространенныхъ, но уже оказывающихся отсталыми, понятіяхъ и способахъ изслѣдованія, а не о томъ характерѣ, какой получаютъ нравственныя науки у передовыхъ мыслителей; о прежнемъ рутинномъ характерѣ этихъ знаній, а не о нынѣшнемъ ихъ видѣ. По нынѣшнему своему виду нравственныя науки различаются отъ такъ называемыхъ естественныхъ собственно только тѣмъ, что начали разработываться истинно научнымъ образомъ позже ихъ и потому разработаны еще не въ такомъ совершенствѣ, какъ онѣ. Тутъ разница лишь въ степени: химія моложе астрономіи и не достигла еще такого совершенства; физіологія еще моложе химіи и еще дальше отъ совершенства; психологія, какъ точная наука, еще моложе физіологіи и разработана еще меньше. Но, различаясь между собою по количеству пріобрѣтенныхъ точныхъ знаній, химія и астрономія не различаются ни по достовѣрности

того, что узнали, ни по способу, которымъ идутъ къ точному знанію своихъ предметовъ: факты и законы, открываемые химіею, такъ же достовѣрны, какъ факты и законы, открываемые астрономіею. Тоже надобно сказать о результатахъ нынѣшнихъ точныхъ изслѣдованій въ нравственныхъ наукахъ. Очерки предметовъ, даваемые астрономіею, физіологіею и психологіею,— это все равно, что карты Англіи, Европейской Россіи и Азіатской Россіи: Англія вся снята превосходными тригонометрическими измѣреніями; въ Европейской Россіи тригонометрія покрыла своею сѣтью еще только половину пространства, другая половина снята способами, не столь совершенными; въ Азіатской Россіи остаются пространства, въ которыхъ только мимоѣздомъ опредѣлено положеніе нѣсколькихъ главныхъ пунктовъ, а все лежащее между ними наносится на карту по глазомѣру, способу очень неудовлетворительному. Но тригонометрическая сѣть съ каждымъ годомъ растягивается все дальше и дальше, уже не очень далеко время, когда она охватитъ и Азіатскую Россію. А до той поры мы все таки уже знаемъ объ этой странѣ многое довольно хорошо, нѣкоторые пункты даже очень хорошо, и всю ее уже знаемъ на столько, что легко открыть слишкомъ грубые промахи въ старинныхъ картахъ ея; а если бы кто нибудь вздумалъ насъ увѣрять, что Иртышъ течетъ къ югу, а не къ сѣверу или что Иркутскъ лежитъ подъ тропиками, мы только пожали бы плечами. Кому угодно, тотъ можетъ и до сихъ поръ повторять разсказы нашихъ старинныхъ космографій о народахъ предѣла Симова и о „нѣмыхъ языкахъ“, живущихъ за Печерою, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ и запертыхъ синклитовыми воротами, неподдающимися ни огню, ни желѣзу; но мы уже знаемъ, что надобно думать объ этихъ разсказахъ, основанныхъ только на фантазіи.

Первымъ слѣдствіемъ вступленія нравственныхъ знаній въ область точныхъ наукъ было строгое различеніе того, что мы знаемъ, отъ того, чего не знаемъ. Астрономъ знаетъ, что ему извѣстна величина планеты Марса и столь же положительно знаетъ, что ему неизвѣстенъ

геологическій составъ этой планеты, характеръ растительной или животной жизни на ней и самое то, существуетъ ли на ней растительная или животная жизнь. Если бы кто нибудь вздумалъ утверждать, что на Марсѣ находится глина или гранитъ, существуютъ птицы или молюски, астрономъ сказалъ бы ему: вы утверждаете то, чего не знаете. Если бы фантазеръ зашелъ въ своихъ предположеніяхъ дальше и сказалъ бы, напримѣръ, что живущія на Марсѣ птицы не подвержены болѣзнямъ, а молюски не нуждаются въ пищѣ, астрономъ при помощи химика и физіолога доказалъ бы ему, что этого даже и быть не можетъ. Точно также и въ нравственныхъ наукахъ теперь строго разграничено извѣстное отъ неизвѣстнаго, и на основаніи извѣстнаго доказана несостоятельность нѣкоторыхъ прежнихъ предположеній о томъ, что̀ еще остается неизвѣстнымъ. Положительно извѣстно, напримѣръ, что всѣ явленія нравственнаго міра проистекаютъ одно изъ другаго и изъ внѣшнихъ обстоятельствъ по закону причинности, и на этомъ основаніи признано фальшивымъ всякое предположеніе о возникновеніи какого нибудь явленія, не произведеннаго предъидущими явленіями и внѣшними обстоятельствами. Поэтому нынѣшняя психологія не допускаетъ, напримѣръ, такихъ предположеній: „человѣкъ поступилъ въ данномъ случаѣ дурно, потому что захотѣлъ поступить дурно, а въ другомъ случаѣ хорошо, потому что захотѣлъ поступить хорошо“. Она говоритъ, что дурной поступокъ или хорошій поступокъ былъ произведенъ непремѣнно какимъ нибудь нравственнымъ или матеріальнымъ фактомъ, или сочетаніемъ фактовъ, а „хотѣніе“ было тутъ только субъективнымъ впечатлѣніемъ, которымъ сопровождается въ нашемъ сознаніи возникновеніе мыслей или поступковъ изъ предшествующихъ мыслей, поступковъ или внѣшнихъ фактовъ. Самымъ обыкновеннымъ примѣромъ дѣйствій, ни на чемъ не основанныхъ, кромѣ нашей воли, представляется такой фактъ: я встаю съ постели; на какую ногу я встану? захочу на лѣвую, захочу на правую. Но это только такъ представляется поверхностному взгляду. На самомъ дѣлѣ факты и впечатлѣнія производятъ то, на какую ногу встанетъ че-

ловѣкъ. Если нѣтъ никакихъ особенныхъ обстоятельствъ и мыслей, онъ встаетъ на ту ногу, на которую удобнѣе ему встать по анатомическому положенію его тѣла на постели. Если явятся особенныя побужденія, превосходящія своею силою это физіологическое удобство, результатъ измѣнится сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ. Если, напримѣръ, въ человѣкѣ явится мысль: „стану не на правую ногу, а на лѣвую," онъ сдѣлаетъ это; но тутъ произошла только простая замѣна одной причины (физіологическаго удобства) другою причиною (мысль доказать свою независимость), или, лучше сказать, побѣда второй причины, болѣе сильной, надъ первою. Но откуда явилась эта вторая причина, откуда явилась мысль показать свою независимость отъ внѣшнихъ условій? Она не могла явиться безъ причины, она произведена или словами собесѣдника, или воспоминаніемъ о прежнемъ спорѣ, или чѣмъ нибудь подобнымъ. Такимъ образомъ тотъ фактъ, что человѣкъ, когда захочетъ, можетъ ступить съ постели не на ту ногу, на которую удобно ему ступить по анатомическому положенію тѣла на постели, а на другую ногу,—этотъ фактъ свидѣтельствуетъ вовсе не то, чтобы человѣкъ безъ всякой причины могъ ступить на ту или другую ногу, а только то, что вставаніе съ постели можетъ совершаться подъ вліяніемъ причинъ болѣе сильныхъ, чѣмъ вліяніе анатомическаго положенія его тѣла передъ актомъ вставанія. То явленіе, которое мы называемъ волею, само является звеномъ въ ряду явленій и фактовъ, соединенныхъ причинною связью. Очень часто ближайшею причиною появленія въ насъ воли на извѣстный поступокъ бываетъ мысль. Но опредѣленное расположеніе воли производится также только опредѣленною мыслью: какова мысль, такова и воля; будь мысль не такова, была бы не такова и воля. Но почему же явилась именно такая, а не другая мысль? Опять отъ какой нибудь мысли, отъ какого нибудь факта, словомъ сказать, отъ какой нибудь причины. Психологія говоритъ въ этомъ случаѣ то же самое, что говоритъ въ подобныхъ случаяхъ физика или химія: если произошло извѣстное явленіе, то надобно искать ему причины, а не удовлетворяться пустымъ отвѣтомъ: оно

произошло само собою, безъ всякой особенной причины — „я такъ сдѣлалъ, потому что такъ захотѣлъ“. Прекрасно, но почему же вы такъ захотѣли? Если вы отвѣчаете „просто, потому что захотѣлъ,“ это значитъ то же, что говорить: „тарелка разбилась, потому что разбилась; домъ сгорѣлъ, потому что сгорѣлъ“. Такіе отвѣты вовсе не отвѣты: ими только прикрывается лѣность допскиваться подлинной причины, недостатокъ желанія знать истину.

Если при нынѣшнемъ состояніи химіи кто нибудь спроситъ, почему золото имѣетъ желтый цвѣтъ, а серебро бѣлый, химики прямо отвѣчаютъ, что до сихъ поръ еще не знаютъ этой причины, то есть еще не знаютъ, въ какой связи находится желтизна золота или бѣлизна серебра съ другими качествами этихъ металловъ, по какому закону, отъ какихъ обстоятельствъ произошло, что вещество, принявшее форму золота или серебра, пріобрѣло въ этой формѣ качество производить на нашъ глазъ впечатлѣніе желтизны или бѣлизны. Это прямой, честный отвѣтъ; но онъ, какъ видимъ, состоитъ просто въ признаніи своего незнанія. Ботатому человѣку легко сознаваться, что у него въ данномъ случаѣ не нашлось денегъ,— но легко въ этомъ сознаваться только тогда, когда всѣ увѣрены, что онъ дѣйствительно богатъ; напротивъ, человѣку, который хочетъ прослыть за богача, будучи въ сущности бѣденъ, или человѣку, кредитъ котораго поколебался, не легко сказать, что у него въ нынѣшнее время не случилось денегъ: онъ всяческими хитростями будетъ скрывать истину. Таково было до недавняго времени состояніе нравственныхъ наукъ; онѣ стыдились говорить: у насъ нѣтъ объ этомъ достаточныхъ знаній. Теперь, къ счастію, не то: психологія и нравственная философія выходятъ изъ прежней своей научной нищеты, у нихъ уже большой запасъ богатства, и онѣ прямо могутъ говорить „мы еще не знаемъ этого,“ если дѣйствительно не знаютъ.

Но если нравственныя науки на очень многіе вопросы должны еще отвѣчать теперь „мы этого не знаемъ,“ то ошибемся мы, предположивъ, что къ числу вопросовъ,

остающихся для нихъ не разрѣшимыми нынѣ, принадлежатъ тѣ вопросы, которые по одному изъ господствующихъ мнѣній признаются неразрѣшимыми. Нѣтъ, незнаніе этихъ наукъ совершенно не таково. Чего не знаетъ, напримѣръ, химія? Она не знаетъ теперь, чѣмъ будетъ водородъ, перешедшій изъ газообразнаго состоянія въ твердое, металломъ или не металломъ; есть сильная вѣроятность предполагать, что онъ будетъ металломъ, но справедлива ли такая догадка, это еще неизвѣстно. Химія не знаетъ также, дѣйствительно ли простое тѣло фосфоръ или сѣра, или они будутъ со временемъ разложены на простѣйшіе элементы. Это случаи теоретическаго незнанія. Другой родъ вопросовъ, неразрѣшимыхъ для нея теперь, представляютъ многочисленные случаи неумѣнья исполнить практическія требованія. Химія умѣетъ изготовлять синильную кислоту, уксусную кислоту, но изготовить фибринъ она еще не умѣетъ. Тѣ и другіе неразрѣшимые для нея нынѣ вопросы, имѣютъ, какъ видимъ, характеръ совершенно спеціальный, характеръ такой спеціальный, что и въ голову они приходятъ только людямъ уже порядочно знакомымъ съ химіей. Точно таковы же вопросы, остающіеся нынѣ еще не разрѣшенными для нравственныхъ наукъ. Психологія, напримѣръ, открываетъ слѣдующій фактъ: при слабомъ умственномъ развитіи человѣкъ не въ состояніи понимать жизни, различной отъ его собственной жизни; чѣмъ сильнѣе развивается его умъ, тѣмъ легче ему бываетъ представлять себѣ жизнь не похожую на его жизнь. Какъ объяснить этотъ фактъ? При нынѣшнемъ состояніи науки строгаго научнаго отвѣта еще не найдено, а существуютъ только разныя догадки. Скажите теперь, кому изъ людей незнакомыхъ съ нынѣшнимъ состояніемъ психологіи приходилъ въ голову такой вопросъ? Почти никто кромѣ ученыхъ даже не замѣчалъ и факта, къ которому относится этотъ вопросъ: это все равно, что вопросъ о металличности или не-металличности водорода: люди, незнакомые съ химіей, не знаютъ не только этого вопроса о водородѣ, но не знаютъ и самого водорода. А для химіи чрезвычайно важенъ этотъ водородъ, существованіе

котораго было бы незамѣтно безъ нея. Точно такъ для психологіи чрезвычайно важенъ фактъ неспособности неразвитаго человѣка и способности развитаго понимать жизнь, различную отъ его жизни. Какъ открытіе водорода повело къ усовершенствованію химической теоріи, такъ и открытіе этого психологическаго факта имѣло своимъ послѣдствіемъ построеніе теоріи антропоморфизма, безъ которой ни шагу теперь нельзя ступить въ метафизикѣ. Вотъ другой психологическій вопросъ, также не разрѣшимый точнымъ образомъ при нынѣшнемъ состояніи науки: дѣти имѣютъ наклонность ломать свои игрушки; отчего это происходитъ? Надобно ли считать эту ломку только неловкою формою желанія пересоздавать вещи по своимъ надобностямъ, неловкою формою такъ называемой творческой дѣятельности человѣка, или тутъ есть слѣдъ чистой наклонности къ разрушенію, приписываемый человѣку нѣкоторыми писателями? Таковы почти всѣ теоретическіе вопросы, точнаго рѣшенія которыхъ еще не даетъ наука. Читатель видитъ, что они принадлежатъ къ разряду вопросовъ, надобность и важность которыхъ открывается только наукою, понятна только для ученыхъ, къ разряду такъ называемыхъ техническихъ или спеціальныхъ вопросовъ, которые вовсе не интересны для простыхъ людей, часто кажутся имъ даже ничтожными. Это все вопросы въ родѣ тѣхъ, изъ какого старо-славянскаго звука произошло **у** въ словѣ „рука“: изъ простаго **у** или изъ юса, и по какому закону образуется существительное „возъ“ изъ глагола „везу“: зачѣмъ тутъ буква **е** замѣнилась буквою **о**? Для филолога эти вопросы очень важны, а для насъ не-филологовъ они, можно сказать, не существуютъ. Но не будемъ опрометчиво смѣяться надъ учеными, которые заняты изслѣдованіемъ такихъ мелочныхъ, по видимому, вещей: отъ открытія истины въ подобныхъ, по видимому, не важныхъ фактахъ возникали результаты важные и для насъ простыхъ людей: разъяснялись понятія о цѣломъ рядѣ важныхъ фактовъ, измѣнялись важныя житейскія отношенія. Изъ того, что нѣкоторые люди разъяснили нашу фонетику открытіемъ значенія юсовъ, явилось болѣе разумное обученіе грам-

матикѣ, и нашихъ дѣтей будутъ меньше мучить за нею, чѣмъ мучили насъ, и будутъ лучше выучивать ей, чѣмъ выучивали насъ.

Итакъ теоретическіе вопросы, остающіеся неразрѣшенными при нынѣшнемъ состояніи нравственныхъ наукъ, вообще таковы, что даже не приходятъ въ голову почти никому, кромѣ спеціалистовъ; не спеціалистъ съ трудомъ понимаетъ даже, какъ могутъ ученые люди заниматься изслѣдованіемъ такихъ мелочей. Напротивъ, тѣ теоретическіе вопросы, которые обыкновенно представляются важными и трудными для не-спеціалистовъ, вообще перестали быть вопросами для нынѣшнихъ мыслителей, потому что чрезвычайно легко разрѣшаются несомнѣннымъ образомъ при первомъ прикосновеніи къ нимъ могущественныхъ средствъ научнаго анализа. Половина такихъ вопросовъ оказывается происходящими просто отъ непривычки къ мышленію, другая половина находитъ себѣ отвѣтъ въ явленіяхъ знакомыхъ каждому. Куда дѣвается пламя, носящееся надъ свѣтильнею горящей свѣчи, когда мы гасимъ свѣчу? Неужели химикъ согласится назвать эти слова вопросомъ? Онъ просто называетъ ихъ безсмысленнымъ наборомъ словъ, возникающимъ изъ незнакомства съ самыми коренными, самыми простыми фактами науки. Онъ говоритъ: горѣніе свѣчи есть химическій процессъ; пламя есть одно изъ явленій этого процесса, одна изъ сторонъ его, одно изъ качествъ его, выражаясь простымъ языкомъ; когда мы гасимъ свѣчу, мы прекращаемъ химическій процессъ; само собою разумѣется, что съ его прекращеніемъ исчезаютъ и его качества; спрашивать, что дѣлается съ пламенемъ свѣчи, когда гаснетъ свѣча, значитъ то же самое, что спрашивать о томъ, что осталось отъ цифры 2 въ числѣ 25, когда мы зачеркнемъ все число, — ровно ничего не осталось ни отъ цифры 2, ни отъ цифры 5: вѣдь онѣ обѣ зачеркнуты; спрашивать это можетъ только тотъ, кто самъ не понимаетъ, что значитъ написать цифру и что значитъ зачеркнуть ее; на всѣ вопросы такихъ людей существуетъ одинъ отвѣтъ: другъ мой! вы не имѣете понятія объ ариѳметикѣ и сдѣлаете хорошо, если станете учиться ей. Предлагается, напри-

мѣръ, очень головоломный вопросъ: доброе или злое существо человѣкъ? Множество людей потѣютъ надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, почти половина потѣющихъ рѣшаютъ: человѣкъ по натурѣ добръ; другіе, составляющіе также почти цѣлую половину потѣющихъ, рѣшаютъ иначе: человѣкъ по натурѣ золъ. За исключеніемъ этихъ двухъ противоположныхъ догматическихъ партій, остаются нѣсколько человѣкъ скептиковъ, которые смѣются надъ тѣми и другими и рѣшаютъ: вопросъ этотъ неразрѣшимъ. Но при первомъ приложеніи научнаго анализа вся штука оказывается простою до крайности. Человѣкъ любитъ пріятное и не любитъ непріятнаго, — это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, потому что въ сказуемомъ тутъ просто повторяется подлежащее: А есть А, пріятное для человѣка есть пріятное для человѣка, непріятное для человѣка есть непріятное для человѣка. Добръ тотъ, кто дѣлаетъ хорошее для другихъ, золъ — кто дѣлаетъ дурное для другихъ,— кажется, это такъ же просто и ясно. Соединимъ теперь эти простыя истины и въ выводѣ получимъ: добрымъ человѣкъ бываетъ тогда, когда для полученія пріятнаго себѣ онъ долженъ дѣлать пріятное другимъ; злымъ бываетъ онъ тогда, когда принужденъ извлекать пріятность себѣ изъ нанесенія непріятности другимъ. Человѣческой натуры нельзя тутъ ни бранить за одно, ни хвалить за другое; все зависитъ отъ обстоятельствъ, отношеній. Если извѣстныя отношенія имѣютъ характеръ постоянства, въ человѣкѣ сформировавшемся подъ ними оказывается сформировавшеюся привычка къ сообразному съ ними способу дѣйствій. Потому можно находить, что Иванъ добръ, а Петръ золъ; но эти сужденія прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще, какъ прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще понятія о привычкѣ тесать доски, умѣть ковать и т. д. Иванъ плотникъ, но нельзя сказать, что такое человѣкъ вообще: плотникъ или не-плотникъ; Петръ умѣетъ ковать желѣзо, но нельзя сказать о человѣкѣ вообще, кузнецъ онъ или не-кузнецъ. Тотъ фактъ, что Иванъ сталъ плотникомъ, а Петръ кузнецомъ, показываетъ только, что при из-

вѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Ивана, человѣкъ становится плотникомъ, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Петра, — становится кузнецомъ. Точно такъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ человѣкъ становится добръ, при другихъ золъ.

Такимъ образомъ съ теоретической стороны вопросъ о добрыхъ и злыхъ качествахъ человѣческой натуры разрѣшается столь легко, что даже и не можетъ быть названъ вопросомъ: онъ самъ въ себѣ уже заключаетъ полный отвѣтъ. Но другое дѣло, если вы возьмете практическую сторону дѣла, если, напримѣръ, вамъ кажется, что для самого человѣка и для всѣхъ окружающихъ его людей гораздо лучше ему быть добрымъ, чѣмъ злымъ, и если вы захотѣли бы позаботиться, чтобы каждый сталъ добръ: съ этой стороны дѣло представляетъ очень большія трудности; но онѣ, какъ замѣтитъ читатель, относятся уже не къ наукѣ, а только къ практическому исполненію средствъ, указываемыхъ наукою. Психологія и нравственная философія находятся тутъ опять точно въ такомъ же положеніи, какъ естественныя науки. Климатъ въ сѣверной Сибири слишкомъ холоденъ; если бы мы спросили, какимъ способомъ можно сдѣлать его теплѣе, естественныя науки не затруднятся отвѣтомъ на это: Сибирь закрыта горами отъ теплой южной атмосферы и открыта своимъ склономъ къ сѣверу холодной сѣверной атмосферѣ; если бы горы шли по сѣверной границѣ ея, а на южной не было горъ, страна эта была бы гораздо теплѣе. Но у насъ еще не достаетъ средствъ исполнить на практикѣ это теоретическое рѣшеніе вопроса. Точно также и у нравственныхъ наукъ готовъ теоретическій отвѣтъ почти на всѣ вопросы, важные для жизни, но во многихъ случаяхъ у людей недостаетъ еще средствъ для практическаго исполненія того, что̀ указываетъ теорія. Впрочемъ, нравственныя науки имѣютъ въ этомъ случаѣ преимущество надъ естественными. Въ естественныхъ наукахъ всѣ средства принадлежатъ области такъ называемой внѣшней природы; въ нравственныхъ наукахъ только одна половина средствъ принадлежитъ этому разряду, а другая половина средствъ заключается въ самомъ человѣкѣ; стало

быть половина дѣла зависитъ только отъ того, чтобы человѣкъ съ достаточною силою почувствовалъ надобность въ извѣстномъ улучшеніи: это чувство уже даетъ ему очень значительную часть условій, нужныхъ для улучшенія. Но мы видѣли, что однихъ этихъ условій, зависящихъ отъ состоянія впечатлѣній самого человѣка, еще недостаточно: нужны также матеріальныя средства. Относительно этой половины условій, относительно матеріальныхъ средствъ, практическіе вопросы нравственныхъ наукъ находятся въ положеніи еще гораздо выгоднѣйшемъ, нежели относительно условій, лежащихъ въ самомъ человѣкѣ. Прежде, при неразвитости естественныхъ наукъ, могли встрѣчаться во внѣшней природѣ непреодолимыя затрудненія къ исполненію нравственныхъ потребностей человѣка. Теперь не то: естественныя науки уже предлагаютъ ему столь сильныя средства располагать внѣшнею природою, что затрудненій въ этомъ отношеніи не представляется. Возвратимся для примѣра къ практическому вопросу о томъ, какимъ бы способомъ люди могли стать добрыми, такъ чтобы не добрые люди стали на свѣтѣ чрезвычайной рѣдкостью и чтобы злыя качества потеряли всякую замѣтную важность въ жизни по чрезвычайной малочисленности случаевъ, въ которыхъ обнаруживались бы людьми. Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей; что человѣкъ поступаетъ дурно, т. е. вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишить ихъ чего нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной. Напримѣръ, въ случаѣ неурожая, когда пищи недостаточно для всѣхъ, число преступленій и всякихъ дурныхъ поступковъ чрезмѣрно возрастаетъ: люди обижаютъ и обманываютъ другъ друга изъ-за куска хлѣба. Психологія прибавляетъ также, что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей сплѣ; самая настоятельнѣйшая потребность каждаго человѣческаго организма состоитъ въ томъ, чтобы дышать; но предметъ, нужный для ея удовлетворенія, находится человѣкомъ почти во всѣхъ положеніяхъ въ достаточ-

номъ изобиліи, потому изъ потребности воздуха почти никогда не возникаетъ дурныхъ поступковъ. Но если встрѣтится исключительное положеніе, когда этого предмета оказывается мало для всѣхъ, то возникаютъ также ссоры и обиды; напримѣръ, если много людей будетъ заперто въ душномъ помѣщеніи съ однимъ окномъ, то почти всегда возникаютъ ссоры и драки, могутъ даже совершаться убійства изъ-за пріобрѣтенія мѣста у этого окна. Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность человѣта — ѣсть и пить. Въ предметахъ для порядочнаго удовлетворенія этой потребности очень часто, очень у многихъ людей встрѣчается недостатокъ, и онъ служитъ источникомъ самаго большаго числа всѣхъ дурныхъ поступковъ, почти всѣхъ положеній и учрежденій, бывающихъ постоянными причинами дурныхъ поступковъ. Если бы устранить одну эту причину зла, быстро исчезло бы изъ человѣческаго общества, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ всего дурнаго: число преступленій уменьшилось бы въ десять разъ, грубые нравы и понятія въ теченіе одного поколѣнія замѣнились бы человѣчественными, отнялась бы и опора у стѣснительныхъ учрежденій, основанныхъ на грубости нравовъ и невѣжествѣ, и скоро уничтожилось бы почти всякое стѣсненіе. Прежде исполнить такое указаніе теоріи было, какъ насъ увѣряютъ, невозможно по несовершенству техническихъ искусствъ; не знаемъ, справедливо ли говорятъ это о старинѣ, но безспорно то, что при нынѣшнемъ состояніи механики и химіи, при средствахъ, даваемыхъ этими науками сельскому хозяйству, земля могла бы производить въ каждой странѣ умѣреннаго пояса несравненно больше пищи, чѣмъ сколько нужно для изобильнаго продовольствія числа жителей, въ десять и двадцать разъ бо̀льшаго, чѣмъ нынѣшнее населеніе этой страны (*). Такимъ об-

(*) Въ самой Англіи земля можетъ прокормить по крайней мѣрѣ 150,000.000 человѣкъ. Панегирики удивительному совершенству англійскаго сельскаго хозяйства справедливы въ томъ отношеніи, что дѣло это тамъ быстро улучшается; но ошибочно было бы думать, что оно и теперь пользуется въ удовлетворительномъ размѣрѣ пособіями науки; это только-что еще начинается, и девять десятыхъ частей земли,

разомъ со стороны внѣшней природы уже не представляется никакого препятствія къ снабженію всего населенія каждой цивилизованной страны изобильною пищею; задача остается только въ томъ, чтобы люди сознали возможность и надобность энергически устремиться къ этой цѣли. Въ реторическомъ слогѣ можно говорить, будто они на самомъ дѣлѣ заботятся объ этомъ какъ слѣдуетъ; но точный и холодный анализъ науки показываетъ пустоту пышныхъ фразъ, часто слышимыхъ нами объ этомъ предметѣ. Въ дѣйствительности еще ни одно человѣческое общество не приняло въ сколько нибудь обширномъ размѣрѣ тѣхъ средствъ, какія указываются для приданія успѣшности сельскому хозяйству естественными науками и наукою о народномъ благосостояніи. Отчего это происходитъ, почему въ человѣческихъ обществахъ господствуетъ беззаботность объ исполненіи научныхъ указаній для удовлетворенія такой настоятельной потребности, какъ потребность пищи, почему это такъ, какими обстоятельствами и отношеніями производится и поддерживается дурное хозяйство, какъ надобно измѣнить обстоятельства и отношенія для замѣны дурнаго хозяйства хорошимъ,—это опять новые вопросы, теоретическое рѣшеніе которыхъ очень легко; и опять практическое осуществленіе научныхъ рѣшеній обусловливается тѣмъ, чтобы человѣкъ проникся извѣстными впечатлѣніями. Мы, впрочемъ, не станемъ здѣсь излагать ни теоретическаго рѣшенія, ни практическихъ затрудненій по этимъ вопросамъ: это завело бы насъ слишкомъ далеко, а намъ кажется, что уже довольно и предъидущихъ замѣчаній для разъясненія того, въ какомъ положеніи находятся теперь нравственныя науки. Мы хотѣли сказать, что разработка нравственныхъ знаній точнымъ научнымъ образомъ только еще начинается; что поэтому еще не найдено точнаго теоретическаго рѣшенія очень многихъ чрезвычайно важныхъ нравственныхъ вопросовъ; но что эти вопросы, теоретическое рѣшеніе которыхъ еще не найдено, имѣютъ ха-

возделываемой въ Англіи, возделывается по рутинѣ, совершенно не соответствующей нынѣшнему состоянію сельско-хозяйственныхъ знаній.

рактеръ чисто техническій, такъ что интересны только для спеціалистовъ, и что наоборотъ, тѣ психологическіе и нравственные вопросы, которые представляются очень интересными и кажутся чрезвычайно трудными для не спеціалистовъ, уже съ точностью разрѣшены и притомъ разрѣшены чрезвычайно легко и просто, самыми первыми приложеніями точнаго научнаго анализа, такъ что теоретическій отвѣтъ на нихъ уже найденъ; мы прибавляли, что изъ этихъ несомнѣнныхъ теоретическихъ рѣшеній возникаютъ очень важныя и полезныя научныя указанія о томъ, какія средства надобно употребить для улучшенія человѣческаго быта; что изъ этихъ средствъ нѣкоторыя должны быть взяты во внѣшней природѣ, и при нынѣшнемъ развитіи естественныхъ знаній внѣшняя природа уже не представляетъ этому препятствія, а другія должны быть доставлены разсудительною энергіею самого человѣка и нынѣ только въ ея возбужденіи могутъ встрѣчаться трудности, по недоброжелательству, невѣжеству и апатіи людей, и вообще по власти предразсудковъ надъ огромнымъ большинствомъ людей въ каждомъ обществѣ.

Всѣ эти разсужденія имѣли цѣлью объяснить, какимъ образомъ нынѣшнее высокое развитіе естественныхъ наукъ помогаетъ возникновенію точныхъ наукъ по такимъ отраслямъ бытія и по такимъ отдѣламъ теоретическихъ вопросовъ, которые прежде были только предметомъ догадокъ, иногда основательныхъ, иногда неосновательныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не дававшихъ точнаго знанія. Таковы нравственные и метафизическіе вопросы. Ближайшимъ предметомъ нашихъ статей служитъ теперь человѣкъ, какъ отдѣльная личность, и мы попробуемъ изложить, какія рѣшенія вопросовъ, относящихся къ этому предмету, найдены точною научною разработкою психологіи и нравственной философіи. Если читатель помнитъ характеръ нашей первой статьи, онъ, конечно, будетъ ожидать, что лишь только мы дали это обѣщаніе, какъ тотчасъ же измѣнимъ ему и вдадимся въ длинное отступленіе, вовсе неидущее къ дѣлу. Читатель не ошибется. Мы отлагаемъ на время въ сторону психологическіе и нравственно-философскіе вопросы о человѣкѣ,

займемся физіологическими, медицинскими, какими вамъ угодно другими, и вовсе не будемъ касаться человѣка, какъ существа нравственнаго, а попробуемъ прежде сказать, что мы знаемъ о немъ, какъ о существѣ имѣющемъ желудокъ и голову, кости, жилы, мускулы и нервы. Мы будемъ смотрѣть на него пока только съ той стороны, какую находятъ въ немъ естественныя науки; другими сторонами его жизни мы займемся послѣ, если позволитъ намъ время.

Физіологія и медицина находятъ, что человѣческій организмъ есть очень многосложная химическая комбинація, находящаяся въ очень многосложномъ химическомъ процессѣ, называемомъ жизнью. Процессъ этотъ такъ многосложенъ, а предметъ его такъ важенъ для насъ, что отрасль химіи, занимающаяся его изслѣдованіемъ, удостоена за свою важность титула особенной науки и названа физіологіею. Отношеніе физіологіи къ химіи можно сравнить съ отношеніемъ отечественной исторіи къ всеобщей исторіи. Разумѣется, русская исторія составляетъ только часть всеобщей; но предметъ этой части особенно близокъ намъ, потому она сдѣлана какъ будто особенною наукою: курсъ русской исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ читается отдѣльно отъ курса всеобщей, воспитанники получаютъ на экзаменахъ особенный балъ изъ русской исторіи; но не слѣдуетъ забывать, что эта внѣшняя раздѣльность служитъ только для практическаго удобства, а не основана на теоретическомъ различіи характера этой отрасли знанія отъ другихъ частей того же самаго знанія. Русская исторія понятна только въ связи съ всеобщею, объясняется ею и представляетъ только видоизмѣненія тѣхъ же самыхъ силъ и явленій, о какихъ разсказывается во всеобщей исторіи. Такъ и физіологія только видоизмѣненіе химіи, а предметъ ея только видоизмѣненіе предметовъ разсматриваемыхъ въ химіи. Сама физіологія не удержала всѣхъ своихъ отдѣловъ въ полномъ единствѣ подъ однимъ именемъ: нѣкоторыя стороны изслѣдуемаго ею предмета, т. е. химическаго процесса, происходящаго въ человѣческомъ организмѣ, имѣютъ такую особенную интересность для человѣка, что изслѣдованія о нихъ,

составляющія часть физіологіи, сами удостоились имени особенныхъ наукъ. Изъ этихъ сторонъ мы назовемъ одну: изслѣдованіе явленій производящихъ и сопровождающихъ разныя уклоненія этого химическаго процесса отъ нормальнаго его вида; эта часть физіологіи названа особеннымъ именемъ — медицина; медицина въ свою очередь развѣтвляется на множество наукъ съ особенными именами. Такимъ образомъ часть, выдѣлившаяся изъ химіи, выдѣлила изъ себя новыя части, которыя опять раздѣляются на новыя части. Но это явленіе точно того же порядка, какъ раздѣленіе одного города на кварталы, кварталовъ на улицы: это дѣлается только для практическаго удобства и не должно забывать, что всѣ улицы и кварталы города составляютъ одно цѣлое. Когда мы говоримъ: Васильевскій Островъ или Невскій проспектъ, мы вовсе не говоримъ, чтобы дома Васильевскаго Острова и Невскаго проспекта не входили въ составъ Петербурга. Точно такъ медицинскія явленія входятъ въ систему физіологическихъ явленій, а вся система физіологическихъ явленій входитъ въ еще обширнѣйшую систему химическихъ явленій.

Когда изслѣдуемый предметъ очень многосложенъ, то для удобства изслѣдованія полезно дѣлить его на части; потому физіологія раздѣляетъ многосложный процессъ, происходящій въ живомъ человѣческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣтныя: дыханіе, питаніе, кровообращеніе, движеніе, ощущеніе; подобно всякому другому химическому процессу вся эта система явленій имѣетъ возникновеніе, возрастаніе, ослабленіе и конецъ. Поэтому физіологія разсматриваетъ, будто бы особые предметы, процессы дыханія, питанія, кровообращенія, движенія, ощущенія и т. д., зачатія или оплодотворенія, роста, дряхлѣнія и смерти. Но тутъ опять надобно помнить, что эти разные періоды процесса и разные стороны его раздѣляются только теоріею, чтобы облегчить теоретическій анализъ, а въ дѣйствительности составляютъ одно неразрывное цѣлое. Такъ геометрія разлагаетъ кругъ на окружность, радіусы и центръ, но въ сущности радіуса нѣтъ безъ центра и окружности, центра нѣтъ безъ радіуса и ок-

ружности, да и окружности нѣтъ безъ радіуса и центра,— эти три понятія, эти три части геометрическаго изслѣдованія о кругѣ составляютъ всѣ вмѣстѣ одно цѣлое. Нѣкоторые изъ частей физіологіи разработаны уже очень хорошо: таковы, напримѣръ, изслѣдованія процессовъ дыханія, питанія, кровообращенія, зачатія, роста и одряхлѣнія; процессъ движенія разъясненъ еще не такъ подробно, а процессъ ощущенія еще меньше; довольно странно можетъ показаться, что также мало изслѣдованъ процессъ нормальной смерти, происходящей не отъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ случаевъ или спеціальныхъ разстройствъ (болѣзни), а просто отъ истощенія организма самымъ теченіемъ жизни. Но это потому, во-первыхъ, что наблюденіямъ медиковъ и физіологовъ представляется не очень много случаевъ такой смерти: изъ тысячи человѣкъ развѣ одинъ умираетъ ею, организмъ остальныхъ преждевременно разрушается болѣзнями и гибельными внѣшними случаями; во-вторыхъ, и на эти немногіе случаи нормальной смерти ученые до сихъ поръ не имѣли досуга обратить такое вниманіе, какое привлекаютъ болѣзни и случаи насильственной смерти: силы науки по вопросу о разрушеніи организма до сихъ поръ поглощаются пріисканіемъ средствъ къ устраненію преждевременной смерти.

Мы сказали, что нѣкоторыя части процесса жизни еще не разъяснены такъ подробно, какъ другія; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы уже не знали положительнымъ образомъ очень многаго и о тѣхъ частяхъ его, изслѣдованіе которыхъ находится теперь даже въ самомъ несовершенномъ видѣ. Во-первыхъ, если даже предположить, что какая нибудь сторона жизненнаго процесса въ своей особенной спеціальности остается до сихъ поръ и совершенно недоступною точному анализу въ духѣ математики и естественныхъ наукъ, то характеръ ея приблизительно былъ бы намъ уже извѣстенъ изъ характера другихъ частей, которыя уже довольно хорошо изслѣдованы. Это былъ бы случай такого же рода, какъ опредѣленіе вида головы млекопитающаго по костямъ его ногъ: извѣстно, что по одной какой нибудь лопаткѣ или ключицѣ животнаго наука довольно

точно возсоздаетъ всю его фигуру и въ томъ числѣ голову, такъ что когда находится потомъ полный скелетъ, онъ подтверждаетъ вѣрность научнаго вывода о цѣломъ по одной его части. Мы знаемъ въ чемъ состоитъ, напримѣръ, питаніе; изъ этого мы уже знаемъ приблизительно, въ чемъ состоитъ, напримѣръ, ощущеніе; питаніе и ощущеніе такъ тѣсно связаны между собою, что характеромъ одного опредѣляется характеръ другаго. Въ прошлой статьѣ мы уже говорили, что такія заключенія о неизвѣстныхъ частяхъ по извѣстнымъ частямъ имѣютъ и особенную достовѣрность и особенную важность въ отрицательной формѣ: А тѣсно связано съ X; А есть В; изъ этого слѣдуетъ, что X не можетъ быть ни С, ни D, ни Е. Напримѣръ, найдена лопатка какого-то допотопнаго животнаго; къ какому именно разряду млекопитающихъ оно принадлежало, этого, можетъ быть, мы не съумѣемъ опредѣлить безошибочно, быть можетъ ошибемся, если причислимъ его къ породѣ кошекъ или лошадей; но уже по одной найденной нами лопаткѣ мы безошибочно знаемъ, что оно не было ни птицею, ни рыбою, ни черепокожимъ. Мы сказали, что эти отрицательные выводы имѣютъ большую важность во всѣхъ наукахъ. Но въ особенности они важны въ нравственныхъ наукахъ и въ метафизикѣ, потому что уничтожаемыя ими ошибки имѣли особенную практическую гибельность въ этихъ наукахъ. Если встарину по плохому развитію естественныхъ наукъ ошибочно считали кита рыбой, а летучую мышь птицей, отъ этого, вѣроятно, не пострадалъ ни одинъ человѣкъ; но отъ ошибокъ, имѣвшихъ такой же источникъ, т. е. происходившихъ отъ неумѣнія подвергнуть предметъ точному анализу, произошли въ метафизикѣ и въ нравственныхъ наукахъ ошибочныя мнѣнія, надѣлавшія людямъ гораздо больше зла, чѣмъ холера, чума и всѣ заразительныя болѣзни. Сдѣлаемъ, напримѣръ, гипотезу, что праздность пріятна, а трудъ непріятенъ; если эта гипотеза станетъ господствующимъ мнѣніемъ, каждый человѣкъ будетъ пользоваться всѣми случаями, чтобы обезпечить себѣ праздную жизнь, заставивъ другихъ работать за себя; изъ этого произойдутъ всѣ виды порабощенія и

грабежа, начиная отъ собственно такъ называемаго рабства и отъ завоевательной войны до нынѣшнихъ болѣе тонкихъ формъ тѣхъ же явленій. Эта гипотеза дѣйствительно была сдѣлана людьми, дѣйствительно стала господствующимъ мнѣніемъ, и дѣйствительно произвела не мало страданій. Теперь попробуемъ приложить къ понятію пріятности или удовольствія выводы изъ точнаго анализа жизненнаго процесса. Феноменъ пріятности или удовольствія принадлежитъ той части жизненнаго процесса, которая называется ощущеніемъ. Предположимъ пока, что собственно объ этой части жизненнаго процесса, какъ объ отдѣльной части, еще нѣтъ у насъ точныхъ изслѣдованій. Посмотримъ, нельзя ли чего нибудь заключить о ней изъ тѣхъ точныхъ свѣдѣній, какія пріобрѣла наука о питаніи, дыханіи, кровообращеніи. Мы видимъ, что каждое изъ этихъ явленій составляетъ дѣятельность нѣкоторыхъ частей нашего организма. Какія части дѣйствуютъ при феноменахъ дыханія, питанія и кровообращенія, это мы знаемъ, знаемъ и то, какъ они дѣйствуютъ; быть можетъ мы ошиблись бы, если бы стали изъ этихъ свѣдѣній дѣлать выводы о томъ, какія именно части организма и какимъ именно образомъ дѣйствуютъ при феноменѣ пріятнаго ощущенія; но мы уже прямо видѣли, что только дѣятельность какой нибудь части организма даетъ возникновеніе тому, что называется явленіями человѣческой жизни; мы видимъ, что когда есть дѣятельность, то есть и феноменъ, а когда нѣтъ дѣятельности, то нѣтъ и феномена; изъ этого видимъ, что и для пріятнаго ощущенія непремѣнно нужна какая нибудь дѣятельность организма. Теперь анализируемъ понятіе дѣятельности. Для дѣятельности необходимо существованіе двухъ предметовъ, дѣйствующаго и подвергающагося дѣйствію, и дѣятельность состоитъ въ томъ, что дѣйствующій предметъ обращаетъ свои силы на переработку предмета подвергающагося дѣйствію. Напримѣръ, грудь и легкія перемѣщаютъ и разлагаютъ воздухъ при феноменѣ дыханія, желудокъ перерабатываетъ пищу при феноменѣ питанія. Итакъ, пріятное ощущеніе также должно непремѣнно состоять въ томъ, что силою человѣческаго организма передѣлывается ка-

кой нибудь внѣшній предметъ: какой именно предметъ и какимъ именно способомъ переработывается, этого мы еще не знаемъ, но мы уже видимъ, что источникомъ удовольствія непремѣнно должна быть какая нибудь дѣятельность человѣческаго организма надъ внѣшними предметами. Попробуемъ теперь сдѣлать отрицательный выводъ изъ этого результата. Праздность есть отсутствіе дѣятельности; очевидно, что она не можетъ производить фѳноменовъ такъ называемаго пріятнаго ощущенія. Теперь становится намъ совершенно понятно, почему во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ зажиточные классы общества жалуются на постоянную скуку, на непріятность жизни. Эта жалоба совершенно справедлива. Богачу такъ же непріятно житъ, какъ и бѣдняку, потому что по обычаю внесенному въ общество ошибочною гипотезою, съ богатствомъ соединена праздность, то есть вещи, которыя должны были бы служить источникомъ удовольствія, лишены этою гипотезою возможности составлять удовольствіе. Кто привыкъ къ отвлеченному мышленію, тотъ впередъ увѣренъ, что наблюденіе надъ житейскими отношеніями не будетъ противорѣчить результатамъ научнаго анализа. Но и люди непривычные къ мышленію будутъ приведены къ такому же заключенію соображеніемъ смысла тѣхъ фактовъ, которые представляетъ такъ называемая свѣтская жизнь: въ ней нѣтъ нормальной дѣятельности, т. е. такой дѣятельности, въ которой объективная сторона дѣла соотвѣтствовала бы субъективной его роли, нѣтъ дѣятельности, которая заслуживала бы имени серьезной дѣятельности; чтобы избѣжать субъективнаго разстройства въ организмѣ, избѣжать происходящихъ отъ неподвижности болѣзней, избѣжать тоски, свѣтскій человѣкъ принужденъ создавать себѣ въ замѣнъ нормальной дѣятельности фиктивную: онъ лишенъ движенія, имѣющаго объективную разумную цѣль, и потому „дѣлаетъ моціонъ,“ т. е. убиваетъ на пустое размахиваніе ногами столько же времени, сколько слѣдовало употреблять на дѣловую ходьбу; онъ лишенъ физическаго труда и потому „занимается гимнастикою для гигіены“ т. е. машетъ руками и качается корпусомъ (за бильярдомъ, за токарнымъ стан-

комъ, если не въ гимнастической залѣ) столько же времени, сколько слѣдовало бы ему заниматься физической работой; онъ лишенъ дѣльныхъ заботъ о себѣ и своихъ близкихъ, потому занимается сплетнями и интригами, т. е. хлопочетъ мысленно надъ вздоромъ столько же, сколько слѣдовало бы хлопотать о дѣльныхъ вещахъ. Но всѣ эти искуственныя средства ни какъ не могутъ доставить потребностямъ организма такого удовлетворенія, какое нужно для здоровья. Жизнь проходитъ у нынѣшняго богача такъ, какъ идетъ она у китайца, кушающаго опіумъ: противуестественное раздраженіе смѣняется летаргіею, напряженное пресыщеніе пустою дѣятельностью, оставляя послѣ себя все ту же пустую тоску, спасенія отъ которой ищутъ въ немъ.

Мы видимъ, что если даже предположить совершенный недостатокъ точныхъ изслѣдованій о какой нибудь части жизненнаго процесса, какъ объ отдѣльной спеціальной части, то нынѣшнее состояніе точныхъ знаній о другихъ частяхъ того же самаго жизненнаго процесса уже даетъ намъ приблизительное понятіе объ общемъ характерѣ этой неизвѣстной части, даетъ намъ прочную опору для важныхъ положительныхъ и для еще болѣе важныхъ отрицательныхъ выводовъ о ней. Но, конечно, мы только для разъясненія дѣла, argumenti causa, предположили совершенное отсутствіе точныхъ изслѣдованій по нѣкоторымъ частямъ жизненнаго процесса; на самомъ же дѣлѣ нѣтъ ни одной части жизненнаго процесса, о которой наука не пріобрѣла болѣе или менѣе обширныхъ и точныхъ знаній, спеціально относящихся именно къ этой части. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ. Результатами этихъ спеціальныхъ изысканій подтверждаются выводы, получаемые изъ общихъ наблюденій надъ цѣлымъ жизненнымъ процессомъ и надъ частями его, болѣе изслѣдованными.

До сихъ поръ мы говорили о физіологіи, какъ о наукѣ занимающейся изслѣдованіемъ жизненнаго процесса въ человѣческомъ организмѣ. Но читатель знаетъ, что физіологія человѣческаго организма составляетъ только часть физіологіи, или, точнѣе сказать, часть одного ея

отдѣла — зоологической физіологіи. Замѣтивъ это, мы поправимъ ошибку, сдѣланную на предъидущихъ страницахъ: напрасно мы говорили, что феномены дыханія, питанія и другихъ частей жизненнаго процесса въ человѣкѣ составляютъ предметъ физіологіи: предметъ ея составляютъ явленія этого процесса во всѣхъ живыхъ существахъ. Физіологія человѣка существуетъ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуетъ географія Англіи, въ смыслѣ одной главы изъ состава цѣлой книги,— главы, которая можетъ сама разрастаться въ цѣлую книгу.

Когда мы поверхностнымъ образомъ обозрѣваемъ двѣ страны, очень далекія по развитію одна отъ другой, страну дикарей и страну высоко цивилизованнаго народа, намъ кажется, будто бы въ одной изъ нихъ нѣтъ даже и слѣда тѣхъ явленій, какія поражаютъ насъ своимъ колоссальнымъ размѣромъ въ другой. Въ Англіи мы видимъ Лондонъ и Манчестеръ, доки наполненные пароходами и желѣзныя дороги, а у какихъ нибудь якутовъ нѣтъ повидимому ничего соотвѣтствующаго этимъ явленіямъ. Но загляните въ основательное описаніе жизни якутовъ, и оно уже самымъ оглавленіемъ своимъ наведетъ васъ на мысль, что поверхностное заключеніе наше было ошибочно: оглавленіе книги о якутахъ точно таково же, какъ оглавленіе книги объ англичанахъ: почва и климатъ; способы добыванія пищи; жилища; одежда; пути сообщенія; торговля и т. д. Какъ? спрашиваете вы себя: — неужели у якутовъ есть и пути сообщенія и торговля? Да, разумѣется, есть, какъ и у англичанъ; разница только та, что у англичанъ эти явленія общественной жизни сильно развиты, а у якутовъ они развиты слабо. У англичанъ есть Лондонъ,— но и у якутовъ есть явленія возникающія изъ того же самаго принципа, которымъ созданъ Лондонъ: на зиму якуты, бросая кочевую жизнь, поселяются въ землянкахъ; эти землянки вырыты по сосѣдству одна отъ другой, такъ что составляютъ какую-то группу,— вотъ вамъ и зародышъ города; въ самой Англіи дѣло началось съ того же: зародышемъ Лондона была такая же группа такихъ же землянокъ. У англичанъ есть Манчестеръ съ гигантскими

машинами, которыя называются бумаго-прядильною фабрикою; но вѣдь и якуты не довольствуются звѣриными шкурами въ ихъ натуральномъ видѣ, они сшиваютъ ихъ, они дѣлаютъ изъ шерсти войлокъ; отъ валянія войлока уже не далеко до тканья; отъ иголки не далеко до веретена, а Манчестеръ составляется просто накопленіемъ десятковъ милліоновъ веретенъ съ удобною для нихъ обстановкою; въ работѣ якутскаго семейства надъ изготовленіемъ одежды лежитъ уже зародышъ Манчестера, какъ въ якутской землянкѣ зародышъ Лондона. Дѣло иного рода, насколько гдѣ развилось извѣстное явленіе; но явленія всѣхъ разрядовъ въ разныхъ степеняхъ развитія существуютъ у каждаго народа. Зародышъ одинъ и тотъ же; онъ развивается повсюду по однимъ и тѣмъ же законамъ, только обстановка у него въ разныхъ мѣстахъ различна, оттого различно и развитіе: берлинскій кислый виноградъ тотъ же самый виноградъ, какой растетъ въ Шампани и въ Венгріи; только климатъ разный, потому съ практической точки зрѣнія можно говорить, что берлинскій виноградъ, который ни на что не годится, вещь совершенно иного рода, чѣмъ виноградъ Токая или Эперне, изъ котораго дѣлаютъ дивныя вина; такъ, разница огромная, явная для всякаго, но согласитесь, что ученые люди поступаютъ справедливо, утверждая, что нѣтъ въ токайскомъ виноградѣ такихъ элементовъ, которыхъ не нашлось бы въ берлинскомъ винограде.

Намъ нужно обозрѣть всю область природы, чтобы дойти до человѣка; а до сихъ поръ мы говорили только о такъ называемой неорганической природѣ и о царствѣ растеній, еще ничего не сказавъ о царствѣ животныхъ. Въ наиболѣе развитыхъ формахъ своихъ животный организмъ чрезвычайно отличается отъ растенія; но читатель знаетъ, что млекопитающее и птица связаны съ растительнымъ царствомъ множествомъ переходныхъ формъ, по которымъ можно прослѣдить всѣ степени развитія такъ называемой животной жизни изъ растительной: есть растенія и животныя почти ничѣмъ не отличающіяся другъ отъ друга, такъ что трудно сказать, къ какому царству отнести ихъ. Если нѣкоторыя

животныя почти ничѣмъ не отличаются отъ растеній въ эпоху полнаго развитія своего организма, то въ первое время своего существованія всѣ животныя почти одинаковы съ растеніями въ первой порѣ ихъ роста: зародышемъ животнаго и растенія одинаково служитъ ячейка; ячейка, служащая зародышемъ животнаго, такъ похожа на ячейку, служащую зародышемъ растенія, что трудно и отличить ихъ. И такъ мы видимъ, что всѣ животные организмы начинаютъ съ того же самаго, съ чего начинаетъ растеніе, и только впослѣдствіи нѣкоторые животные организмы пріобрѣтаютъ видъ очень различный отъ растеній и въ очень высокой степени проявляютъ такія качества, которыя въ растеніи такъ слабы, что открываются только при помощи научныхъ пособій. Такъ, напримѣръ, и въ деревѣ есть зародышъ движенія: соки въ немъ движутся, какъ въ животныхъ; корни и вѣтви тянутся въ разныя стороны; правда, это перемѣщеніе происходитъ только въ частяхъ, а цѣлый организмъ растенія не перемѣняетъ мѣста; но и полипъ также не перемѣняетъ мѣста: полипякъ способностью перемѣщенія не превосходитъ дерево. Но есть даже и такія растенія, которыя перемѣняютъ свое мѣсто: сюда принадлежатъ нѣкоторые виды семейства Minosa.

Не надобно обижать никого; мы нанесли бы животнымъ обиду, если бы, замѣтивъ, что они не должны считать себя существами иной природы, чѣмъ растенія, понизивъ ихъ на степень только особенной формы той же жизни, какая видна въ растеніяхъ, не сказали нѣсколькихъ словъ и въ честь имъ. Дѣйствительно, научный анализъ открываетъ несправедливость голословныхъ фразъ, будто животныя вовсе лишены разныхъ почетныхъ качествъ, какъ, напримѣръ, нѣкоторой способности къ прогрессу. Обыкновенно говорятъ: животное всю жизнь остается тѣмъ, чѣмъ родилось, ничему не научается, нейдетъ впередъ въ умственномъ развитіи. Такое мнѣніе разрушается фактами извѣстными каждому: медвѣдя научаютъ плясать и выкидывать разныя штуки, собакъ подавать поноску и танцовать; слоновъ даже выучиваютъ ходить по канату, даже рыбъ пріучаютъ собираться въ данное мѣсто по звонку, — этого всего обученныя

животныя не дѣлали безъ ученья; ученье даетъ имъ качества, которыхъ безъ него не имѣли бы они. Не только человѣкъ учитъ животныхъ — сами животныя учатъ другъ друга; извѣстно, что хищныя животныя учатъ своихъ дѣтей ловить добычу; птицы учатъ своихъ дѣтей летать. Но, говорятъ намъ, это наученье, это развитіе имѣетъ извѣстный предѣлъ, дальше которыхъ нейдетъ животное, такъ что каждая порода неподвижна въ своемъ развитіи, которое относится только къ отдѣльнымъ членамъ ея; отдѣльное животное можетъ имѣть свою исторію, но порода остается безъ исторіи, понимая подъ исторіею прогрессивное движеніе. Это также не справедливо; на нашихъ глазахъ совершенствуются цѣлыя породы животныхъ: напримѣръ, улучшается порода лошадей или рогатаго скота въ извѣстной странѣ. Человѣкъ имѣетъ пользу отъ развитія однихъ только экономическихъ качествъ животнаго: отъ увеличенія силы у лошади, шерсти у овцы, молока и мяса у коровы и быка; потому мы и совершенствуемъ цѣлыя породы животныхъ только въ этихъ внѣшнихъ качествахъ. Но все таки изъ этого уже видно, что животныя доступны развитію не только индивидуумами, а цѣлыми породами. Этого одного факта было бы уже достаточно для несомнѣннаго заключенія о томъ, что и умственныя способности животныхъ каждой породы не стоятъ неподвижно на одной данной точкѣ, а также измѣняются: естественныя науки говорятъ, что причина производящая перемѣну въ мускулахъ, т. е. измѣненіе качествъ крови, непремѣнно производитъ нѣкоторую перемѣну и въ нервной системѣ; если при перемѣнѣ въ составѣ крови, питающей мускулы и нервы, измѣняется питаніе мускуловъ, то должно измѣниться и питаніе нервной системы; а при различіи въ питаніи непремѣнно измѣняются качества и дѣйствія питающейся части организма. Лошадь улучшенной породы непремѣнно должна имѣть впечатлѣнія нѣсколько иныя, чѣмъ простая лошадь: вы видите, что ея глазъ блещетъ болѣе живымъ огнемъ; это значитъ, что зрительный нервъ ея воспріимчивѣе, чувствительнѣе; если такъ измѣнился зрительный нервъ, то произошла нѣкоторая перемѣна и во всей

нервной системѣ. Это вовсе не гипотеза, это положительный фактъ, извѣстный, напримѣръ, изъ того, что жеребенокъ отъ домашней лошади, отъ благовоспитанной лошади, если можно такъ выразиться, гораздо скорѣе и легче пріучается ходить въ упряжи, чѣмъ жеребенокъ отъ табунной лошади, отъ дикой, невоспитанной лошади; это значитъ, что умственныя способности у одного болѣе развиты въ извѣстномъ отношеніи, чѣмъ у другаго. Но тутъ дѣло идетъ для цѣлей человѣка, а не для потребности самаго животнаго; это развитіе касается только низшихъ сторонъ умственной жизни, какъ всякое развитіе, налагаемое цѣлями постороннимъ самому развивающемуся. Гораздо яснѣе обнаруживается въ животныхъ способность къ прогрессу, когда они развиваются по собственной надобности, по собственному побужденію. Наши домашнія животныя, привыкшія къ своему рабству, развившись въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя нужны для ихъ господина, вообще поглупѣли отъ рабства. Они стали трусливы, ненаходчивы въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ. Но, выходя на свободу, они возвращаются къ находчивости и смѣлости вольнаго состоянія. Одичавшія лошади пріучаются защищаться отъ волковъ, пріучаются выбивать траву изъ подъ снѣга зимой. Дикія животныя вообще умѣютъ приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ: книги о нравахъ животныхъ наполнены разсказами о томъ, какъ умѣютъ принаровлять свою жизнь къ новой обстановкѣ осы, пауки и другія насѣкомыя, посаженныя подъ стеклянный колпакъ. Сначала насѣкомое пробуетъ поступать по прежнему; постепенныя неудачи показываютъ ему неудовлетворительность прежняго метода, оно пробуетъ новые методы, и если обстоятельства не губятъ его, оно наконецъ устроиваетъ свою жизнь по новому способу. Медвѣдь, нашедши боченокъ съ виномъ, умѣетъ наконецъ догадаться, какъ выбить дно. Мы не станемъ приводить безчисленныхъ отдѣльныхъ анекдотовъ о находчивости животныхъ и замѣтимъ только одинъ общій фактъ, относящійся къ цѣлымъ породамъ: при появленіи человѣка въ пустынной странѣ, птицы еще не умѣютъ остерегаться его; но постепенно опытъ научаетъ ихъ быть осторожными,

предусмотрительными относительно этого новаго врага, и всѣ породы дичи научаются обходиться съ охотникомъ умнѣе прежняго, избѣгать его, обманывать его.

Мы употребляли выраженіе „умственныя способности," говоря о животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя отрицать въ нихъ ни памяти, ни воображенія, ни мышленія. О памяти нечего и говорить: каждому извѣстно, что нѣтъ ни одного млекопитающаго, ни одной птицы безъ этой способности, и у нѣкоторыхъ породъ она развита очень сильно; памятливость собаки чрезвычайно велика: она узнаетъ человѣка, видѣннаго ею очень давно, умѣетъ находить дорогу въ хозяйскій домъ изъ очень отдаленнаго мѣста. Воображеніе непремѣнно должно существовать, если есть память, потому что оно только соединяетъ въ новыя группы разныя представленія, хранимыя памятью. Если существуетъ нервная дѣятельность, т. е. если происходитъ безпрерывная смѣна ощущеній и впечатлѣній, то прежнія представленія непремѣнно должны безпрестанно попадать въ сочетанія съ новыми, а этотъ феноменъ уже и есть то самое, что называется воображеніемъ. Положительнымъ образомъ существованіе фантазіи въ животномъ доказывается тѣмъ, что кошка видитъ сны: она во снѣ часто бываетъ похожа на лунатика: то сердится, то радуется. Впрочемъ, нѣтъ надобности слишкомъ дорожить этимъ частнымъ фактомъ, способностью кошки имѣть сновидѣнія: существованіе фантазіи у животныхъ обнаруживается другимъ гораздо болѣе общимъ фактомъ, расположеніемъ всѣхъ молодыхъ животныхъ забавляться посредствомъ игры надъ внѣшними предметами, которые не могли бы служить предметомъ такой игры, если бы не представлялись играющему животному чѣмъ-то въ родѣ куколъ. Молодая кошка забавляется какою нибудь щепочкою или кусочкомъ шерсти, какъ будто мышью; она бросаетъ клочекъ шерсти, чтобы онъ какъ будто бѣжалъ, сама принимаетъ подстерегающее положеніе, потомъ прыгаетъ и ловитъ воображаемую мышь, — это прямо игра въ куклы, только кукла тутъ имѣетъ роль не жениха и невѣсты, не барышни и служанки, а роль мышки: что дѣлать, каждое существо даетъ предметамъ такую роль, какая для него интересна.

Мышленіе состоитъ въ томъ, чтобы изъ разныхъ комбинацій, ощущеній и представленій, изготовляемыхъ воображеніемъ при помощи памяти, выбирать такія, которыя соотвѣтствуютъ потребности мыслящаго организма въ данную минуту, въ выборѣ средствъ для дѣйствія, въ выборѣ представленій, посредствомъ которыхъ можно было бы дойти до извѣстнаго результата. Въ этомъ состоитъ не только мышленіе о житейскихъ предметахъ, но и такъ называемое отвлеченное мышленіе. Возьмемъ въ примѣръ самое отвлеченное дѣло: рѣшеніе математической задачи. У Ньютона, заинтересованнаго вопросомъ о законѣ качества или силы, проявляющейся въ обращеніи небесныхъ тѣлъ, накопилось въ памяти очень много математическихъ формулъ и астрономическихъ данныхъ. Чувства его (главнымъ образомъ одно чувство — зрѣніе) безпрестанно пріобрѣтали новыя формулы и астрономическія данныя изъ чтенія и собственныхъ наблюденій; отъ сочетанія этихъ новыхъ впечатлѣній съ прежними возникали въ его головѣ разныя комбинаціи, формулы цифръ; его вниманіе останавливалось на тѣхъ, которыя казались подходящими къ его цѣли, соотвѣтствующими его потребности найти формулу даннаго явленія; отъ обращенія вниманія на эти комбинаціи, т. е. отъ усиленія энергіи въ нервномъ процессѣ при ихъ появленіи, онѣ развивались и разрастались, пока, наконецъ, разными смѣнами и превращеніями ихъ произведенъ былъ результатъ, къ которому стремился нервный процессъ, т. е. найдена была искомая формула. Это явленіе, т. е. сосредоточеніе нервнаго процесса на удовлетворяющихъ его желанію въ данную минуту комбинаціяхъ ощущеній и представленій, непремѣнно должно происходить, какъ скоро существуютъ комбинаціи ощущеній и представленій, иначе сказать, какъ скоро существуетъ нервный процессъ, который самъ и состоитъ именно въ рядѣ разныхъ комбинацій ощущенія и представленія. Каждое существо, каждое явленіе разрастается, усиливается при появленіи данныхъ, удовлетворяющихъ его потребности, прилѣпляется къ нимъ, питается ими, — а собственно въ этомъ и состоитъ то, что мы назвали выборомъ представленій и ощущеній

въ мышленіи, а въ этомъ выборѣ ихъ, въ прилѣпленіи къ нимъ и состоитъ сущность мышленія.

Само собою разумѣется, что когда мы находимъ одинаковость теоретической формулы, посредствомъ которой выражается процессъ, происходившій въ нервной системѣ Ньютона при открытіи закона тяготѣнія и процессъ того, что происходитъ въ нервной системѣ курицы, отыскивающей овсяныя зерна въ кучѣ сора и пыли, то не надобно забывать, что формула выражаетъ собою только одинаковую сущность процесса, а вовсе не то, чтобы размѣръ процесса былъ одинаковъ, чтобы одинаково было впечатлѣніе, производимое на людей явленіями этого процесса, или чтобы обѣ формы его могли производить одинаковый внѣшній результатъ. Мы говорили, напримѣръ, въ прошлой статьѣ, что хотя трава и дубъ растутъ по одному закону, изъ однихъ элементовъ, но все таки трава никакъ не можетъ производить такихъ дѣйствій, давать такихъ результатовъ, какъ дубъ: изъ дуба человѣкъ можетъ строить себѣ огромные домы и корабли, а изъ травы можно только маленькой птичкѣ свить свое гнѣздо; или, напримѣръ, въ кучѣ гнилушки происходитъ тотъ же самый процессъ, какъ въ печи громадной паровой машины; но куча гнилушки никого не перевезетъ изъ Москвы въ Петербургъ, а паровикъ съ своею печью перевозитъ тысячи людей и десятки тысячъ пудовъ товаровъ. Муха летаетъ тою же самою силою, по тому же самому закону, какъ орелъ; но, конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она взлетала такъ высоко, какъ орелъ.

Говорятъ, будто бы животныя не разсуждаютъ,— это чистый вздоръ. Вы поднимаете палку на собаку; собака поджимаетъ хвостъ и бѣжитъ отъ васъ; отчего это? Оттого, что у ней въ головѣ построился слѣдующій силлогизмъ: когда меня бьютъ палкою, мнѣ бываетъ непріятно; этотъ человѣкъ хочетъ побить меня палкою; итакъ, удалюсь отъ него, чтобы не получить болѣзненнаго ощущенія отъ его палки. Смѣшно и слышать, когда говорятъ, будто собака въ этомъ случаѣ убѣжала только по инстинкту, машинально, а не по разсужденію, не сознательно: нѣтъ, инстинктъ, маши-

нальность есть тутъ, но не все дѣло произошло инстинктивно, машинально: по инстинкту, по машинальной привычкѣ собака поджала хвостъ, когда побѣжала отъ васъ, а побѣжала она по сознательной мысли. Въ дѣйствіяхъ каждаго живаго существа есть сторона безсознательной привычки или безсознательнаго движенія органовъ; но это не мѣшаетъ участію сознательной мысли въ томъ дѣйствіи, которое сопровождается и нѣкоторыми движеніями, происходящими безсознательно. Когда человѣкъ испугается, мускулы его лица безсознательно, инстинктивно принимаютъ выраженіе испуга; но тѣмъ не менѣе происходитъ въ головѣ этого человѣка другая часть явленія, принадлежащая области сознанія: онъ сознаетъ, что онъ испуганъ, онъ сознаетъ, что сдѣлалъ движеніе, выражающее испугъ; отъ этой сознательной стороны факта происходятъ новыя послѣдствія: человѣкъ, можетъ быть, постыдится себя за то, что испугался, можетъ быть приметъ мѣры къ оборонѣ отъ испугавшаго предмета, а можетъ быть поспѣшитъ удалиться отъ него.

Но мы забыли: вѣдь, говорятъ, что у животныхъ нѣтъ сознанія, что они не сознаютъ своихъ ощущеній, своихъ мыслей, умозаключеній, а только имѣютъ ихъ. Какимъ образомъ понять это, какимъ образомъ могутъ понимать эти слова сами тѣ люди, которые говорятъ ихъ, всегда было для насъ загадкою. Не сознавать своего ощущенія — скажите, есть ли смыслъ въ этой фразѣ? скажите, какимъ образомъ можно составить себѣ отчетливое представленіе о комбинаціи понятій, которую хочетъ она возбудить? Ощущеніемъ вѣдь именно и называется такое явленіе, которое чувствуется; имѣть безсознательное ощущеніе значило бы имѣть нечувствуемое чувство, значило бы тоже самое, что видѣть невидимый предметъ или по знаменитому выраженію „слышать молчаніе“. Есть очень много выраженій совершенно безсмысленныхъ, составленныхъ изъ сочетанія словъ, соотвѣтствующихъ неклеящимся между собою понятіямъ; произносить ихъ каждый можетъ, но каждый, кто произноситъ ихъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что, или самъ не понимаетъ, что говоритъ, или хочетъ шарлатанить. Го-

ворятъ, напримѣръ, „невѣсомая жидкость“: но что такое жидкость, какая бы то ни была? Она все таки тѣло, все таки нѣчто матеріальное; всякое вещество имѣетъ свойство, называемое притяженіемъ или тяготѣніемъ, состоящее въ томъ, что каждая частичка матеріи притягиваетъ къ себѣ другія частицы и сама притягивается ими; на землѣ это свойство обнаруживается вѣсомъ, т. е. тяготѣніемъ къ центру земли; итакъ, всякая жидкость непремѣнно имѣетъ вѣсъ, а „невѣсомая жидкость,“ безсмысленное сочетаніе звуковъ въ родѣ выраженій синій звукъ, сахарная селитра и т. п. Если въ физикѣ такъ долго употреблялось безсмысленное выраженіе „невѣсомая жидкость,“ то не удивительно изобиліе подобныхъ выраженій въ психологіи, которая разработана меньше физики; научный анализъ показываетъ вздорность ихъ и одна изъ сторонъ развитія науки состоитъ въ томъ, чтобы отбрасывать ихъ.

Еще забавнѣе становится пустая гипотеза объ отсутствіи сознанія въ животныхъ, когда принимаетъ какой-то нелѣпо-возвышенный тонъ, подраздѣляя феноменъ сознанія на два разряда: простое сознаніе и самосознаніе, говоря, что животныя имѣютъ простое сознаніе, а самосознанія не имѣютъ. Тутъ дѣло доходитъ до такой мудрости, съ которою можетъ сравниться лишь слѣдующая дистинція: скрипка издаетъ только синій звукъ, а самоспяго звука издавать не можетъ, его издаетъ віолончель. Кто пойметъ этотъ тонкій выводъ о качествахъ звука скрипки и віолончеля, для того будетъ совершенно ясно, что ощущеніе въ животныхъ сопровождается сознаніемъ, но не сопровождается самосознаніемъ, иначе сказать, что животныя имѣютъ ощущеніе о внѣшнихъ предметахъ, но не чувствуютъ, что имѣютъ ощущеніе, иначе сказать, имѣютъ чувства, которыхъ не чувствуютъ. Послѣ этого слѣдуетъ заключить: вѣроятно, животныя ѣдятъ зубами, которыми не ѣдятъ, ходятъ ногами, которыми не ходятъ. Теперь для насъ очевидно существованіе птичьяго молока: птицы имѣютъ молоко, котораго не имѣютъ; такъ какъ онѣ его имѣютъ, то оно существуетъ, а такъ какъ онѣ его не имѣютъ, то простонародная поговорка справедливо полагаетъ, что

достать его нигдѣ нельзя. Кто убѣжденъ въ справедливости всѣхъ этихъ столь основательныхъ мнѣній, тому остается только просидѣть Иванову ночь надъ папоротникомъ и онъ получитъ цвѣтокъ невидимку.

Прикоснемся точнымъ анализомъ къ факту ощущенія и вся фантасмагорія изчезаетъ отъ перваго прикосновенія. Ощущеніе по самой натурѣ своей непремѣнно предполагаетъ существованіе двухъ элементовъ мысли, связанныхъ въ одну мысль: во-первыхъ, тутъ есть внѣшній предметъ, производящій ощущеніе, во-вторыхъ, существо, чувствующее, что въ немъ происходитъ ощущеніе; чувствуя свое ощущеніе, оно чувствуетъ извѣстное свое состояніе; а когда чувствуется состояніе какого нибудь предмета, то, разумѣется, чувствуется и самый предметъ. Напримѣръ, я чувствую боль въ лѣвой рукѣ; вмѣстѣ съ этимъ я чувствую и то, что у меня есть правая рука; вмѣстѣ съ этимъ я чувствую, что существую я, часть котораго составляетъ эта лѣвая рука, и по всей вѣроятности чувствую также, что эта рука болитъ у меня; или я не чувствую, что она болитъ у меня? или, когда я чувствую боль въ рукѣ, то я чувствую, что рука болитъ не у меня, а у какого нибудь китайца въ Кантонѣ? Не смѣшно ли разсуждать о подобныхъ вещахъ, разсуждать о томъ, солнце ли есть солнце, рука ли есть рука, и о тому подобныхъ мудреныхъ задачахъ?

Чѣмъ отличается Ротшильдъ отъ бѣдняка? тѣмъ ли, что двугривенный въ карманѣ бѣдняка естъ простое серебро, а груды серебрянной монеты, лежащія въ подвалахъ Ротшильда, вычеканены изъ самосеребра. которое гораздо лучше серебра? Если бы Ротшильдъ былъ человѣкъ не богатый, а только тщеславный, онъ могъ бы придумывать подобные вздоры въ доказательство своего превосходства надъ бѣднякомъ. Но, какъ человѣкъ дѣйствительно богатый, онъ не имѣетъ надобности въ такихъ вздорныхъ фантазіяхъ и прямо говоритъ бѣдняку: мое серебро точно такое же какъ ваше; но у васъ его одинъ золотникъ, а у меня много тысячъ пудовъ, потому-то, измѣряя богатствомъ право на уваженіе, я нахожу себя заслуживающимъ гораздо большаго уваженія, чѣмъ вы.

Говорятъ также, будто бы у животныхъ нѣтъ тѣхъ чувствъ, которыя называются возвышенными, безкорыстными, идеальными. Надобно ли замѣчать совершенную несообразность такого мнѣнія съ общеизвѣстными фактами? Привязанность собаки вошла въ пословицу; лошадь проникнута честолюбіемъ до того, что когда разгорячится, обгоняя другую лошадь, то уже не нуждается въ хлыстѣ и шпорахъ, а только въ удилахъ: она готова надорвать себя, бѣжать до того, чтобы упасть за-мертво, лишь бы обогнать соперницу. Намъ говорятъ, будто бы животныя знаютъ только кровное родство, а не знаютъ родства, основаннаго на возвышенномъ чувствѣ благорасположенія. Но насѣдка, высидѣвшая цыплятъ изъ яицъ снесенныхъ другою курицею, не имѣетъ съ этими цыплятами никакого кровнаго родства; ни одна частичка изъ ея организма не находится въ составѣ организма этихъ цыплятъ. Однако же мы видимъ, что въ заботливости курицы о цыплятахъ не бываетъ никакого различія отъ того обстоятельства, свои или чужія яйца высидѣла насѣдка. На чемъ же основана ея заботливость о цыплятахъ, высиженныхъ ею изъ яицъ другой курицы? На томъ фактѣ, что она высидѣла ихъ, на томъ фактѣ, что она помогаетъ имъ дѣлаться курами и пѣтухами, хорошими, здоровыми пѣтухами и курами. Она любитъ ихъ, какъ нянька, какъ гувернантка, воспитательница, благодѣтельница ихъ, Она любитъ ихъ потому, что положила въ нихъ часть своего нравственнаго существа — не матеріальнаго существа, нѣтъ, въ нихъ нѣтъ ни частички ея крови,—нѣтъ, въ нихъ она любитъ результаты своей заботливости, своей доброты, своего благоразумія, своей опытности въ куриныхъ дѣлахъ; это отношеніе чисто нравственное.

Вообще замѣчаютъ, что дѣти, достигшіе совершенно-лѣтія, гораздо менѣе привязаны къ родителямъ, чѣмъ родители къ дѣтямъ. Главное основаніе этого факта открыть очень легко: человѣкъ любитъ прежде всего самъ себя. Родители видятъ въ дѣтяхъ результатъ своихъ заботъ о нихъ, а дѣти ничѣмъ не участвовали въ воспитаніи родителей, не могутъ видѣть въ нихъ результатъ своей дѣятельности. При нынѣшнемъ устрой-

ствѣ общества нравственныя отношенія совершеннолѣтнихъ дѣтей къ родителямъ состоятъ почти только въ томъ, чтобы содержать ихъ на старости, да и эту обязанность исполняли бы очень не многіе дѣти по собственному влеченію, если бы не принуждались къ ея исполненію тѣмъ чувствомъ повиновенія общественному мнѣнію, которое принуждаетъ ихъ вообще не держать себя неприличнымъ образомъ, не возбуждать своими дѣйствіями общаго негодованія. Въ тѣхъ породахъ животныхъ, которыя не составляютъ обществъ, конечно, нѣтъ и общественныхъ отношеній, вынуждающихъ исполненіе подобнаго дѣла. Мы не знаемъ, какъ проводятъ свое дряхлое время жаворонки, ласточки, кроты и лисицы. Ихъ жизнь такъ необезпечена, что по всей вѣроятности очень не многіе изъ этихъ животныхъ доживаютъ до дряхлости: вѣроятно, они скоро дѣлаются добычею другихъ животныхъ, когда ослабѣваетъ въ нихъ сила улетать, убѣгать или защищаться. Говорятъ, что едва ли хотя одна рыба умираетъ естественной смертью, не бываетъ пожрана другими рыбами. Тоже надобно думать о большей части дикихъ птицъ и млекопитающихъ. Тѣ не многіе индивидуумы, которые доживаютъ до дряхлости, вѣроятно умираютъ отъ голода нѣсколькими часами или днями раньше, чѣмъ могли бы умереть, имѣя подлѣ себя пищу. Но изъ этого забвенія ихъ дѣтей о дряхлыхъ отцахъ и матеряхъ не будемъ выводить слишкомъ рѣзкаго сужденія объ отсутствіи дѣтской привязанности между животными: мы тутъ обязаны быть снисходительными, потому что наше сужденіе объ этомъ предметѣ почти вполнѣ примѣнилось бы и къ людямъ.

Когда говоришь безъ всякаго плана, самъ не отгадаешь, куда приведетъ тебя рѣчь. Вотъ мы видимъ теперь, что договорились до нравственныхъ или возвышенныхъ чувствъ. По вопросу объ этихъ чувствахъ практическіе выводы изъ обыкновеннаго житейскаго опыта совершенно противорѣчили старинымъ гипотезамъ, приписывавшимъ человѣку множество разныхъ безкорыстныхъ стремленій. Люди видѣли по опыту, что каждый человѣкъ думаетъ все только о себѣ самомъ, заботится о своихъ выгодахъ больше, нежели о чужихъ, почти всегда приноситъ

выгоды, честь и жизнь другихъ въ жертву своему расчету, словомъ сказать, каждый изъ людей видѣлъ, что всѣ люди эгоисты. Въ практическихъ дѣлахъ всѣ разсудительные люди всегда руководились убѣжденіемъ, что эгоизмъ — единственное побужденіе, управляющее дѣйствіями каждаго, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло. Если бы это мнѣніе, ежедневно подтверждаемое опытомъ каждаго изъ насъ, не имѣло противъ себя довольно большаго числа другихъ житейскихъ фактовъ, оно, конечно, скоро одержало бы верхъ и въ теоріи надъ гипотезами, утверждавшими, что эгоизмъ есть только испорченность сердца, а неиспорченный человѣкъ руководится побужденіями противоположными эгоизму: думаетъ о благѣ другихъ; а не о своемъ, готовъ жертвовать собою для другихъ и т. д. Но вотъ именно въ томъ и состояло затрудненіе, что гипотеза о безкорыстномъ стремленіи человѣка служить чужому благу, опровергаемая сотнями ежедневныхъ опытовъ каждаго, по видимому подтверждалась довольно многочисленными фактами безкорыстія, самопожертвованія и т. д.: тамъ Курцій бросается въ пропасть, чтобы спасти родной городъ, тутъ Эмпедоклъ бросается въ кратеръ, чтобы сдѣлать ученое открытіе, тутъ Дамонъ спѣшитъ на казнь, чтобы спасти Пиѳіаса, тутъ поражаетъ себя кинжаломъ Лукреція, чтобы возстановить свою честь. До недавняго времени не было научныхъ средствъ точнымъ образомъ вывести оба эти разряда явленій изъ одного принципа, подвести подъ одинъ законъ факты противоположные между собою. Камень падаетъ на землю, паръ летитъ вверхъ, и въ старину думали, что законъ тяжести, дѣйствующій въ камнѣ, не дѣйствуетъ надъ паромъ. Теперь извѣстно, что оба эти движенія, происходящія по противоположнымъ направленіямъ, паденіе камня на землю и поднятіе пара вверхъ отъ земли, происходятъ отъ одной причины, по одному закону. Теперь извѣстно, что сила притяженія, вообще стремящая тѣла внизъ, обнаруживается при извѣстныхъ обстоятельствахъ тѣмъ, что заставляетъ нѣкоторыя тѣла подниматься вверхъ. Много разъ мы говорили, что нравственныя науки еще не разработаны съ такой полнотою, какъ естественныя; но и при нынѣшнемъ, вовсе не бли-

стательномъ ихъ состояніи, уже разрѣшенъ вопросъ о подведеніи всѣхъ часто разнорѣчащихъ между собою человѣческихъ поступковъ и чувствъ подъ одинъ принципъ, какъ разрѣшены вообще почти всѣ тѣ нравственные и метафизическіе вопросы, въ которыхъ путались люди до начала разработки нравственныхъ наукъ и метафизики по строгому научному методу. Въ побужденіяхъ человѣка, какъ и во всѣхъ сторонахъ его жизни, нѣтъ двухъ различныхъ натуръ, двухъ основныхъ законовъ, различныхъ или противоположныхъ между собою, а все разнообразіе явленій въ сферѣ человѣческихъ побужденій къ дѣйствованію, какъ и во всей человѣческой жизни, происходитъ изъ одной и той же натуры, по одному и тому же закону.

Мы не станемъ говорить о тѣхъ дѣйствіяхъ и чувствахъ, которые всѣми признаются за эгоистическія, своекорыстныя, происходящія изъ личнаго разсчета; обратимъ вниманіе только на тѣ чувства и поступки, которые представляются имѣющими противоположный характеръ: вообще надобно бываетъ только всмотрѣться попристальнѣе въ поступокъ или чувство, представляющіяся безкорыстными, и мы увидимъ, что въ основѣ ихъ все таки лежитъ таже мысль о собственной личной пользѣ, личномъ удовольствіи, личномъ благѣ, лежитъ чувство, называемое эгоизмомъ. Очень мало найдется случаевъ, когда эта основа не напрашивалась бы сама на замѣчаніе даже человѣку не очень привычному къ психологическому анализу. Если мужъ и жена жили между собою хорошо, жена совершенно искренно и очень глубоко печалится о смерти мужа, но только вслушайтесь въ слова, которыми выражается ея печаль: „на кого ты меня покинулъ? что я буду безъ тебя дѣлать? Безъ тебя тошно жить на свѣтѣ!“ Подчеркните эти слова „меня, я, мнѣ“: въ нихъ смыслъ жалобы, въ нихъ основа печали. Возьмемъ чувство еще гораздо высшее, чистѣйшее, чѣмъ самая высокая супружеская любовь: чувство матери къ ребенку. Ея плачъ о смерти точно таковъ же: „ангелъ мой! Какъ я тебя любила! Какъ я любовалась на тебя, ухаживала за тобою! Сколькихъ страданій, сколькихъ безсонныхъ ночей ты стоилъ

мнѣ! Погибла въ тебѣ моя надежда, отнята у меня всякая радость?“ и тутъ опять все тоже „я, мое, у меня.“ Столь же легко открывается эгоистическая основа въ самой искренней и нѣжной дружбѣ. Не многимъ затруднительнѣе тѣ случаи, въ которыхъ человѣкъ приноситъ жертву для любимаго предмета: хотя бы онъ жертвовалъ для него самою жизнью, все таки основаніемъ пожертвованія служитъ личный разсчетъ, или страстный порывъ эгоизма. О большей части случаевъ такъ называемаго самопожертвованія не стоитъ говорить, какъ о самопожертвованіи: имъ неприлично это имя. Жители Сагунта перерѣзались, чтобы не отдаться живыми въ руки Аннибала, — геройство достойное удивленія, но совершенно одобряемое эгоистическимъ разсчетомъ: они привыкли жить свободными гражданами, не терпѣть никакихъ обидъ, уважать себя и видѣть уваженіе отъ другихъ; карѳагенскій полководецъ продалъ бы ихъ въ рабство, ихъ жизнь была бы рядомъ несноснѣйшихъ мученій; они поступили въ томъ же родѣ, какъ дѣлаетъ человѣкъ, вырывающій у себя больной зубъ: они предпочли одну минуту страшной смертельной муки нескончаемымъ годамъ мученій; въ средніе вѣка еретики, сожигаемые медленнымъ огнемъ на кострахъ изъ сыраго лѣса, старались разорвать свои цѣпи, чтобы броситься въ пламя: легче задохнуться въ одну минуту, чѣмъ терпѣть задушеніе нѣсколько часовъ. Дѣйствительно, таково было положеніе жителей Сагунта. Мы напрасно предположили, что Аннибалъ удовольствовался бы обращеніемъ ихъ въ рабство: они все равно были бы истреблены если не своими, то карѳагенскими руками, но Карѳагеняне стали бы долго мучить ихъ варварскими пытками, и здравый разсчетъ ихъ справедливо предпочелъ легкую и быструю смерть медленной и тяжелой. Лукрепія закололась, когда ее осквернилъ Секстъ Тарквиній; она также поступила очень разсчетливо; что ожидало ее впереди? Мужъ могъ бы наговорить ей много успокоительныхъ и ласковыхъ словъ, но вѣдь всѣ подобныя слова чистый вздоръ, свидѣтельствующій о благородствѣ говорящаго ихъ, но нисколько не измѣняющій непремѣнныхъ послѣдствій дѣла. Коллатинъ

могъ сказать женѣ: я считаю тебя чистой и люблю тебя по прежнему: но при тогдашнихъ понятіяхъ, слишкомъ мало измѣнившихся до сихъ поръ, онъ не въ силахъ былъ оправдать своихъ словъ дѣломъ: волею или неволею, но онъ уже потерялъ очень значительную часть прежняго уваженія, прежней любви къ женѣ; онъ могъ прикрывать эту потерю преднамѣреннымъ увеличеніемъ нѣжности въ обращеніи съ нею; но такого рода нѣжность обиднѣе холодности, горьче побоевъ и ругательствъ. Лукреція справедливо нашла, что лишиться жизни составляетъ гораздо меньшую непріятность, чѣмъ жить въ положеніи унизительномъ по сравненію съ тѣмъ, къ какому она привыкла. Чистоплотный человѣкъ охотнѣе будетъ терпѣть голодъ, чѣмъ прикоснется къ пищѣ оскверненной какою нибудь гадостью; для человѣка, привыкшаго уважать себя, смерть гораздо легче униженія.

Читатель понимаетъ, что мы говоримъ все это вовсе не къ уменьшенію великой похвалы, какой достойны жители Сагунта и Лукреція: доказывать, что геройскій поступокъ былъ вмѣстѣ умнымъ поступкомъ, что благородное дѣло не было безразсуднымъ дѣломъ, вовсе еще не значитъ, по нашему мнѣнію, отнимать цѣну у геройства и благородства. Отъ этихъ геройскихъ дѣлъ перейдемъ къ образу дѣйствій болѣе обыкновенному, хотя все еще слишкомъ рѣдкому, разберемъ такіе случаи, какъ преданность человѣка, отказывающагося отъ всякихъ удовольствій, отъ всякой свободы въ распоряженіи своимъ временемъ для того, чтобы ухаживать за другимъ человѣкомъ, нуждающимся въ его заботливости. Другъ, проводящій цѣлыя недѣли у постели больнаго друга, дѣлаетъ пожертвованіе гораздо болѣе тяжелое, чѣмъ если бы отдавалъ ему всѣ свои деньги. Но почему онъ приноситъ такую великую жертву, и въ пользу какого чувства онъ приноситъ ее? Онъ приноситъ свое время, свою свободу въ жертву своему чувству дружбы, — замѣтимъ же, *своему* чувству; оно развилось въ немъ такъ сильно, что, удовлетворяя его, онъ получаетъ бо́льшую пріятность, чѣмъ получилъ бы отъ всякихъ другихъ удовольствій и отъ самой свободы; а нарушая его, оставляя безъ удовлетворенія, чувствовалъ бы больше

непріятности, чѣмъ сколько получаетъ отъ стѣсненія себя во всѣхъ другихъ потребностяхъ. Точно таковы же случаи, когда человѣкъ отказывается отъ всякихъ наслажденій и выгодъ для служенія наукѣ или какому нибудь убѣжденію. Ньютонъ и Лейбницъ, отказавшіе себѣ во всякой любви къ женщинѣ, чтобы нераздѣльно отдать все свое время, всѣ свои мысли ученымъ изслѣдованіямъ, конечно совершали всю свою жизнь очень высокій подвигъ. Точно тоже надобно сказать о политическихъ дѣятеляхъ, называемыхъ обыкновенно фанатиками. Тутъ опять мы видимъ, что извѣстная потребность развилась въ человѣкѣ такъ сильно, что удовлетворять ей пріятно для него даже съ пожертвованіемъ другими очень сильными потребностями. По своему предмету эти случаи очень рѣзко отличаются отъ тѣхъ фактовъ разсчета, въ которыхъ человѣкъ жертвуетъ очень большою суммою денегъ для удовлетворенія какой нибудь низкой страсти, но по теоретической формулѣ всѣ они подходятъ подъ одинъ законъ: сильнѣйшая страсть беретъ верхъ надъ влеченіями менѣе сильными и приноситъ ихъ въ жертву себѣ.

При внимательномъ изслѣдованіи побужденій, руководящихъ людьми, оказывается, что всѣ дѣла, хорошія и дурныя, благородныя и низкія, геройскія и малодушныя, происходятъ во всѣхъ людяхъ изъ одного источника: человѣкъ поступаетъ такъ, какъ пріятнѣе ему поступать, руководится разсчетомъ, велящимъ отказываться отъ меньшей выгоды или меньшаго удовольствія для полученія бо́льшей выгоды, бо́льшаго удовольствія. Конечно, этою одинаковостью причины, изъ которой происходятъ дурныя и хорошія дѣла, вовсе не уменьшается разница между ними: мы знаемъ, что алмазъ и уголь— все одинъ и тотъ же чистый углеродъ, но тѣмъ не менѣе алмазъ есть алмазъ, вещь чрезвычайно драгоцѣнная, а уголь все таки уголь, вещь очень малоцѣнная. Великая разница между добрымъ и злымъ заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Мы начнемъ съ анализа этихъ понятій, чтобы увидѣть, какими обстоятельствами развивается или ослабляется добро въ человѣческой жизни.

Очень давно было замѣчено, что различные люди въ

одномъ обществѣ, называютъ добрымъ, хорошимъ, вещи совершенно различныя, даже противоположныя. Если, напримѣръ, кто нибудь отказываетъ свое наслѣдство постороннимъ людямъ, эти люди находятъ его поступокъ добрымъ, а родственники, потерявшіе наслѣдство, очень дурнымъ. Такая же разница между понятіями о добрѣ въ разныхъ обществахъ и въ разныя эпохи въ одномъ обществѣ. Изъ этого очень долго выводилось заключеніе, что понятіе добра не имѣетъ въ себѣ ничего постояннаго, самостоятельнаго, подлежащаго общему опредѣленію, а есть понятіе чисто условное, зависящее отъ мнѣній, отъ произвола людей. Но точнѣе всматриваясь въ отношенія поступковъ, называемыхъ добрыми, къ тѣмъ людямъ, которые даютъ имъ такое названіе, мы находимъ, что всегда есть въ этомъ отношеніи одна общая, непремѣнная черта, отъ которой и происходитъ причисленіе поступка къ разряду добрыхъ. Почему посторонніе люди, получившіе наслѣдство, называютъ добрымъ дѣломъ актъ, давшій имъ это имущество? Потому, что этотъ актъ былъ для нихъ полезенъ. Напротивъ, онъ былъ вреденъ родственникамъ завѣщателя, лишеннымъ наслѣдства, потому они называютъ его дурнымъ дѣломъ. Война противъ невѣрныхъ для распространенія мусульманства казалось добрымъ дѣломъ для магометанъ, потому что приносила имъ пользу, давала имъ добычу; въ особенности поддерживали между ними это мнѣніе духовные сановники, власть которыхъ расширялась отъ завоеваній. Отдѣльный человѣкъ называетъ добрыми поступками тѣ дѣла другихъ людей, которыя полезны для него; въ мнѣніи общества добромъ признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членовъ; наконецъ, люди вообще безъ различія націй и сословій называютъ добромъ то, что полезно для человѣка вообще. Очень часты случаи, въ которыхъ интересы разныхъ націй и сословій противоположны между собою или съ общими человѣческими интересами; столь же часты случаи, въ которыхъ выгоды какого нибудь отдѣльнаго сословія противоположны національному интересу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возникаетъ споръ о характерѣ поступка, учреж-

денія или отношенія, выгоднаго для однихъ, вреднаго для другихъ интересовъ: приверженцы той стороны, для которой онъ вреденъ, называютъ его дурнымъ, злымъ; защитники интересовъ, получающихъ отъ него пользу, называютъ его хорошимъ, добрымъ. На чьей сторонѣ бываетъ въ такихъ случаяхъ теоретическая справедливость, рѣшить очень не трудно: общечеловѣческій интересъ стоитъ выше выгодъ отдѣльной націи, общій интересъ цѣлой націи стоитъ выше выгодъ отдѣльнаго сословія, интересъ многочисленнаго сословія выше выгодъ малочисленнаго. Въ теоріи эта градація не подлежитъ никакому сомнѣнію, она составляетъ только примѣненіе геометрическихъ аксіомъ, „цѣлое больше своей части," „большее количество больше меньшаго количества" къ общественнымъ вопросамъ. Теоретическая ложь непремѣнно ведетъ къ практическому вреду; тѣ случаи, въ которыхъ отдѣльная нація попираетъ для своей выгоды общечеловѣческіе интересы, или отдѣльное сословіе интересы цѣлой націи, всегда оказываются въ результатѣ вредными не только для стороны, интересы которой были нарушены, но и для той стороны, которая думала доставить себѣ выгоду ихъ нарушеніемъ: всегда оказывается, что нація губитъ сама себя, порабощая человѣчество, что отдѣльное сословіе приводитъ себя къ дурному концу, принося въ жертву себѣ цѣлый народъ. Изъ этого мы видимъ, что при столкновеніяхъ національнаго интереса съ сословнымъ, сословіе, думающее извлечь пользу себѣ изъ народнаго вреда, съ самаго начала ошибается, ослѣпляется фальшивымъ разсчетомъ. Иллюзія, которою оно увлекается, имѣетъ иногда видъ очень основательнаго разсчета; но мы приведемъ два или три случая этого рода, чтобы показать, какъ ошибоченъ бываетъ такой разсчетъ. Мануфактуристы думаютъ, что запретительный тарифъ выгоденъ для нихъ; но въ результатѣ оказывается, что при запретительномъ тарифѣ нація остается бѣдна и по своей бѣдности не можетъ содержать мануфактурную промышленность обширнаго размѣра; такимъ образомъ самое сословіе мануфактуристовъ остается далеко не столь богато, какъ бываетъ при свободной торговлѣ:

всѣ фабриканты всѣхъ государствъ съ запретительнымъ тарифомъ, вмѣстѣ взятые, конечно, не имѣютъ и половины того богатства, какое пріобрѣли фабриканты Манчестера. Землевладѣльцы вообще думаютъ имѣть выгоду отъ невольничества, и другихъ видовъ обязательнаго труда; но въ результатѣ оказывается, что землевладѣльческое сословіе всѣхъ государствъ, имѣющихъ несвободный трудъ, находится въ разоренномъ положеніи. Мы привели такіе случаи, въ которыхъ разсчетъ отдѣльнаго сословія вредитъ для своей выгоды общему національному интересу имѣетъ по видимому чрезвычайно твердое основаніе; но и тутъ результатъ показываетъ, что основаніе только казалось твердымъ, а въ сущности было невѣрно, что сословіе, вредившее народу, само обманывалось относительно своихъ выгодъ. Это не можетъ и быть иначе: французскій или австрійскій мануфактуристъ все таки французъ или житель Австріи, и все то, что вредно для государства, къ которому онъ принадлежитъ, сила котораго служитъ опорою его силы, богатство котораго служитъ опорою его богатства, — все это послужитъ во вредъ и ему самому, изсушая источники его силы и богатства. Точно тоже надобно сказать о случаяхъ противоположности между интересами отдѣльной націи и общимъ человѣческимъ благомъ: и тутъ всегда оказывается, что совершенно ошибоченъ былъ разсчетъ націи, думавшей извлечь себѣ пользу изъ нанесенія вреда человѣчеству. Завоевательные народы всегда кончали тѣмъ, что истреблялись и порабощались сами. Монголы Чингисхана жили въ своихъ степяхъ такими бѣдными дикарями, что по видимому трудно было имъ прійти въ положеніе худшее прежняго; но какъ ни дурно было состояніе дикихъ ордъ, пошедшихъ на завоеваніе земледѣльческихъ государствъ южной и западной Азіи и восточной Европы, а все таки вскорѣ по совершеніи завоеванія эти несчастные люди, надѣлавшіе столько вреда другимъ для своего обогащенія подверглись судьбѣ болѣе плачевной, чѣмъ даже та жалкая жизнь, которую продолжали вести ихъ соотечественники, оставшіеся въ своихъ родныхъ степяхъ. Мы знаемъ, чѣмъ кончили татары золотой орды: ко-

нечно, цѣлая половина ихъ погибла при завоеваніи Россіи и при неудачныхъ нашествіяхъ на Литву и Моравію; остальная половина, сначала награбившая себѣ много добычи, скоро была истреблена оправившимися русскими. Ученые доказываютъ, что изъ нынѣшнихъ крымскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ татаръ едва ли есть хоть одинъ человѣкъ, происходящій отъ воиновъ Батыя, что нынѣшніе татары, потомки прежнихъ племенъ, жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ до Батыя и покоренныхъ Батыемъ, какъ были покорены русскіе; и что пришельцы-завоеватели всѣ изчезли, всѣ были истреблены ожесточеніемъ порабощенныхъ. Германцы при Тацитѣ жили немногимъ лучше монголовъ до Чингисхана; но и они мало выиграли отъ завоеванія римской имперіи. Остъ-готы, лонгобарды, герулы, вандалы — всѣ погибли до послѣдняго человѣка. Отъ вестъ-готовъ осталось имя, но только имя; франковъ не успѣли перерѣзать порабощенныя ими племена только потому, что франки перерѣзались сами при Меровингахъ. Испанцы, опустошивъ Европу при Карлѣ V и Филиппѣ II, сами раззорились, впали въ рабство и наполовину вымерли отъ голода. Французы, опустошивъ Европу при Наполеонѣ I, сами подверглись завоеванію и раззоренію въ 1814 и 1815 годахъ.

Все это мы говорили къ тому, чтобы *показать*, что понятіе добра вовсе не расшатывается, а напротивъ укрѣпляется, опредѣляется самымъ рѣзкимъ и точнымъ образомъ, когда мы открываемъ его истинную натуру, когда мы находимъ, что добро есть польза. Только при этомъ понятіи о немъ мы въ состояніи разрѣшить всѣ затрудненія, возникающія изъ разнорѣчія разныхъ эпохъ и цивилизацій, разныхъ сословій и народовъ о томъ, что̀ добро, что̀ зло. Наука говоритъ о народѣ, а не объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, о человѣкѣ, а не о французѣ или англичанинѣ, не купцѣ или бюрократѣ. Только то, что̀ составляетъ натуру человѣка, признается въ наукѣ за истину; только то, что̀ полезно для человѣка вообще, признается за истинное добро; всякое уклоненіе понятій извѣстнаго народа или сословія отъ этой нормы составляетъ ошибку, галлюцинацію, которая можетъ надѣлать много вреда другимъ людямъ, но больше всѣхъ

надѣлаетъ вреда тому народу, тому сословію, которое подверглось ей, занявъ по своей или чужой винѣ такое положеніе среди другихъ народовъ, среди другихъ сословій, что стало казаться выгоднымъ ему то, что̀ вредно для человѣка вообще. „Погибоша аки Обре“ — эти слова повторяетъ исторія надъ каждымъ народомъ, надъ каждымъ сословіемъ, впавшимъ въ гибельную для такихъ людей галлюцинацію о противоположности своихъ выгодъ съ общечеловѣческимъ интересомъ.

Если есть какая нибудь разница между добромъ и пользою, она заключается развѣ лишь въ томъ, что понятіе добра очень сильнымъ образомъ выставляетъ черту постоянства, прочности, плодотворности, изобилія хорошими, долговременными и многочисленными результатами, которая, впрочемъ, находится и въ понятіи пользы, именно этою чертою отличающемся отъ понятій удовольствія, наслажденія. Цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій состоитъ въ полученіи наслажденій. Но источники, изъ которыхъ получаются нами наслажденія, бываютъ двухъ родовъ: къ одному роду принадлежатъ мимолетныя обстоятельства, не зависящія отъ насъ, или, если и зависящія, то проходящія безъ всякаго прочнаго результата; къ другому роду относятся факты и состоянія, находящіеся въ насъ самихъ прочнымъ образомъ или внѣ насъ, но постоянно при насъ долгое время. День хорошей погоды въ Петербургѣ — источникъ безчисленныхъ облегченій въ жизни, безчисленныхъ пріятныхъ ощущеній для жителей Петербурга; но̀ этотъ день хорошей погоды — явленіе мимолетное, лишенное всякаго основанія и не оставляющее никакого прочнаго результата въ жизни петербургскаго населенія. Нельзя сказать, чтобы этотъ день составлялъ пользу, онъ составляетъ только удовольствіе. Полезнымъ явленіемъ бываетъ хорошая погода въ Петербургѣ только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ и только для тѣхъ немногихъ людей, когда она довольно продолжительна и когда, благодаря этой продолжительности, успѣетъ прочнымъ образомъ поправиться здоровье нѣсколькихъ больныхъ. Но тотъ, кто переселяется изъ Петербурга въ хорошій климатъ, получаетъ себѣ пользу въ отношеніи здоровья, въ

отношеніи наслажденія природой, потому что этимъ переселеніемъ онъ пріобрѣтаетъ себѣ прочный источникъ долговременныхъ наслажденій. Если человѣкъ получилъ приглашеніе на хорошій обѣдъ, онъ получаетъ только удовольствіе, а не пользу въ этомъ приглашеніи (разумѣется, и удовольствіе только въ томъ случаѣ, когда онъ находитъ наслажденіе въ гастрономіи). Но если этотъ человѣкъ, имѣющій гастрономическія наклонности, получаетъ большую сумму денегъ, онъ получаетъ пользу, то есть долговременную возможность пользоваться наслажденіемъ хорошихъ обѣдовъ. Итакъ полезными вещами называются, такъ сказать, прочные принципы наслажденій. Если бы при употребленіи слова „польза“ всегда твердо помнилась эта коренная черта понятія, не было бы рѣшительно никакой разницы между пользою и добромъ; но, во-первыхъ, слово „польза“ употребляется иногда легкомысленнымъ, такъ сказать, образомъ о принципахъ удовольствія, правда не совершенно мимолетныхъ, но и не очень прочныхъ, а во-вторыхъ, можно эти прочные принципы наслажденій раздѣлить по степени ихъ прочности опять на два разряда: не очень прочные и очень прочные. Этотъ послѣдній разрядъ собственно и обозначается названіемъ добра. Добро, это какъ будто превосходная степень пользы, это какъ будто очень полезная польза. Докторъ возстановилъ здоровье человѣка, страдавшаго хроническою болѣзнью,—что онъ принесъ ему, добро или пользу? Одинаково удобно тутъ употребить оба слова, потому что онъ далъ ему самый прочный принципъ наслажденій. Наша мысль находится въ настроеніи безпрестанно вспоминать о внѣшней природѣ, которая будто бы одна подлежитъ вѣдомству естественныхъ наукъ, составляющихъ будто бы только одну часть нашихъ знаній, а не обнимающихъ собою всей ихъ совокупности. Кромѣ того, мы замѣтили, что эти статьи свидѣтельствуютъ о чрезвычайной сухости нашего сердца, о пошлости и низости нашей души, во всемъ ищущей только пользы, все оскверняющей отыскиваніемъ матеріальныхъ основаній, непонимающей ничего высокаго, лишенной всякаго поэтическаго чувства. Намъ хочется замаскировать этотъ постыдный недостатокъ поэтично-

сти въ нашей душѣ. Мы ищемъ чего нибудь поэтическаго для украшенія нашей статьи; подъ вліяніемъ мысли о важности естественныхъ наукъ, отправляемся искать поэзіи въ область матеріальной природы и находимъ въ ней цвѣты. Украсимъ же одну изъ нашихъ сухихъ страницъ поэтическимъ сравненіемъ. Цвѣты, эти прекрасные источники благоуханія, эти столь быстро увядающія очарованія нашего глаза — это удовольствія, наслажденія; растеніе, производящее ихъ — это польза; на одномъ растеніи много цвѣтовъ, увядаютъ одни, распускаются на мѣсто ихъ другіе; такъ полезною вещью называется то, изъ чего выростаетъ много цвѣтовъ. Но есть однолѣтнія цвѣтущія растенія; и есть также розовыя деревья, алеандры, живущія очень много лѣтъ и каждый годъ снова дающія много цвѣтовъ — вотъ такъ добро превосходитъ своею долговѣчностью другіе источники наслажденій, которые называются просто полезными вещами, но не удостоиваются имени добра, какъ фіалки не удостоиваются имени деревьевъ: онѣ предметы того же разряда вещей, но все еще не такъ велики и долговѣчны.

Изъ того, что добромъ называются очень прочные источники долговременныхъ, постоянныхъ, очень многочисленныхъ наслажденій, сама собою объясняется важность, приписываемая добру всѣми разсудительными людьми, говорившими о человѣческихъ дѣлахъ. Если мы думаемъ, что „добро выше пользы,“ мы скажемъ только „очень большая польза выше не очень большой пользы,“— мы скажемъ только математическую истину, въ родѣ того, что 100 больше 2, что на алеандрѣ бываетъ больше цвѣтовъ, чѣмъ на фіалкѣ. Читатель видитъ, что методъ анализа нравственныхъ понятій въ духѣ естественныхъ наукъ, отнимая у предмета всякую напыщенность, переводя его въ область явленій очень простыхъ, натуральныхъ, даетъ нравственнымъ понятіямъ основаніе самое непоколебимое. Если полезнымъ называется то, что служитъ источникомъ множества наслажденій, а добрымъ просто то, что очень полезно, тутъ уже не остается ровно никакихъ сомнѣній относительно цѣли, которая предписывается человѣку,— не

какими нибудь проблематическими предположеніями, таинственными отношеніями къ чему нибудь еще очень невѣрному,— нѣтъ, предписывается просто разсудкомъ, здравымъ смысломъ, потребностью наслажденія: эта цѣль — добро. Разсчетливы только добрые поступки; разсудителенъ только тотъ, кто добръ и ровно на столько, на сколько добръ. Когда человѣкъ не добръ, онъ просто неразсчетливый мотъ, тратящій тысячу рублей на покупку грошовой вещи, тратящій на полученіе малаго наслажденія нравственныя и матеріальныя силы, которыхъ достало бы ему на пріобрѣтеніе несравненно бо́льшаго наслажденія.

Но въ томъ же понятіи о добрѣ, какъ объ очень прочной пользѣ, мы находимъ еще другую важную черту, помогающую намъ открыть, въ какихъ именно явленіяхъ и поступкахъ главнѣйшимъ образомъ состоитъ добро. Внѣшніе предметы, какъ бы тѣсно ни были привязаны къ человѣку, все таки слишкомъ часто разлучаются съ нимъ: то человѣкъ разстается съ ними, то они измѣняютъ человѣку. Родина, родство, богатство, все можетъ быть покинуто человѣкомъ или покинуть его; отъ одного никакъ не можетъ онъ отдѣлаться, пока остается живъ, одно существо неразлучно съ нимъ, — это онъ самъ. Если человѣкъ полезенъ другимъ людямъ по своему богатству, онъ можетъ перестать быть полезенъ, лишившись богатства; но если онъ полезенъ людямъ по качествамъ своего собственнаго организма, по своимъ душевнымъ качествамъ, какъ обыкновенно говорится, то онъ можетъ развѣ только зарѣзать себя, но пока не зарѣжетъ, не можетъ перестать дѣлать пользу людямъ, — не дѣлать ея выше сго силъ, не въ въ его власти. Онъ можетъ сказать себѣ: буду золъ, буду вредить людямъ; но исполнить этого онъ уже не можетъ, какъ умный не можетъ не быть умнымъ, еслибъ и не желалъ. Не только по постоянству и долговѣчности, но и по обширности результатовъ добро, приносимое качествами самого человѣка, гораздо значительнѣе добра, дѣлаемаго человѣкомъ только по обладанію внѣшними предметами. Доброе или дурное употребленіе внѣшнихъ предметовъ случайно; всякія матеріальныя средства

такъ же легко и часто бываютъ обращаемы на вредъ людямъ, какъ и на пользу имъ. Богатый человѣкъ, принося своимъ богатствомъ выгоду нѣкоторымъ людямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вредитъ другимъ или даже и тѣмъ же самымъ людямъ въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, богатый человѣкъ можетъ дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ, развить въ нихъ здоровье, умъ, дать имъ множество знаній; это вещи полезныя для нихъ; но будутъ ли они сдѣланы или нѣтъ, это еще неизвѣстно, и часто этого не бываетъ, а напротивъ, дѣти богача получаютъ такое воспитаніе, что дѣлаются отъ него людьми хилыми, болѣзненными, слабоумными, пустыми, жалкими. Дѣти богача вообще пріобрѣтаютъ привычки и понятія невыгодныя для нихъ самихъ. Если таково вліяніе богатства на людей, счастіемъ которыхъ наиболѣе дорожитъ богачъ, то, конечно, оно еще замѣтнѣе приноситъ вредъ другимъ людямъ, не столь близкимъ сердцу богача..... Но если возможно нѣкоторое сомнѣніе относительно того, равняется ли вредное вліяніе богатства на этихъ отдѣльныхъ людей пользѣ, получаемой ими отъ него, то можно спорить о томъ фактѣ, что въ дѣйствіи богатства отдѣльныхъ людей на цѣлое общество вредныя стороны гораздо сильнѣе полезныхъ. Это съ математическою достовѣрностью обнаруживается тою частью нравственныхъ знаній, которая раньше другихъ стала разработываться по точной научной системѣ и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своихъ разработана уже довольно хорошо наукою о законахъ общественнаго матеріальнаго благосостоянія или обыкновенно такъ называемою политическою экономіею. Итакъ, дѣйствительнымъ источникомъ совершенно прочной пользы для людей отъ дѣйствій другихъ людей остаются только тѣ полезныя качества, которыя лежатъ въ самомъ человѣческомъ организмѣ; потому собственно этимъ качествамъ и усвоено названіе добрыхъ, потому и слово добрый настоящимъ образомъ прилагается только къ человѣку. Въ его дѣйствіяхъ основаніемъ бываетъ чувство или сердце, а непосредственнымъ источникомъ ихъ служитъ та сторона органической дѣятельности, которая называется волею; по-

тому, говоря о добрѣ, надобно спеціальнымъ образомъ разобрать законы, по которымъ дѣйствуютъ сердце и воля. Но способы къ исполненію чувствъ сердца даются волѣ представленіями ума и потому надобно также обратить вниманіе на ту сторону мышленія, которая относится къ способамъ имѣть вліяніе на судьбу другихъ людей. Не обѣщая ничего навѣрное, мы скажемъ только, что намъ хотѣлось бы изложить точныя понятія нынѣшней науки объ этихъ предметахъ. Очень можетъ быть, что намъ и удастся сдѣлать это.

Но мы едва не забыли, что до сихъ поръ остается не объяснено слово антропологическій въ заглавіи нашихъ статей: что это за вещь, „антропологическій принципъ въ нравственныхъ наукахъ?“ Что за вещь этотъ принципъ, читатель видѣлъ изъ характера самыхъ статей: принципъ этотъ состоитъ въ томъ, что на человѣка надобно смотрѣть какъ на одно существо, имѣющее только одну натуру, чтобы не разрѣзывать человѣческую жизнь на разныя половины, принадлежащія разнымъ натурамъ, чтобы разсматривать каждую сторону дѣятельности человѣка, какъ дѣятельность или всего его организма, отъ головы до ногъ включительно, или если она оказывается спеціальнымъ отправленіемъ какого нибудь особеннаго органа въ человѣческомъ организмѣ, то разсматривать этотъ органъ въ его натуральной связи со всѣмъ организмомъ. Кажется, это требованіе очень простое, а между тѣмъ только въ послѣднее время стали понимать всю его важность и исполнять его мыслители, занимающіеся нравственными науками, да и то далеко не всѣ, а только нѣкоторые, очень немногіе изъ нихъ, между тѣмъ какъ большинство сословія ученыхъ, всегда держащееся рутины, какъ большинство всякаго сословія, продолжаетъ работать по прежнему фантастическому способу ненатуральнаго дробленія человѣка на разныя половины, происходящія изъ разныхъ натуръ. За то и всѣ труды этого рутиннаго большинства оказываются теперь такимъ же хламомъ, какимъ оказались труды Эмина и Елагина по русской исторіи, Чулкова по собиранію народныхъ пѣсенъ, или въ наше время труды гг. Погодина и Шевырева: кое что похожее на правду

попадается и въ нихъ,— вѣдь г. Погодинъ совершенно справедливо говоритъ, что Ярославъ былъ князь Кіевскій, а не Краковскій, что Ольга приняла въ Константинополѣ православіе, а не лютеранство, что Алексѣй Петровичъ былъ сынъ Петра Великаго; вѣдь г. Шевыревъ справедливо замѣтилъ, что русскій народъ употребляетъ скудную и неудобоваримую пищу, что между ямщиками попадаются красивые парни и отыскалъ въ паисіевскомъ сборникѣ довольно любопытное свидѣтельство о русскомъ язычествѣ. Но всѣ эти прекрасныя и совершенно вѣрныя вещи засыпаны въ книгахъ ученой четы покойнаго Москвитянина такимъ множествомъ вздорныхъ мнѣній, что отдѣлить въ нихъ правду отъ пустяковъ— трудъ столь же тяжелый, какъ отыскивать годныя на выдѣлку бумаги тряпки въ тѣхъ мѣстахъ, которыя изслѣдуются зоркими глазами и ловкимъ крючкомъ ветошниковъ; потому люди обыкновенные поступятъ лучше всего, если совершенно откажутся отъ столь непріятнаго дѣла, предоставляя его привычнымъ къ нему труженикамъ; но труженики эти, спеціалисты идущіе въ уровень съ понятіями нынѣшней науки, находятъ, что въ книгахъ, подобныхъ сочиненіямъ гг. нами названныхъ и ихъ предшественниковъ, даже и ученаго тряпья отыскивается слишкомъ мало, такъ что чтеніе ихъ составляетъ совершенную трату времени, ведущую только къ засоренію головы. Вотъ тоже самое надобно сказать почти о всѣхъ прежнихъ теоріяхъ нравственныхъ наукъ. Пренебреженіе къ антропологическому принципу отнимаетъ у нихъ всякое достоинство; исключеніемъ служатъ творенія очень немногихъ прежнихъ мыслителей, слѣдовавшихъ антропологическому принципу, хотя еще и не употреблявшихъ этого термина для характеристики своихъ воззрѣній на человѣка: таковы, напримѣръ, Аристотель и Спиноза.

Что касается до самаго состава слова „антропологія,“ оно взято отъ слова anthropos, человѣкъ,— читатель, конечно и безъ насъ это знаетъ. Антропологія, это такая наука, которая о какой бы части жизненнаго человѣческаго процесса не говорила, всегда помнитъ, что весь этотъ процессъ и каждая часть его происходитъ въ

человѣческомъ организмѣ, что этотъ организмъ служитъ матеріаломъ, производящимъ разсматриваемые ею феномены, что качества феноменовъ обусловливаются свойствами матеріала, а законы, по которымъ возникаютъ феномены, есть только особенные частные случаи дѣйствія законовъ природы. Естественныя науки еще не дошли до того, чтобы подвести всѣ эти законы подъ одинъ общій законъ, соединить всѣ частныя формулы въ одну всеобъемлющую формулу; что дѣлать, намъ говорятъ, что и сама математика еще не успѣла довести нѣкоторыхъ своихъ частей до такого совершенства: мы слышали, что еще не отыскана общая формула интегрированья, какъ найдена общая формула, умноженія или возвышенія въ степень. Отъ этого, конечно, затрудняются ученыя изслѣдованія: мы слышали, будто бы математикъ очень быстро совершаетъ всѣ части своего дѣла, но какъ дойдетъ до интегрированья, ему приходится сидѣть цѣлыя недѣли и мѣсяцы надъ дѣломъ, которое можно было бы исполнить въ два часа, если бы уже найдена была общая формула интегрированья. Такъ еще больше въ нравственныхъ наукахъ. До сихъ поръ найдены только частные законы для отдѣльныхъ разрядовъ явленій: законъ тяготѣнія, законъ химическаго сродства, законъ разложенія и смѣшенія цвѣтовъ, законъ дѣйствій теплоты, электричества; подъ одинъ законъ мы еще не умѣемъ ихъ подвести точнымъ образомъ, хотя существуютъ очень сильныя основанія думать, что всѣ другіе законы составляютъ нѣсколько особенныя видоизмѣненія закона тяготѣнія. Отъ этого нашего неумѣнья подвести всѣ частные законы подъ одинъ общій законъ чрезвычайно затрудняется и затягивается всякое изслѣдованіе въ естественныхъ наукахъ: изслѣдователь идетъ ощупью, наугадъ, у него нѣтъ компаса, онъ принужденъ руководиться не столь вѣрными способами къ отыскиванію настоящаго пути, теряетъ много времени въ напрасныхъ уклоненіяхъ по окольнымъ дорогамъ на то, чтобы вернуться съ нихъ къ своей исходной точкѣ, когда видитъ, что онѣ не ведутъ ни къ чему и чтобы снова отыскивать новый путь; еще больше теряется времени въ томъ, чтобы убѣ-

дить другихъ въ дѣйствительной непригодности путей, оказавшихся непригодными, въ вѣрности и удобствѣ пути, оказавшагося вѣрнымъ. Такъ въ естественныхъ наукахъ, точно такъ же и въ нравственныхъ. Но какъ въ естественныхъ, такъ и въ нравственныхъ этими затрудненіями только затягивается отыскиваніе истины и распространеніе убѣжденности въ ней, когда она найдена; а когда найдена она, то все таки очевидна ея достовѣрность, только пріобрѣтеніе этой достовѣрности стоило гораздо большаго труда, чѣмъ будутъ стоить такія же открытія нашимъ потомкамъ при лучшемъ развитіи наукъ, и какъ бы медленно не распространялась между людьми убѣжденность въ истинахъ отъ нынѣшней малой приготовленности людей любить истину, т. е. цѣнить пользу ея и сознавать непремѣнную вредность всякой лжи, истина все таки распространяется между людьми, потому что, какъ ни думай они о ней, какъ ни бойся они ея, какъ ни люби они ложь, все таки истина соотвѣтствуетъ ихъ надобностямъ, а ложь оказывается неудовлетворительной: что нужно для людей, что будетъ принято людьми, какъ бы не ошибались они отъ принятія того, что налагается на нихъ необходимостью вещей. Станутъ ли когда нибудь хорошими хозяевами русскіе сельскіе хозяева, до сихъ поръ бывшіе плохими хозяевами? Разумѣется, станутъ; эта увѣренность основана не на какихъ нибудь трансцендентальныхъ гипотезахъ о качествахъ русскаго человѣка, не на высокомъ понятіи о его національныхъ качествахъ, о его превосходствѣ надъ другими по уму или трудолюбію или ловкости, а просто на томъ, что настаетъ надобность русскимъ сельскимъ хозяевамъ вести свои дѣла умнѣе и разсчетливѣе прежняго. Отъ надобности не уйдешь, не отвертишься. Такъ не уйдетъ человѣкъ и отъ истины, потому что по нынѣшнему положенію человѣческихъ дѣлъ оказывается съ каждымъ годомъ все сильнѣйшая и неотступнѣйшая надобность въ ней.

(*Современникъ*, Апрѣль и Май 1860 г.)